

АЛТАЙ

1966 N 4

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
№ 4 (39) 1966

504159

В НОМЕРЕ:

- ДАЛЬНЕЙШИЕ СУДЬБЫ ГЕРОЕВ РОМАНА „СОЛОНА ТЫ, ЗЕМЛЯ!“
- НОВЫЕ РАССКАЗЫ, НОВЫЕ СТИХИ, НОВЫЕ АВТОРЫ
- ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ НЕ СЛОМИЛИ НИКАКИЕ СМЕРТНЫЕ МУКИ
- „ТЕМП“—ПРИЧИНЫ ЕГО УДАЧ И НЕУДАЧ В КЛАССЕ „А“

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Георгий ЕГОРОВ

ГИБЕЛЬ КОМИССАРА

Георгий Егоров последние годы работает над новым произведением «На земле живущим», являющимся продолжением его романа «Солона ты, земля!»

Мы публикуем в этом номере альманаха часть нового романа, из которой читатели узнают о судьбе героя книги «Солона ты, земля!» Аркадия Николаевича Данилова.

Николай вдруг зачастил к деду Леонтычу Юдину. Хотя и некогда было позарез, но через день-два на часок забегал. Придет вечерком, спросит у тети Насти, что слышно о Косте. А потом усядутся с дедом возле печки и дымят самосадам. Слушает Николай бесконечную болтовню деда Леонтыча про партизанщину, про его храбрые подвиги, а сам нет-нет да и посмотрит на расписанную петухами дверь горницы — там у тети Насти живут эвакуированные квартиранты, мать с дочерью. Сидит он с дедом, курит, а девушка, кареглазая, улыбчивая, то и дело из горницы к печке или в сенды шмыг да шмыг. А в уголках губ не то улыбка, не то усмешка: дескать, знаю, чего ради тебе дед полюбился.

А дед Леонтыч тарахтит и тарахтит, как старый немазанный тарантас:

— И вот тогда, после этого бою в Гилевке, выстраивает Коляда весь полк и произносит речь. Говорит, такие, как вы, Пётра Левонтыч, есть опора всей нашей партизанщины и есть вы, говорит, наипервейший герой в моем полку. А за это, говорит, награждаю тебя винтовкой. Бей, говорит, из нее супостатов насмерть, не давай им пощадь... Он мне тут за храбрость мою к винтовке-то еще и саблю серебряную предлагал с себя снять, да я отказался, не принял. Говорю: тебе нужней она, а мне, говорю, и так можно обойтись. В хозяйстве, говорю, и топором можно дров-то нарубить. А зря отказался. При перешнем-то времени поехал в лесок хворосту нарубить да прихватил бы ее. Глядишь, и оборонился бы от супостатов каких...

— Чего городишь! Какие супостаты? — вмешивалась Настя. —

Ты уж, должно, с самой коллективизации и в лес-то не заглядываешь... И кто это тебе саблю дарил, за какую такую храбрость.

— Цыц ты! — прикрикивал Леонтьич. — Вот в маманю свою покойницу уродилась, всегда насупереть лезет...

А однажды Леонтьич особенно обрадованно встретил Николая.

— Ты сегодня утресь радио не слухал? Аркадий Миколаевич Данилов, золотая его душа, речь говорил. К нам, к своим пребывавшим партизанам обращению делал, немцев-супостатов бить звал, опять партизанничать, значит, надумал.

— Как партизанить? — не понял сразу-то Николай.

— Как, как... Знамо как! Ни впервой нам. К немцам в тылы идтить звал. — И зашептал ему на ухо: — Я от Насти тайком сухарей уже насыпал в котомку. Наутро с зарей подамся на станцию. Как ты думаешь, Трофимыч, оружию там дадут али всяк со своей должен? В девятнадцатом-то годе я со своей берданкой, с конем и с овечками ушел. А теперя коня нет, а овечку разве Настя даст... Не знаешь, где бы ружьишко раздобыть, ась?

— Куда уж тебе, дед, партизанить! Сколько тебе лет-то?

— Лет-то? А бог его знает. Я уж и не считаю. Одним словом, давнишний я.

— Ну, а все-таки? Семьдесят-то есть ведь?

— А вот посчитай. В девятнадцатом, когда я к Аркадию Миколаевичу уходил, мне аккурат вроде бы полсотня стукнула. А, может, и мене. Ну вот и считай.

— Семьдесят три, наверное...

— Во-во, так оно и должно быть. Так что ничего, еще повоюем. А Аркадий-то Миколаевич ко всем обращался. Он зря не будет говорить...

А на следующую ночь прибежала к Николаю тетя Настя, заплаканная, причитающая в голос.

— Коленька, милый, дед наш потерялся. С утра куда-то ушел и не заявлялся целый день. Может, что говорил тебе? Мы с Оксаной с ног сбились, по селу бегали, искали его.

И тут Николай вспомнил про сухари, припасенные в котомке.

Настя всплеснула руками, когда он рассказал.

— Точно! Это он может! На станцию ушел. Он ведь как ребенок стал, из ума совсем выжил. Ох, боже мой, вот горюшко-то мое!..

Николай стал одеваться.

— Не волнуйся, тетя Настя, за день он далеко не ушел. Догоним. Беги сейчас на конюшню, запряги лошадь, подъезжай сюда.

Утром все село было свидетелем возвращения деда Леонтьича домой после столь неудачного побега в партизаны. Бабы, шедшие на работу, запрудили проулок и смеялись над стариком:

— Какой из тебя, дед, партизан, ежели тебя сразу же поймали!

— Из тебя песок уж сыплется. Вот по этому следу Николай тебя, наверное, и нашел...

Опозоренный дед кряхтя вылезал из коробка, охал — за день-то наломался вчера.

— Бабоньки! А, может, он ни в какие не в партизаны, а к молодке какой-нибудь вдарился, а?

Хохот неся по проулку. Дед не вытерпел.

— Цыц вы, мокрохвостки! А то вот как пальну! — он выхватил из ходка старое, сплошь красное от ржавчины ружьишко с отломанным курком.

— Эй-эй-эй, ты, старый! — шарахнулись в стороны бабы. — От тебя ведь чего доброго...

А дед разошелся:

— Их же шел оборонять, дур стоеросовых, а они же надсмехаются. Ежели б не Миколай, я бы показал там. Я бы пришел непременно полным кавалером — при всех крестах...

Бабы смеялись, смеялась и вышедшая из калитки Оксана. А дед тряс своей котомкой и ржавым ружьем, которое, как потом выяснилось, выменял у ребятишек на десять рыболовных магазинных крючков, оправдывался в своей оплошности:

— Это Миколай меня в полон взял. А он ить бывший солдат. Супротив русского солдата никакая сила не устоит. Вот я и не устоял...

Долго бы еще распространялся он, если бы не дочь. Настя забрала у него и провиант и вооружение и самого за руку, как провинившегося ребенка, увела во двор.

— Ох, и горе мне с тобой...

В эти дни у Аркадия Николаевича Данилова встречи были одна неожиданнее другой. И днем и ночью стучали в его новосибирскую квартиру. Открывал дверь и всматривался в лица пришедших с котомками, с чемоданами бородачей и бритых пожилых.

— Не узнаешь, Аркадий Николаевич?..

И только потом уже раздавались восклицания, крепкие мужские объятия. Не успевал с одним толком разговориться, стучали снова — вваливалась целая группа.

— На твой зов, Аркадий Николаевич, явились.

— Тряхнем стариной, комиссар!

— Покажем, брат, немцам на что сибиряки годны, а?

Были и такие встречи:

— А ты ведь, Аркадий Николаевич, меня не узнал. Ты меня с Максе́й пугаешь. Он был в Ермачихе комиссаром, а я грамотинский.

— Постой, постой, разве ты не Баранов?

И все дружно, по-молодому хохотали.

Днем и ночью в квартире было народу, как на вокзале, пахло сивухой, и без конца слышалось: «А помнишь?..», «А знаешь...».

Прибыл старый даниловский друг и соратник по подпольной организации и Каменскому совдепу Иван Кондратьевич Тищенко.

С ним сразу ввалилось человек двадцать каменных и усть-моси-хинских партизан. Шум и гомон стоял в комнатах, на кухне, в коридоре. Размещались даже на лестничной площадке. Развязывали котомки, доставали прихваченные из дому полбутылки и радиостанции, встречались солдатскими алюминиевыми кружками. И бурлили, водоворотили разговоры о былом, о том, что начало подергиваться сизоватой дымкой времени — иные ведь с самой гражданской не виделись. По-молодому поблескивали глаза, распрямлялись спины, звонче становились голоса.

И все-таки, как ни выпячивали по-молодецки грудь, как ни старались пройтись гоголем и выглядеть бравыми, из семисот добровольцев, откликнувшихся на призыв Данилова по радио, требования медицинской комиссии выдержали только сто сорок пять человек, в том числе и сын Аркадия Николаевича Ким. С ними и уехал старый комиссар в Москву. Командиром был назначен Иван Кондратьевич Тищенко.

В Москве, в Центральном штабе партизанского движения, было решено заслать отряд в леса Калининской области. Началось формирование двух других отрядов.

Командиром бригады был назначен полковник Батурин, много лет прошедший в армии, уроженец здешних мест.

Встретил Данилов и Костю Кочетова, внука деда Леонтьича Юдина. Как только отряд прибывает на место, он и его люди разойдутся по селам и городам и будут налаживать разведывательную сеть — глаза и уши партизанского соединения.

Много было хлопот у Аркадия Николаевича в эти дни. Все надо проверить, все предусмотреть, предугадать, обо всем заранее позаботиться.

Ни днем, ни ночью от комаров не было покоя. Мазь, выданная в Москве, почти не действовала. Комары первые пять-десять минут вроде бы сторонились, а потом набрасывались на людей с еще большим остервенением, словно старались наверстать упущенное.

Третий день партизанский отряд идет на запад, третий день под ногами хлюпает болото, а над головой шумят знаменитые калининские леса. У партизан распухли искусанные веки, губы, уши. А комары гудят и гудят непрерывно. Непрерывно то одна, то другая лошадь проваливается в болото. Их в конце концов наловчились быстро вытаскивать: ухватят десяток человек за голову и за хвост и — волоком на тропу. И все-таки несколько лошадей вместе с вьюками скрылись навсегда в мутной зловонной пучине — не успели ухватить...

Наконец, к исходу третьих суток по колонне волной прокатилось: — Линию фронта миновали...

Столько было разговоров там, в Москве, об этой линии фронта, сколько готовились к ее переходу, и вот она позади. А совершенно ничего не изменилось: так же хлюпает болото под ногами, так же беспо-

шадны комары, так же где-то впереди закатывается солнце и, что самое странное, нисколько не убавилось нервного напряжения и — чего греха таить — страха. Ведь большинство бойцов бригады впервые шло во вражеский тыл.

На четвертую ночь, наконец, разрешили развести костры — небольшие, в основном, только согреть чай да разогнать комаров. Измученные трехсуточным переходом и комарами бойцы и тут не могли уснуть — дым ел глаза, лез в нос, в рот.

— Говорят, будто комиссар сказал, что завтра будем лагерь разбивать.

— Ну-у, дюже близко от фронта! — ответил пожилой мужчина с легкой, еще не отросшей бородой. — Тут нам делать нечего.

Другой, тоже ошетиленный и искусанный, со слезящимися глазами зажмурился, сунул голову в самый дым, повертел ею там, потом отпрянул, протяжно выдохнул. Из-за воротника, из ушей у него струился дымок.

— Этак мы, братцы, к утру будем все, как копченые окорока, — сказал он, — ни одна болясть нас не возьмет.

— А на самом деле, где лагерь-то у нас будет, а? — раздался голос с другой стороны костра. Потом оттуда показалась голова, такая же заросшая, колючая. — Идем, идем, а не знаем куда. Чего доброго, так можно прямо в лапы к немцам угодить, а? Слепком ить идем-то, а?

— Чего акаешь! — недовольно заметил пегобородый. — Тебе что, митинги надо устраивать? Это тебе не колхоз, а регулярные части. Тут руками не голосуют, как на колхозном собрании: купим бугая али не купим. Тут приказ! Командование знает, куда ведет.

— Все одно! — не унимался голос с той стороны костра. — Надо, брат, чтобы и люди знали, а? Мы вот раньше в гражданскую партизанили, так командир либо комиссар выступит, обскажет все, что к чему и зачем, а опосля уже в бой идем...

Костер потрескивал, разбрасывая искры, и нещадно дымил. А над головами черная дыра неба да шумят где-то там, высоко, верхушки будто кострами разбуженных сосен.

У другого костра на вочках и на валежинах сидят безусые юнцы — те, кого в армию не брали по малолетству. Здесь разговор совсем другой.

— Ребята! Я кинжал наточил, как бритву. Усы пробовал — берет!..

— Кимка, давай махнем две гранаты на компас...

— Ну да, дурака нашел. Компас меня куда хошь выведет, а что твои гранаты!..

— Ну, давай, «шлейку» на гранату...

— Не-е...

— Хотя бы одного ихтиозавра немецкого увидеть, стрельнуть бы...

— А я знаете, ребята, что решил? Как убью немца — на ложе зарубку. И так пока весь автомат не изрежу...

Кругом темно. Только вымахнет на секунду-две из костра язычок пла-

мени, оближет сучья, осветит курносые, губатые лица юных партизан, но тут же прихлопнут его зеленой лапистой веткой, и опять опускается густой мрак, опять видны только силуэты да клубы белесого дыма. Развьюченные кони и те тянутся к кострам, к дыму — комары им тоже покоя не дают.

Под утро на бивуаке вдруг поднялась тревога. Приказано было срочно завьючивать коней, потушить костры и занять круговую оборону.

— Немцы, што ль, напали, брат, а? — допытывался бывалый партизан. — Я же говорил, что слепком идем. Вот и врехались, а?

— Ты не каркай! — шипел на него пегобородый. — Тоже пророк нашелся — «говори-ил...»

Через два часа передали другой приказ: сниматься с места, двигаться вперед.

Опять под ногами захлюпала вода, опять то и дело срывались кони. Люди чертыхались, вытаскивали их и, озираясь по сторонам, брели дальше, держа пальцы на спусковых крючках.

...Когда-то здесь буйно рос лес, дремучий, девственный. Была в нем жизнь: гнездились птицы, по весне выводили птенцов, неугомонно металась рыжие белки, сохатый чутко ступал по мягкой подушке мха, дикий кабан, вздыбливая щетину, подрывал корни, работяга-дятел от зари до зари усердно долбил деревья, выискивая запрятавшихся личинок. А потом страшным косматым вихрем пронесся здесь огненный шквал. Безумный и неуправляемый, он сжирал все. Столетние великаны и молодые гибкие деревца, ягоды и бурьян, мох и хилые таежные цветы, животные и птицы — все было обречено. Сгорая и корежась, деревья сами передавали с рук на руки друг другу свою ужасную судьбу — огонь, а с ним и смерть.

Даже теперь, когда над пожарищем прошли многие дожди, а время — это неумолимое мерило бытия — отсчитало свою дозу забвения, даже и теперь все живое, казалось, обходит это страшное место, где вповалку лежат могучие уроды, вздымая в застывшей раз и навсегда мольбе покалеченные сучья. Птицы не живут здесь — нет корма. Гады уползают прочь — здесь страшная зола. Сохатый, если выйдет из леса, постоит в величественной задумчивости, потом тряхнет рогатой головой и повернет назад. Звери обходят это место стороной — им здесь делать нечего. И только глупая букашка, бог весть как попавшая в это мрачное царство смерти, обшарила щелки, бестолково снуя туда-сюда по дереву-труп, да не сразу приметная молодая травка-зачат проклюнулась около старого пня.

На эту проклюнувшуюся травинку смотрел в раздумье подтянутый, весь в ремнях комбриг. Видно, и он, и комиссар, стоявший рядом с ним, в эту минуту думали об одном — о войне, которая прошла по Украине, Белоруссии, по всей Прибалтике и, наверное, вот так же опустошила землю. Опустошила, но не уничтожила совсем — корни-то

остались. Они дадут новые побеги, ведь солнце — этот источник жизни, начало всех начал — по-прежнему светило с востока...

— Начнем обживать, — сказал комбриг. — Как думаешь, комиссар?

Данилов не стряхнул задумчивости — как смотрел, не мигая, на нежный зеленый росток, так и не оторвал от него глаз.

— А ведь пройдет совсем немного времени, — тихо, словно сам себе, сказал он, — и от этого маленького ростка появится здесь жизнь... — Данилов отвел, наконец, глаза от ярко-зеленого нежного лепестка, глянул на комбрига и продолжал уже совсем другим тоном: — Конечно, будем обживать. Лучшего места для аэродрома не найти. Сегодня же надо послать сюда людей с лошадьми, растащить валежник, заровнять. Аэродром будет не хуже Внуковского.

Комбриг улыбнулся, тронул коня.

Ехали рядом, стремя в стремя. Кони привычно, совсем по-мирному поматывали головами.

— Вот обживемся здесь, Иннокентий Петрович, лагерь поставим. А лет этак через двадцать, может, сюда экскурсантами придем посмотреть. А тут ничего не узнаешь. Гарь эта зарастет, землянки наши обвалятся. И будем мы внукам своим показывать, откуда начиналась жизнь в этом оккупированном врагами крае. Интересно будет, правда?

Комбриг молча кивнул.

— Понимаешь, Аркадий Николаевич, — немного погодя заговорил он. — На душе у меня что-то неспокойно. Откровенно тебе скажу. Неуверенность какая-то, неопределенность.

Данилов притушил на небритых губах улыбку.

— Ощущение такое, какое бывает у кота, когда его в мешке тащат, да?

Комбриг удивленно повернулся к комиссару, глаза их встретились.

— Котом никогда не был, — ответил комбриг серьезно, без тени улыбки. — Но что-то наподобие этого, правильно ты определил. Может, объяснишь?

— Не у тебя одного такое ощущение. Все бойцы себя так чувствуют. И знаешь, почему? Потому, что мы еще не сталкивались с противником, не выяснили соотношение сил, не знаем его повадок, не знаем полностью своих возможностей. А проведем две-три операции, люди привыкнут к новой местности, себя каждый проверит. Вот тогда появится уверенность. Тогда хозяевами здесь будем мы...

Разведка, беспрестанно рыскавшая на ближних и дальних подступах к лагерю, донесла: самый близкий гарнизон врага — в деревне Рудо за тридцать пять километров. Ближе нигде нет.

Разведчики, вернувшиеся из первой вылазки, захлеб рассказывали:

— Немцы ходят ну прямо, как куропатки непуганные. Хоть голыми руками бери и веди в лагерь!

— Один около меня прошел в пяти метрах, — восторженно

поблескивал карими отцовскими глазами Ким Данилов. — Малину ел. Френч на нем зеленый расстегнутый, а рубашка нижняя грязная-прегрязная, так потом и обдало!

— Машин в селе много? — спросил комбриг.

— Одну видели под навесом, — ответил Кимов дружок с выщербленным передним зубом Миша Одуд.

— Движение большое через Руду?

— При нас ни одной машины не прошло.

— А следы на дороге?

Ребята переглянулись.

— На следы мы не обратили внимания.

— Та-ак, — крикнул комиссар, сидевший рядом с комбригом. — Значит, грязную рубашку на фрице заметил, а дорогу не видел.

— Огневые точки в селе? — спросил комбриг.

— Огневых точек в селе нет, — ответил Ким.

— Нет? Или не видели?

Разведчики опять переглянулись. Пожали плечами.

— Ну, нет на виду.

— Нет? — переспросил комиссар. — Табличек с обозначением огневых точек немцы, значит, не выставили?

— А сколько вообще в гарнизоне солдат?

— Мы насчитали десять человек, — уже без всякого энтузиазма ответил Миша Одуд.

Комбриг поднялся из-за стола, строго сказал:

— Приказ вы не выполнили. Сведения, которые принесли, не имеют никакой ценности. За это будете наказаны по законам военного времени. Идите!

Когда разведчики вышли, комбриг хмуро зашагал по землянке.

— Ну, что ты с ребятишек возьмешь! — покусывая губы, остановился он перед комиссаром. — Развели детский сад и что-то еще хотим от них...

Аркадий Николаевич спокойно смотрел на командира бригады. Его досада вполне естественна — через два-три дня бригада должна приступить к выполнению задания, а командование еще не имеет подробных сведений о противнике. Понимал, что трудно сейчас и комбригу, трудно и ребятам. Одно он знал твердо, интуицией чувствовал: будут из них хорошие разведчики, обязательно будут. Будут подрывники, будут минеры, будут отважные народные мстители. Но все это в будущем. А пока прав комбриг: война — не детский сад, одним воспитанием ребят заниматься не будешь.

— Надо сейчас же, немедленно посылать новые группы, — сказал комбриг. — Стариков надо посылать.

Данилов согласился.

— Можно стариков, только обязательно вместе с молодежью. И, может быть, все-таки взять трех-четыре «языков», как ты думаешь?

Комбриг задумчиво тер начавшую уже отрастать бороду — невыносимый зуд все время беспокоил.

— Я, однако, сбрую эту бороду к чертовой матери! — сказал он раздраженно. — Покоя от нее нет. — Опять подумал. — Не хочется мне, Аркадий Николаевич, немцев сейчас настораживать. Возьми сейчас этих «языков» — сразу же тревога начнется, охрану усилят.

— А не взять — можем так напороться при первой же операции, что потом долго придется расхлебывать. Для бойцов очень важна первая удача. Она решит многое. Надо, чтобы люди почувствовали, что не так страшен немец, как его малюют. Надо же учитывать и психологию человеческую.

Киму почему-то казалось, что «языка» можно взять именно только у того куста малины, где прошлый раз он видел немца. Сюда и пришли опять разведчики, забрались в кусты, притаились. Страх уже не было, как в первую вылазку. Казалось, что от лагеря до этих кустов малины у рудовской поскотины земля уже своя и по ней можно ходить без опаски. Угнетало другое: как накажет комбриг за невыполнение первого задания?

Вчера вечером с каждой группой ушли старые партизаны, а их с Мишкой послали одних. Может, этим и кончится наказание?..

Еще в Подмоскowie, когда готовили отряд к засылке в тыл, Кима и Мишу особо обучали приемам рукопашного боя, боксу, пиротехнике, владению ножом. Особенно запомнилось Киму, как возле подвешенной убитой лошади садился старый партизан, а ребята по одному неслышно подползали, потом вскакивали и били ножом. Партизан не только измерял силу удара, но и чутко прислушивался к тому, как ползут разведчики. Очень часто останавливал и заставлял ползти снова. А вот что касается следов на дороге, то этого Ким то ли не запомнил, то ли их учитель об этом не говорил. Как подсчитать по множеству перепутанных отпечатков количество прошедших машин? Как определить, в какую сторону прошли эти машины?

Сегодня на заре ребята тщательно обследовали и въезд и выезд из села. Следы автомобильных протекторов есть, но не свежие. А когда именно — день или два назад — прошли машины, попробуй определи. А вот огневых точек все-таки, кажется, нет в селе. Это они установили более или менее точно.

Долго сидели в кустах малины, сами наелись до отвала, а немца того все нет и нет.

— Кимк! — шепотом позвал Миша. — Может, он не придет. Просидим здесь зря.

Ким молчал. Он сам уже начал сомневаться в своей затее.

— А если нам разгородить поскотину? — зашептал, подумав, Ким. — Выпустить вон тех коней. Они же немецкие!

— Ну и что?

— Вечером обязательно за ними придут. Хватятся, а их нет. Пойдут искать в лес. А мы тут и сцапаем. Как ты думаешь?

— Ничего. По-моему, хорошо.

Разобрать звено в прясле — минутное дело. Хуже обстояло дело с лошадьми. Они и не думали идти в лес, топтались на месте, пощипывали травку.

— Вот гады! — злился Ким. — Привыкли в кабале у фашистов жить. Никакой им свободы не надо.

Пойти и выгнать лошадей в принудительном порядке, на виду у села? Рискованно, могут заметить.

Ким подполз к дыре в поскотине, стал свистом подзывать лошадей. Но и на свист они не реагировали — даже ухом не вели.

— Они же немецкие, — буркнул Миша, — по-русски не понимают.

— Свист на всех языках одинаков.

— А, может, у них лошади не приучены откликаться на свист.

Солнце палило нещадно. Кругом было тихо и знойно — точь-в-точь, как летом у бабушки в Усть-Мосихе. Так же бор манит своей прохладой, так же на лугу кони пасутся, а в селе пустынно и сонно. Только кое-где, растопырив крылья, пробежит через дорогу в тень курица, пройдет, лениво подволакивая задние ноги, разморенный жарой теленок.

От бездействия ребят потянуло в сон. Эх, искупаться бы сейчас да кринку холодного молока из погреба выпить!

— Мишк, а может, нам вон с той стороны, где лесок рядом, зайти в село да прям оттуда взять немца? Они сейчас спят, гады. Пойти и сонного взять.

— Ну и скажешь же! Какой же тебе дурак будет спать на краю села. Они все в центре живут.

— А чего делать? Без «языка» я не пойду в лагерь. Совсем засмеют. Скажут, грязную рубашку видел, а немца не привел. Скажут, врал и насчет рубашки.

— Без «языка», конечно, не пойдем.

Злились на немцев, на себя, на комбрига, который, когда можно было взять «языка», не разрешал, а сейчас, когда их ни одного нет, велит взять.

Время тянулось медленно. А в селе будто все попередохли — ни души нет. А, может, оттуда вообще все уехали — и немцы и жители? Немцы узнали, что бригада пришла, сами убежали и жителей угнали?.. Тогда бы телята не ходили по улицам...

Хотелось пить. Но баклажки с водой еще не открывали — хорошо запомнили наказ инструктора: в жару чем больше пьешь, тем сильнее пить хочется. Терпели. Солнце пекло. И, хотя под пестрым маскхалатом всего лишь майка и трусы, тело все мокрое и липкое от пота. Было душно и жарко, как в жаровне.

Когда солнце далеко перевалило с полдня, село начало оживать. Появился первый немец. Босой, в одних трусах он вышел в ограду и побежал к колодцу. Достал бадью воды, потом позвал женщину, ви-

димо, хозяйку дома. Сбросил трусы и велел ей встать на колоду и поливать на него из ведра.

— Вот этого бы гада поймать, — шепнул Ким.

Немец приплясывал на траве от удовольствия, а женщина все поливала и поливала.

— Хоть бы воспаление легких схватил...

Потом другой немец в нижней рубашке прошел по улице, играя с собакой. Потом еще и еще. Но никто из них не выходил из села.

Ребята торопливо набросали карандашом на бумажке план села, крестиками пометили дома, в которых живут немцы. И только когда совсем схлынул полуденный зной, от крайней избы отделились пять немцев и направились прямо на партизанских разведчиков. Ребята даже растерялись — двоим с такой оравой не справиться.

Немцы, громко переговариваясь, смеясь, прошли к малиннику. Один из них остановился около разгороженного прясла, посмотрел...

Что же делать? Если бы не в лесу, можно было всех забрать и увести, а тут разбегутся. И стрелять нельзя. Ребята переглянулись и недоуменно поджали губы. Потом Ким еле слышно шепнул в ухо другу:

— Надо следить. Как отобьется один в сторонку, так и схватим.

Миша согласно моргнул.

Время шло, а немцы увлеченно ели малину, разговаривали и никто из них не собирался отходить в сторону. Терпенье у ребят начинало иссякать. Хотя и знал Ким по рассказам других, что многих разведчиков погубила нехватка выдержки, все-таки его так и подмывало что-то предпринять. Не мог он лежать недвижно, когда немцы в полусотне шагов. По выступившим на лбу у Мишки капелькам пота Ким догадывался, что и тот еле сдерживал себя. Так и хотелось резануть из автомата поперек кустов — ведь ни разу еще не приходилось стрелять по фашистам. Но крепились оба. Нет выдержки, говорил их учитель, нет разведчика. И Ким стискивал зубы. «Хоть бы пронесло кого-нибудь из вас с этой малины, — мысленно молил он, — хоть бы отошел в сторонку»...

В эту минуту, словно подслушав желание Кима, один из немцев, высокий, с бледным, не тронутым загаром лицом, вдруг взялся за брючный ремень и пошел от малинника. Второй, рыжий, мордастый, посмотрел на остановившегося недалеко приятеля, что-то крикнул ему резко, и тот, держа руками брюки, торопливо зашагал дальше в кусты.

Расположился он почти рядом с разведчиками. Ким искоса увидел, как заблестели у Мишки глаза. И ребята, не сговариваясь, поползли к немцу. Ким, как пират, которых он в детстве видел в кино, держал финку в зубах. Ползли ящерицами, бесшумно и быстро. В двух метрах сзади немца вскочили. Ким мгновенно обхватил согнутой в локте рукой горло немца, прижав его голову к своей груди. Другой рукой тут же засунул ему в рот марлевый пакет и, держа свою жертву в неудобной позе, на корточках, не давая ни сесть, ни встать, торопливо обмотал конец бинта вокруг головы. А Мишка в это время крутил заломленную назад руку немца.

Первые сотни метров заставили ничего не понимающего, обалдевшего фашиста ползти на животе. Ким то и дело поторапливал его острым концом финки. Потом бежали бегом. И только после, когда уже отошли километра два, хватились, что пленный до сих пор не обыскан. Ким засунул руку в его правый карман и извлек оттуда парабеллум — первый трофей партизанской бригады.

Тридцать пять километров лесом да на ночь — расстояние не малое. Хорошо, что невдалеке разведчиков поджидал пожилой партизан с конями.

— Поймали? — изумился он, увидев немца, все еще державшего брюки в руках. — Как это вы, ребята, сумели, а? Неужели не сопротивлялся, а? — Он обрадованно суетился возле пленного, рассматривая его вблизи, трогал осторожно пальцами, хлопал себя по ляжкам и беспрестанно «акал». — Ты смотри, а! Живой! Живой фашист, а? Никогда в жисть не видывал живого фашиста. Как это вы, ребятки, перед ним не оробели, а? А он, брат, совсем ведь ручной, а? Смотри, стоит, сердешный, хлопает глазами, должно, с перепугу еще в себя, брат, придти не может, а?

Два дня ребята чувствовали себя героями. Ким беспрестанно показывал всем свой трофейный парабеллум, а Миша был озадачен другим: как считать этого немца — убитым или не убитым? Наконец, не выдержав, пошел к комиссару.

— Аркадий Николаевич, — смущенно заглядывал он на Данилова. — Как этот немец — убит или не убит?

Данилов удивленно поднял брови.

— То есть как — убит или не убит? Он ведь живой.

— Да нет, я не об этом. Вот я решил, что как убью немца, так зарубку на автомате сделаю. А как этого считать?

Данилов улыбнулся. Потом сказал:

— Если с этой точки зрения, то, конечно, он уже убитый. Ведь как враг он больше не существует!

Лицо Миши расплылось.

— Тогда мы с Кимом по ползарубки сделаем на автоматах...

Из лагеря отправлялись двенадцать больших групп. Решено было начать диверсии одновременно в нескольких районах, парализовать железные дороги Рига — Великие Луки, Витебск — Новгород, Псков — Полоцк, шоссейные дороги Невель — Опочка и Опочка — Себеж. Предстояло взорвать два железнодорожных моста, несколько шоссейных мостов на реке Великой, уничтожить мелкие гарнизоны в нескольких деревнях, в том числе в Рудо, захватить районный центр, в котором стояло около сотни немцев. Одновременные диверсии в разных концах огромной территории должны были прекратить на несколько дней снабжение и переброску войск на Ленинградский и подмосковные фронты, ошеломить немецкое командование.

Успех операции во многом зависел от неожиданности. На это очень рассчитывали комбриг, комиссар и командиры отрядов.

Накануне выхода групп была выслана разведка во все места предстоящих действий, проведено наблюдение за немецкими гарнизонами, из которых были взяты «языки». Ничегостораживающего разведчики не сообщили.

— Около Рудо солдаты ходят гурьбой по лесу, — докладывали Ким с Мишкой Одудом, — наверное, ищут нашего немца. Половина без оружия. Двадцать три человека мы насчитали. Хотели еще одного прихватить, но раз не было приказа, не стали брать. А он прямо сам в руки просился.

Миша шмыгал носом, по-ребячьи морщил лоб.

— Товарищ комиссар, что же это за война — немцы ходят, как куропатки, а стрелять их нельзя?

Аркадий Николаевич по-отцовски покровительственно смотрел на ребят.

— Потерпите немножко еще. Вот как объявим о своем появлении, тогда все немцы в полном вашем распоряжении. А пока нельзя.

И вот треть бригады уходила на боевые операции. Миша Одуд, хорошо изучивший за эти дни село Рудо и его окрестности, шел проводником группы, которая должна уничтожить здесь гарнизон и занять село с тем, чтобы в будущем превратить его в базу бригады. Решено было немцев больше в него не пускать.

Ким Данилов уходил с подрывниками на реку Великую. Партизаны несли на плечах тол, боеприпасы, продукты. День выдался хмурый, то и дело начинал накрапывать мелкий дождь. Хорошо, что комаров нет — три дня назад ударил первый утренник и гнус исчез. Ким шел и улыбался, глядя на то, как усердно выворачивает пятки шагавший впереди него бородач — «акальщик», который еще в первые дни знакомства заявил, что односельчане звали его «брат Тишка». Вчера командир отряда, отцов друг еще по гражданской войне, высокий, костлявый Иван Кондратьевич Тищенко никак не хотел его брать с собой — уж больно разговорчив и пуглив. Но брат Тишка петушился перед ним, тыкал пальцем в сторону Кима:

— Вон молокосос и тот поймал немца, а я что, хуже, а? Помнишь, брат, мы с тобой Милославского разоружали, а? Думаешь, я теперь старый, а? Не-ет, я еще того... силенка есть. Не веришь, а? Хошь, брат, я тебе сейчас салаги загну? Я те докажу...

Командир отряда невозмутимо поглаживал седой ежик на голове, видимо, ждал, когда тот выговорится. Но не дождался, перебил его:

— Ты плавать умеешь?

Брат Тишка несколько раз зевнул — никак не ожидал такого вопроса.

— А зачем?

— Я тебя спрашиваю, умеешь или нет?

— Ну, ежели в лодке...

Стоявшие кругом партизаны грохнули. Смех раскатился по лагерью. Начали сбегаться любопытные, охочие до веселой шутки.

— Не о лодке я тебе говорю.

— Конечно, умею. А ежели с дощечкой, то как еще поплыву. А зачем, а? Что там обязательно, что ли, плавать надо, а? Можно ведь и по берегу, а? Я лучше по берегу, а? Я по берегу, брат, проворный...

Командир отряда махнул рукой.

— Ладно. Иди. Только чтоб ни одного звука! Будешь в прикрытии.

— Добрая у тебя душа, Кондратьич, — сказал растроганно партизан. — А то как-то получается неудобно, а? Сосунки воют, а мы, брат, вроде бы на запятках, а?

Смотрит сейчас Ким, как косолапит впереди него этот старый сибирский партизан, сподвижник отца, и берет его смех — вспоминает, как раздавали по вещмешкам всей группе тол. Дали несколько кусочков и старику. Тот опасно держал его двумя пальцами на вытянутой руке, рассматривал.

— А он случайно того, брат, сам по себе не бабахнет, а? А то так полспины и не будет, а?

Ребята засмеялись:

— Нет, дед, если уж он бабахнет, то и всей спиной не отделаешься.

— Мокрого места не останется, дед.

— Ну, вот, видишь! Страсть-то какая, а? Этак, брат, можно и жизни лишиться не за здорово живешь, а?

Дорогой он все время оглядывался и спрашивал у Кима:

— Кимушка, а ежели немцы не дозвоят мост взорвать, тогда мы что, в бой будем с ними вступать, а? Этак ведь кровопролитие может произойти, а?

На привале он допытывался у молодежи:

— Вы, ребята, грамотные ноне все, скажите, а вот ежели мне доведется немца в плен брать, то как ему говорить — по-русски али по-ихнему, по-немецки, чтобы он понял, а?

— По-русски он тебя не поймет, — подтрунивали ребята. — Пока ты ему втолкуешь, он тебе пять раз кишки выпустит.

— По-немецки надо, дед. Они, эти немцы, такие ихтиозавры! Любят, чтоб все по-культурному было...

А я вот иностранным языкам с малолетства, брат, не обучался, тогда как быть, а?

— Изучать, значит, надо...

Кто-то заступился за деда.

— Не слушай никого, дед. Надо ему скомандовать: хэндэ хох! И все. Запомни только эти слова.

— Ерунда все это, — опровергали сразу те, кто постарше. — Автомат покажешь, он все поймет сразу.

— Во-во! Вот это, брат, правильно! — обрадовался брат Тишка.—

А то «хахо» да «хе-хе»! С перепугу разве вспомнишь всякие иностранные слова, когда увидишь автомат, а?

— Не ты ведь должен перепугиваться-то, — смеялись партизаны, — а немец.

— Немца перепугаешь али нет, а у самого, брат, в портках мокро будет, а? Тут, брат, кто вперед успеет перепугаться, тому и хана.

Ребята хохотали, нарушая всякую конспирацию.

— А зачем же тогда спрашиваешь: по-русски или по-немецки разговаривать?

— А это я к примеру, на всякий случай. Вот жив буду, приеду домой, спросят: «Партизан?» А как же, мол, брат, «партизан». «А слова иностранные знаешь?» А я тут как тут, наставлю: руки вверх — хо-хо!.. А?

Партизаны катались по земле, держась за животы.

— Не хохо, а хэндэ хох, — сквозь слезы выдавил Ким.

— Все одно, Кимушка, лишь бы по-иностранному..

Но тут откуда-то вывернулся командир отряда. Всегда спокойный и невозмутимый, на этот раз он еле сдерживался.

— Если ты еще хоть раз откроешь рот, я тебя отправлю в лагерь, а потом выгоним вообще из бригады! Немцы под носом, а он тут комедии устраивает!

Брат Тишка захлопал глазами.

— Откуда же я знал, что они под носом, а? Вот все время я и говорю, врухаемся прямо в лапы к ним и — все, поминай как звали, а? Это разве война — ни фронта тебе, ничего, а? Друг дружку подкарауливай. Тут, брат, пойдешь по шерсть, а вернешься стриженным..

Партизаны прыскали в кулак и на карачках расползались в разные стороны. Тищенко так зыкнул на говоруна, что тот, кряхтя, поднялся с земли, вытянулся перед ним, приложил растопыренную пятерню к картузу.

— Виноват, товарищ командир.

Тищенко, сдерживая себя, тихо пригрозил:

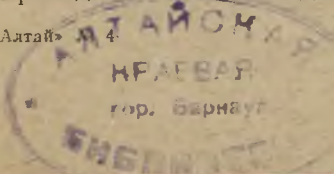
— Больше ты у меня никуда не пойдешь, ни на какие операции. Завхозом будешь в отряде, понял?

Дед опустил руку, подпернул портки, сползшие под тяжестью гранат в карманах.

— Без моего, брат, согласия не имеешь права. Это тебе не райпотребсоюз! — уколол он Тищенко, работавшего до войны председателем каменского райпотребсоюза. — Завхозом я, брат, и дома был. Вот!.. Стогло ли за столь верст ехать, чтобы опять быть завхозом, а?

К месту операции пришли на закате солнца. Дождь перестал, тучи начали разбредаться с небосклона. Разведчики вместе с командиром отряда выдвинулись ближе к мосту для наблюдения.

Уже было известно, что мост охраняется двумя часовыми — на том и на другом берегу по одному, что мост имеет четыре ряда деревянных свай по восемь штук в каждом ряду, что по нему в час в среднем проходит в оба конца до сотни машин, ночью — больше. Неиз-

вестна была только глубина реки да количество солдат в караульном помещении, под которое был занят дом дорожного ремонтера в километре от моста на противоположном от разведчиков берегу.

Лежали молча, не спуская глаз с часовых, прохаживавшихся вдоль перил навстречу друг другу по правой стороне моста. «Действительно, еще не пуганные, — отметил про себя Тищенко. — Разве по одной стороне ходить надо... Подплыть будет легче, а вот отплыть от моста опасно».

К двенадцати часам группы прикрытия подобрались к шоссе и закрепились по обеим сторонам вблизи моста. Ровно в двенадцать с немецкой пунктуальностью сменили часовых.

А машины с притушенными подфарниками мчатся одна за другой с бешеной скоростью нескончаемым потоком. Часовых снять незаметно едва ли удастся.

— Тронетесь в половине второго, — шепнул командир отряда. — Часовые будут не так насторожены.

Тищенко сам спустился с ребятами к реке, проверил, хорошо ли прикреплена к доскам взрывчатка, ощупал каждого из четырех — висит ли на ремне поверх трусов пистолет, нож. Еще и еще раз тщательно осмотрел каждый кустик на противоположном берегу.

Ровно в половине второго тронул каждого за плечо, и ребята неслышно соскользнули в воду, поплыли гуськом у самого берега в тени кустов. У спокойного хладнокровного командира отряда учащенно забилось сердце — началась первая операция. Хватит ли осторожности у ребят, выдержки, сумеют ли в темноте быстро прикрепить к каждой свае шашку, не забудут ли вставить запалы, включить часовой механизм? Сумеют ли незаметно выбраться из-под моста вниз по течению? Река хоть и называется Великой, на самом-то деле не так уж и велика, всю видно от берега до берега. Тищенко глаз не спускает с часовых, следит за каждым их движением — обоих хорошо видно на очистившемся небе. Автомат у него наготове. В случае чего с полусотни метров он не промажет, не будет ждать, пока группы прикрытия откроют огонь. Он помнит, как, провожая их, смотрел ему в глаза Аркадий Николаевич — ведь сына своего вручал другу...

А время тянется медленно-медленно, а сердце стучит все сильнее и сильнее. «Старею, наверное, — думал командир, — нервы сдавать стали».

Машины с ревом на полном газу проносятся по мосту. А под ним по-прежнему темно и тихо, ни единого всплеска не слышно. Посмотрел на часы, прошло всего-навсего десять минут. Какие долгие они, будто вечность целая прошла. Еще пять минут они будут под мостом, потом поплывут дальше. Пять минут! И мало и все-таки так много заключено в этих пяти минутах! Папиросу не успеешь выкурить и в то же время можно посидеть, можно полжизни перебрать в мыслях за пять минут. Можно перенестись в свою юность, снова пережить — в который уже раз! — всю гражданскую войну. Вспомнить, как они с Аркадием вот такими же пареньками — чуть постарше Кима и его това-

рищей — под носом у колчаковцев размножали листовки, готовили восстание в родном селе Усть-Мосихе, как под Солоновкой шесть раз в день поднимали партизанский полк «Красных орлов» в атаку на пулеметы, как потом восстанавливали народное хозяйство в стране. Давно ли это было! Кажется — вчера. В памяти сохранилось все до мельчайших подробностей. А пролетело уже двадцать три года!..

Вдруг часовой, возвращавшийся с середины моста, остановился. Остановилось сердце у Тищенко. Неужели заметил? Но часовой постоял и пошел дальше. Он и раньше иногда останавливался и смотрел на воду. Только раньше это было обычным и вполне естественным, а сейчас в каждом его движении мерещился провал операции, гибель ребят.

Прошло еще пять минут. Сейчас Кимка с друзьями должен быть уже метров за пятьдесят ниже моста, если, конечно, у них не произошло никакой задержки. До взрыва осталось десять минут. Хоть бы успели они выбраться на берег! А там уж почти в безопасности.

Тищенко приказал двум партизанам, сопровождавшим его, схватить одежду уплывших и отползать в лес. Сам подождал еще немного и тоже пополз к группе прикрытия.

Как ни ждал Иван Кондратьевич этой минуты, все-таки все произошло неожиданно. Взрыв был глухим, придавленным, словно мост и река хотели придушить его. В это время на мосту проносились две встречные автомашины. Тищенко видел, как одна из них взлетела вверх вместе с настилом, вторая же, кувыркаясь, скатилась на шоссе, перевернулась и упала в кювет. Мост исчез в мгновение ока, будто его и не было. Только внизу, в черном провале, что-то еще трещало, коржилось. Завизжали тормоза мчавшихся по шоссе машин. И тут по ним ударили автоматы партизан, полетели гранаты, один за другим ухали взрывы. Несколько машин загорелось. На противоположном берегу взвилась ракета. А машины подходили и подходили. Завязывалась перестрелка.

Партизанам больше делать было нечего. Тищенко подал сигнал к отходу...

...На следующую ночь бригада принимала на свой аэродром первый самолет. Когда улеглись поднятые винтом клубы пепла и золы, партизаны с криком «ура!» кинулись к самолету. Летчику были рады, как самому дорогому родственнику. Его качали, жали ему руки, трясли, задавали массу вопросов, не дожидаясь на них ответа.

Первым рейсом были доставлены боеприпасы, взрывчатка и питание для рации.

На заре состоялось заседание военного совета бригады совместно с партийной организацией. В решении записали: «Подготовительный период считать законченным. С сегодняшнего дня бригаде приступить к развернутым боевым действиям по изгнанию немецких оккупантов с советской земли. На территории близлежащих районов создать партизанский край, восстановить в нем Советскую власть и

запретить в него въезд немцам. Открыть счет уничтоженным оккупантам и их технике. Первыми записать в этот счет два железнодорожных и четыре шоссежных моста, восемь автомашин и семьдесят восемь гитлеровцев. Народные мстители объявляют второй фронт в тылу у немцев. Смерть немецким оккупантам!»

В один из этих первых осенних дней на станционной водокачке появился новый машинист, подвижный, конопатый, с веселыми глазами и сворой собак. Он сразу же взялся за ремонт оборудования. Рьяному работнику не хватало дня. Он даже ночами торчал на водокачке — что-то клепал, паял, вытачивал. Комендант станции частенько заходил в водонапорную башню, одобрительно кивал головой:

— Гут, гут, русшиер механикер...

Русский же механик сердито бил молотком по зубилу, срубая старые заклепки, косился на блестящие сапоги коменданта. Потом отбрасывал молоток:

— Герр гауптман, надо железо... железо, понимаете? — кричал он ему и, как глухонемому, старался показать что-то на пальцах. — Эйсен! — постучал по железяке. — Железо! Трубы надо! Восьмидюймовые трубы, понял, живоглот ты этакий?

Немец хлопал глазами, кивал головой и, видимо, ничего не понимал.

— Трубы!.. Как же они называются?.. Какой же ты, братец, ишак бестолковый... Вот что надо, смотри, — схватил он кусок трубы. — Вот! Только большую... гросс. Понял? Гросс надо! Восьмидюймовые. Как это? Айн... цвай... драй... Ахт! Ахтдюймовые! Понял?

— Я, я! — Но тут же немец развел руками, строго сказал: — Эс гибт никс! — И добавил: — Вермахт хат кайне рёре...

Механик с досадой, берясь снова за молоток, пробормотал под нос:

— Ну, раз кайне рёре, то я тебе, барбос, так и отремонтирую, хрен с тобой!

— Вас ист дас — «хреенстобой»? — насторожился немец.

— Я говорю, герр гауптман: на нет и суда нет, — опять, как глухонемому, закричал механик и тоже развел руками.

Тот одобрительно закивал головой, хотя опять наверняка ничего не понял. Потом похлопал механика по плечу.

— Гут, гут, русшиер механикер... — Подумал и добавил еще: — Дава-ай, дава-ай...

А по вечерам механик ходил по поселку с большим винтовым ключом под мышкой и обнюхивал все свалки металлолома, выбирал оттуда обрезки труб, какие-то куски железа и все это стаскивал к себе в водокачку. Вскоре у него появились добровольные помощники из молодежи — из таких же влюбленных в технику, как и он... Первым оказался Костя Гордиенко, щуплый, тщедушный. Как-то он подошел

к рывшемуся на свалке механику, постоял, засунул руки в карманы, циркнул слюной сквозь зубы, окликнул:

— Эй, ты! Откуда такой взялся?.. Смотри, как бы вместе со своей водокачкой не полетел на воздух!

Механик швырнул себе под ноги небольшой оцинкованный лист, словно он надоел ему больше всего на свете. Усталое выпрямился.

— Зачем вместе? Лучше уж — чтобы она одна взлетела, — сказал он деловито и вдруг подмигнул.

Парень опять сплюнул.

— А ты так стараешься, что мне сдается — сам хочешь вместе с ней... фьють! — свистнул он и покрутил наостренным в небо пальцем.

Механик долго с чуть заметной иронией смотрел на паренька, морща веснушчатый нос и будто взвешивая только что сказанное ему. Затем решительно поманил паренька.

— Ну-ка ты, травоядное, иди-ка сюда, поговорим.

— Нечего мне с тобой разговаривать, — ответил парень.

Механик сел на маховик, заговорщически улыбнулся.

— Не бойся. Я не звероподобный, не съем тебя.

Может, эта напускная грубоватость, за которой явно проглядывались добродушие и веселость механика, может, простое веснушчатое лицо с умными подвижными глазами и подкупили парня. Он подошел.

— Ну... — выжидательно остановился он неподалеку.

— Ты кто?

— А тебе какое дело?

— Есть дело. Заинтересовало твое... обещание.

— Донести хочешь своим хозяевам? Ничего не выйдет. Я — шмыг сейчас, и нет меня. Попробуй, найди!

— Доносить не собираюсь. Я не из ихтиозавров. А ты, если не травоядный, а деловой парень, то такой самому мне нужен.

— Это зачем же?

— Стало быть, нужен, коль спрашиваю. Говори: ты языком... того... — поболтал он ладонью перед своим лицом, — или не того?

— Чего — того?

— А насчет этого... — механик изобразил пальцем ту же уходящую в небо спираль, что и незадолго до него паренек. — Не похвалялся?

Парень косился на механика.

— Может, и не похвалялся, — тихо добавил он. — А какая разница?

— Ты один такой смелый или друзья есть?

— Может, и есть.

— Хм... — механик не спускал подвижных смысленных глаз с паренька. — Надо мне таких смелых.

— Зачем тебе?

— Раз говорю, значит, нужны для дела. Зверинец хочу устроить — понял?.. Тебя как звать-то?

Парень замялся.

— Ну, допустим, Костя.

Механик изобразил на лице восторг, хлопнул себя по коленке. — Ты смотри! Меня тоже Костя! Стало быть, тезки. Садись, тезка, поговорим.

— Ничего, я постою.

— Ну, ладно, постой, — великодушно разрешил механик. — Я тебя вот что хочу спросить. Только давай так — без булди. Ты здешний?

— Здешний.

— До войны где работал?

— Учился в техникуме машиностроительном.

Механик с подчеркнутым раздумьем поднял бровь, потом качнул головой.

— Ничего, подходяще. А сейчас чем занимаешься?

Парень сплюнул под ноги.

— Да так, ничем, в основном.

— Хочешь у меня на подхвате быть?

— Водокачку ремонтировать?

— Не только. Кое-что еще делать.

— А что именно?

— Найдем какое-нибудь занятие. Понял? Приходи завтра ко мне в водокачку...

Так посланец партизанской бригады Костя Кочетов наткнулся на местную подпольную организацию. Как выяснилось, организация эта небольшая — всего полдесятка человек, собравшихся стихийно с одной лишь целью: как можно больше напакостить немцам. И делалось это без определенного плана, случайными наскоками — то бричку с медикаментами, оставленную на ночь во дворе, опрокинут, побьют склянки, то стянут автомат у зазевавшегося немца или заткнут трубу в избе, где жили немцы. Те начнут топить печь, а дым весь в комнату идет.

Костя выслушал своих новых помощников, решительно сказал:

— Баловство все это. С сегодняшнего дня займемся серьезными делами.

Он, пользавшийся уже кое-каким доверием немецкого коменданта, устроил своего тезку на станции, осмотрщиком вагонов. Велел ему работать изо всех сил, чтобы заслужить благосклонность начальства. И Костя Гордиенко старался. На него косились остальные рабочие, не упуская случая зло подковырнуть усердие новоявленного выскочки. Но тот не обращал внимания. Потом ни с того, ни с сего вдруг на перегонах стали загораться эшелоны — возьмет и вспыхнет цистерна в середине состава. От нее и начнет полыхать вторая, третья. Пока машинист заметит, пока остановится, отцепит горящие — пол-эшелона как не бывало. Немцы усилили охрану на станционных путях, обыскивали рабочих, но ничего не помогало. Эшелоны горели.

Костя Кочетов посмеивался:

— Это, тезка, посолоннее, чем разбить десяток бутылей с карболкой или трубу на крыше заткнуть, правда?.. Но тоже не главное. Наша задача — разведывательные данные. Нам нужны свои люди в полиции, в комендатуре. У тебя есть там какие-нибудь знакомые?

Гордиенко сморщился, будто у него вдруг заныл зуб.

— Е-есть одна там. В школе с ней вместе учился. Но такая стерва, что встречаться противно.

— Где она работает?

— В полиции где-то. Не знаю, кем она там у них. Одним словом, шкура та еще!

Механик обнял своего тезку, ласково сказал:

— Ты должен с ней встретиться. Как будто случайно и не особо радушно. В общем, прикинься травоядным, чтобы она ничего не заподозрила. Понял?

Гордиенко прижал руки к груди.

— Противно! Понимаешь, Костя, противно! Не могу.

— Ты брось мне эти нежности телячьи. Ишь какой млекопитающий выискался! Придется тебе быть актером. Никогда в самодеятельности не играл?.. Вот и плохо. Меня еще до войны чуть было не втравили в это дело. У меня дружок дома был, тронутый на актерстве человек. Он хотел всех в селе сделать актерами. Так что я кое-чего от него нахватался. Главное—вжиться в свою роль, днем и ночью чувствовать себя тем, кем ты должен быть. Понял? А с девицей тебе придется все-таки встретиться. Как ее звать-то?

— Маней мы ее звали. Маня Скворцова. Отличница была. Не любили ее ребята. Вечно учительнице ябедничала. Ох, и били мы ее! Маленькая дочка. Ходила чистенько, с бантиками. Отца у нее в тридцать седьмом году забрали. Начальником станции был здесь. Говорят, маршрутные эшелоны загонял не по адресу, вредил. Вот и дочка пошла в него, такая же стерва. ...Неохота мне с ней встречаться, совсем неохота!..

И все-таки он с ней встретился — «случайно» столкнулся носом к носу у билетной кассы в кинотеатре.

— А-а, Маня! Приветик! — развязно осклабился он. — Сколько зим, сколько лет! Как живешь?

В кино сидели рядом. Потом пошел ее провожать. Дорогой вспоминали школу, свой класс.

— А хорошо тогда было, правда? — с грустью говорила Маня. — Я почему-то всегда школу вспоминаю как что-то светлое и хорошее.

— Ты, по-моему, и сейчас неплохо живешь.

Она согласилась:

— Живу хорошо. Немцы ко мне относятся благосклонно. А на душе, Костя, все равно какое-то беспокойство. Все чего-то ждешь. Как-то все непрочно устроено в жизни.

— Почему не прочно? — играл свою роль Гордиенко. — Немцы же пришли навсегда. Так ведь они говорят?

— Они-то говорят. Большевики тоже говорили, что на удар врага ответят тройным ударом, что врага будут бить на его же территории. Мы ведь так учили в школе? А что вышло?

— Значит, ты не веришь в немцев?

— Я, Костя, никому уже не верю — ни немцам, ни тем более боль-

шевикам. Я хочу жить тихо-тихо. Иметь семью, домик и ничего не видеть больше, не ходить ни на какую работу. И вообще уйти от всего. Жить так же беззаботно и счастливо, как это было в школьные годы.

Через день, при новой встрече, она говорила еще более доверительно:

— Одна я, Костя, во всем городе. Ни подружки нет, ни товарища. Куда-то все исчезли, попрятались, что ли, по своим норам. Не с кем поговорить. Порой даже страшно становится — неужели всю жизнь так жить?

А еще через несколько дней удивленный Гордиенко рассказывал своему наставнику:

— Она, оказывается, меня любит. Ты понимаешь, вчера сама сказала. Говорит, в школе еще нравился я ей... Вот это я врюхался! Что же делать теперь?

— Я, тетка, по бабьей части не мастак, — развел руками Костя Кочетов. — Вот дружок у меня дома был, Серега Новокшонов, тот бы тебя проконсультировал по всем статьям. А я одно только могу сказать: она для нас — клад, и отступаться тебе от нее никак нельзя. Работник паспортного стола вот так нам нужен, — чиркнул он себя по горлу. — А там... в остальном, поступай, как хочешь. Смотри сам!

Маленький, щуплый Гордиенко сидел в водокачке ссутулившись и поэтому казался еще меньше, почти подростком. На лице у него было полное уныние.

— Я же говорил тебе, тетка, что она дура непролазная, — не поднимая головы, произнес он. — И чего она во мне нашла хорошего? — недоумевал он. — Ни одна еще девчонка не влюблялась, а ей надо же втрескаться...

— Ты вот что, тетка, давай затевай со своей милашкой разговор о Гале. Надо ее устраивать.

— Хоть скажи мне, что это за Галя, которую назначили мне в сестры. А то: Галя, Галя. А какая она — большая или маленькая ростом, старая или молодая, блондинка или брюнетка?

— Да я сам ее в глаза не видел. Ну, скажешь своей Мане, что, мол, двоюродная сестра. Отца ее, мол, забрали в тридцать седьмом, мать погибла при бомбежке. Она осталась беспризорной. Ты у нее, мол, единственный родственник. Больше, мол, некому о ней позаботиться.

— Где она работала до войны?

— Кажется, училась в фельдшерской школе.

— Так она фельдшер?

— Нет. Вроде бы не кончила школу-то. Ну, об этом, о ее образовании можешь не говорить. Если уж спросит — тогда скажешь. Но имей в виду: надо сделать все, чтобы Галя устроилась в полицию. Хоть кем. Понял?

— Ладно.

Поезд как в стену уперся. Вагоны с лязгом ударились друг о друга, затрещали, задние стали наседать на передние. Один вагон, вытолкнутый на сторону, начал медленно валиться, увлекая за собой два соседних. Но они сдержали его — он накренился, повиснув над высокой насыпью. В окнах теплушек замелькали искаженные страхом лица.

Партизанские пулеметы взмахивая, на полные диски ударили по эшелону. На тендере с треском разорвались гранаты. Торопливо, будто кто рвал парусину, залились трескотней автоматы. Били с обеих сторон насыпи снизу вверх. Спастись в теплушках почти невозможно — пули прошивали их насквозь. Во многих вагонах от удара заклинило двери. А там, где они распахнулись, солдаты высыпались через них на железнодорожное полотно, а с него кубарем под откос, в кювет.

Двадцать минут поливали партизаны эшелон раскаленным свинцом — до тех пор, пока не подошла бронеплощадка. Напоследок забросали гранатами кюветы со спасавшимися там фашистами и стали отходить. Бронеплощадка долго еще швыряла вразброс по лесу снаряды и мины. Партизаны, довольные удачей, бесшумно скользили на лыжах по лесу, делая большие круги и петли, чтобы на случай преследования сбить немцев, запутать следы. Иногда снаряды падали неподалеку, рвались с резким, режущим ухо звуком. На месте взрыва вздымался белый столб и медленно оседал. А кругом на сотни метров задумчивый, припорошенный снегом лес вздрагивал, долго перекатывалось эхо, с веток сыпалось серебристое сево ослепительных снежинок, образуя радугу.

— Ким, ты сколько убил сегодня? — спросил Мишка Одуд, догоняя дружка и протаптывая рядом с проторенной лыжной своей, этим самым нарушая партизанский закон, идти след в след.

— Шут их знает, — безразлично ответил Ким.

У него в последние дни плохое настроение. Может, потому, что отца давно уже не видел — тот пятый день на совещании в подпольном обкоме. А может, от того кисло, что никак не удается побывать в Рудо и повидать Галю. Просто бы зайти, посмотреть на нее минутку-две, переброситься ничем не значащими словами — и сразу бы повеселел.

— А все-таки сколько?

— Чего?

— Ну, сколько убил?

— А-а!.. Трех видел точно, что срезал. А больше не знаю. Разве разглядишь.

Мишка улыбался широко, довольно.

— А я пятерых наповал... Да такие немцы! Отборные. Прелесть, а не немцы! — засмеялся он.

Пробежал несколько минут молча. Потом крикнул:

— Вот так, Кимушка! Со следующей операции перехожу на другую сторону приклада. Двадцать восемь зарубок уже есть. А у тебя?

— Двадцать три...

На форпосте, где теперь, в основном, жили диверсантники, землянка была жарко натоплена. Комендант поджидал их.

— Ну как, ребятки, а? Вставили фрицу фитиля, а? Даже здесь, брат, слышать было, как бабахало.

Мишка, сбрасывая на нары вещмешок и автомат, засмеялся:

— Это не мы бабахали, а по нас из пушек.

— Тоже хорошо. Раз фриц взялся за пушки, значит, брат, допекло, а?

— Хорошо, дядя, это когда здесь сидишь, в теплой землянке. А там не так-то чтоб шибко приятно было. Как залепенит — одной балды хватит на всю группу, если в середку угодит.

Комендант не унимался — наверное, надоело одному целый день сидеть молчком:

— Чем больше пушек будет держать фриц тут, стало быть, меньше на фронт достанется, а? Соображение надо иметь.

Мишка присел к печурке, протянул руки погреть.

— Соображения тут немного надо, — возразил он. — Ты лучше скажи, дядя, что на ужин нам приготовил. Подрубить бы поплотнее.

Брат Тишка хлопотал в землянке — помогал развешивать одежду, оружие, подкидывал в печку дрова, убирал со стола патронные цинки. Успевал и говорить со всеми.

— Тебе, Мишка, только бы подрубить. Никакой, брат, в тебе идейности нет.

— А какую тебе, дядя, идейность надо?

Брат Тишка смахнул со стола тряпкой хлебные крошки, ветошь, оставшуюся от чистки оружия.

— А идейность такую, пришел, брат, да и рассказал, как эшелон пустили под откос, сколько, брат, фрицев на тот свет отправили, а?

Партизаны рассаживались за узким дощатым столом, уставшие, покрасневшие, как мужики, приехавшие с сеном. Комендант гремел около печки котелками и беспрестанно акал.

— Взяли бы хоть меня разок с собой, а? А то надоело, брат, на этой заимке жить. Как на выселках, а? Будто за провинность какую, а? Поразмять бы бока-то, а?

Мишка Одуд заглянул в котелки, сморщил нос, закрутил им.

— Бока, говоришь, размять? Это, дядя, можно, особенно ежели будешь и дальше кормить нас этой пшенкой, — пообещал он.

— Цыц, ты, шенок! — стукнул комендант половником о котел. — Я тебе поговорю! Ишь — пшенка ему надоела. Губы еще подтирать не научился, а на бока мои озираешься. Там, брат, в тылу, и этого не видят, а ты нос воротишь...

Хлебали молча жидкую пшеничную кашницу с мясом — только ложки позвякивали.

Первым вылез из-за стола командир группы, надел ватник, пошел запрягать лошадь. До лагеря тридцать километров — на лыжах каждый раз не находишься с донесениями.

Вернулся он минут через пять. Снял со стены автомат, заменил диск, сунул в карманы по две гранаты.

— Ким! Поедешь со мной? — бросил он.

Ким обрадованно вскочил, натянул полушубок, нахлобучил шапку, сдернул с гвоздя автомат.

— Пулемет возьми...

Лагерь жил своей привычной размеренной жизнью — деловито, бурно и весело. Каждый день уходили отсюда в разных направлениях группы людей, нагруженных взрывчаткой, вооруженных автоматами, прибегали сюда лыжники, верховые на взмыленных лошадях, скрипели груженными санями обозы. Чуть ли не каждую ночь прилетали самолеты с Большой Земли.

Здесь почти ни в чем не чувствовалось немецкое окружение. Бригада крепко пустила корни на земле, которую немцы считали уже своей.

Вот что доносила служба безопасности (СД) в феврале 1943 года в Берлин: «Движение по дорогам из прифронтовой зоны в зону гражданской администрации вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежем, а также Полоцком и Дриссой фактически прекращено. В ходе действий партизанам удалось настолько овладеть районом, что они превратили его в неприступную оперативную базу, служащую для подготовки дальнейших действий...»

К февралю 1943 года на оккупированной части Калининской области действовало уже двенадцать партизанских бригад. Партизанский край расширился на сотни километров. Он протянулся с севера на юг от Новоржева до Полоцка, а с запада на восток — от границы с Латвийской республикой до рубежа Локия—Новосокольники—Невель. До сотни сел жили здесь по законам Советской власти — работали двенадцать райкомов, райисполкомы, подпольный обком партии, издавались свои, большевистские, газеты, транслировались радиопередачи из Москвы.

Немецкое командование мириться с этим, конечно, не могло. В январе сорок третьего года на ликвидацию этого партизанского края были брошены специальные карательные части в количестве двенадцати тысяч человек. Но попытка оказалась тщетной — партизаны выстояли, не уступив ни одного метра своей территории.

В феврале оперативное управление генерального штаба сухопутных войск вермахта стало готовить новую, еще более оснащенную и усиленную экспедицию против калининских партизан. Центральный штаб партизанского движения в свою очередь принял меры против этой экспедиции. Был создан объединенный штаб белорусских, латышских и калининских партизан. Началась подготовка долговременных огневых позиций, запасных баз, аэродромов.

Бои предстояли длительные, кровопролитные.

Аркадий Николаевич считал своим первейшим долгом обстоятельно побеседовать с каждым прибывшим в бригаду. Даже в эти напряженные февральские дни он находил время объезжать форпосты, на которых до поры оседали новички и подвергались проверке. А проверять приходилось обстоятельно — народ шел самый разношерстный. С кем только ни приходилось иметь дело комиссару!

Как-то на васьковском форпосте Аркадий Николаевич встретил деда с веселыми, по-младенчески голубыми глазами.

— Я, товарищ комиссар, тутошний житель и рожак, — заявил он. — Всю жизнь провел в лесах. Так что не принять меня никак нельзя. Без меня вы, как без рук. А правильней сказать — все одно что слепые без поводыря. Каждый кустик, каждую сосну я тут знаю поименно от Пскова до Полоцка. Самого Владимира Ильича Ленина на охоту водил тут.

— Как — Ленина водил? — не понял Аркадий Николаевич.

— Приезжал он в двадцатом году летом охотиться в наши места на реку Обшу.

— Да? — удивился Данилов.

— Это уж верь моему слову, комиссар, досконально говорю тебе. Своими глазами видел Ильича, водил его по наших местам. Только жил я тогда не тут, а в Антипино, за Западной Двиной — есть такая там деревня. Есть Антипово и есть Антипино. Так вот я из Антипино. А Ленин приезжал — это точно. У нас ведь охота тут знаменитая. И лось водится, и косуля, и кабан. Медведь есть, волк и даже рысь попадает. А Ильичто на боровую дичь приезжал охотиться, на рябчиков, в основном. Ружьецо у него знатное, как сейчас помню — тульских мастеров. И охотник он отменный — это я тебе досконально говорю, азартный охотник.

Аркадий Николаевич слушал с интересом. А дед, разглаживая куцую пнедую бороденку, тараторил словоохотливо, будто в воскресный день на завалянке сельчанам бывальщины рассказывал.

— Душевный он человек. Смеется хорошо. Я, знаешь, что скажу: по смеху можно определить, какой человек. Кто как смеется, тот так и живет. А Ильич азартно смеялся — аж глаз не видно, как сощурился. От души смеялся.

— А над чем он так смеялся-то?

— Да тут одно дело, — немного замялся дед. — По молодости я прихвастнул немножко, что на двадцать сажен в любую птицу на лету попаду. А случилось так, что в сидячего тетерева промазал. Вот Владимир Ильич тогда и смеялся. Шибко смеялся. Так что, товарищ комиссар, с тех пор я уж больше не хвастаю. Можете брать меня без опаски...

Разный, очень разный народ шел в партизаны. Не обо всех, правда, надо было наводить справки. Приходили и такие, которые уже давно сотрудничали с партизанами.

В один из этих дней пришел паровозный кочегар с Брикановского разъезда — Андрей Шалашов. О Шалашове Аркадий Николаевич

слышал давно — он одним из первых стал помогать партизанским разведчикам. Но встречаться с ним не приходилось. И вот он явился без вызова, без разрешения.

— Погорел, товарищ комиссар. Насилу ноги унес.

И рассказал, как выследили его немцы и как он чуть не попался, наскочив неожиданно на засаду, устроенную около его дома.

— Насилу отбился. Как чувствовал — гранаты с собой таскал последние дни. Не они бы — пропал...

На рудовском форпосте Аркадий Николаевич увидел девушку. Она сидела у топившейся печки. А рядом сияющий и восторженный Ким.

— Откуда девушка? — спросил Данилов коменданта, хотя с первого взгляда догадался, кто перед ним.

За коменданта поспешил ответить Ким:

— Это, папа, Галя. Та самая, фельдшерница. Вот пришла попроведать нас с Мишкой.

— А ты почему здесь, а не на третьем?

— На третьем сегодня делать нечего. Я у коменданта отпросился.

Девушка была худенькая, синеглазая, с пышными волосами. Она смотрела на комиссара не столько смущенно, сколько с любопытством. В эту минуту она ему напомнила ту, другую фельдшерницу в его родном селе в далекие годы юности. У той тоже были такие же бездонные глаза. Так же она чуть озорно смотрела на Аркадия снизу вверх.

Неужели Ким настолько вырос, что способен уже на такие чувства? Ведь он совсем мальчишка! Хотя и чуб у него буйный, свешивается на бровь, и ростом уже выше отца, но ведь всего шестнадцать, семнадцатый... Семнадцатый! А ведь не так уж это и мало. Да, верно говорят, что для родителей их дети всегда остаются детьми — неразумными, нуждающимися в досмотре и опеке. «Наверное, старею, — подумал Аркадий Николаевич, — беспокоюсь, чтобы сын не ошибся». Знал ведь, знал комиссар, что в любви не предостережешь, что посторонние советы тут бесполезны, а вот увидел девушку с Кимом и сразу насторожился, нет ли со стороны этой синеглазой посягательства на счастье его сына? А, может, она и есть его счастье?.. Вон по какому морозу притопал сюда с третьего поста...

На рудовском форпосте Аркадий Николаевич заночевал. Вечером под задумчивый шум осен и потрескивание дров в комельке разговаривал с партизанами. И как бы исподволь, словно между прочим, расспросил Галю. Родом она оказалась из Гомеля. Отец в армии. А они с матерью эвакуировались в сорок первом году — хотели добраться до Ленинграда к тетке, к отцовой сестре. Но во время бомбежки мать погибла. Она ее похоронила здесь, в Рудо, а сама не захотела уезжать — так и осталась в этой деревушке. Фельдшерскую школу не успела окончить, хотя в Рудо фельдшером работала — некому лечить людей. Но потом партизаны предложили перебраться на станцию.

Искренностью и чистотой веяло от девушки, как в знойный день от реки веет свежестью и прохладой. У Аркадия Николаевича

отлегло от души. Галя больше уже не казалась ему той далекой фельдшерницей. Скорее, она напоминала теперь его дочку Люду. Такая же рассудительная, вдумчивая.

— Папа, а ведь Галя очень хорошо знает немецкий язык. Может, ты возьмешь ее переводчицей в штаб?

Данилов промолчал. Потом спросил:

— Как устроилась на станции, как живешь?

— Хорошо живу. У старушки одной. Хорошая такая старушка, Ивановной звать. Она меня, как свою, приветила. Живу, как дома.

В течение всего вечера Ким заглядывал отцу в лицо, искал в нем отражение разговора — понравилась или не понравилась ему Галя? А у самого в глазах восторг — смотри, мол, папа, какая она хорошая! И тут же вроде бы спрашивает: правда, папа, хорошая?

И Аркадий Николаевич не утерпел. Поднимаясь, потрепал их головы:

— Добрые вы ребята...

А утром на третьем форпосте его ждал другой сюрприз. Один из новичков сразу заявил:

— Хотите принимать, хотите нет — по пятьдесят восьмой отсидел четыре года. Выпустили немцы, когда заняли лагерь. Свои не успели эвакуировать.

— Где все это время были, после освобождения?

— Нигде, — ответил тот. — Между небом и землей болтался.

— А точнее?

— Точнее — скитался от села к селу. Потом у немцев полицаем был. Мне скрывать нечего — сам пришел.

— Куда сам пришел — сюда или к немцам?

— И сюда, и к немцам тоже сам пришел.

Он чуть удивленно поглядывал на Данилова, на его пальцы, слегка постукивавшие по столу — уже привык, чтобы все его ответы записывали, а этот начальник сидит и даже бумажки нет перед ним. Смущали и глаза — не пристальные, не испытующие, какие обычно бывают у допрашивающих, а по-хорошему внимательные, участливые, задумчивые. Не утерпел, спросил:

— Вы особист?

Данилов медленно покачал головой.

— Я комиссар партизанского соединения, — тихо произнес он.

И тут же заметил, как в глазах у новичка вдруг мелькнуло подобие какой-то необъяснимой надежды. Кто он, этот человек — свой или враг? С чистой душой пришел сюда или с коварными намерениями подослан? Почему он вдруг так оживился, узнав, что перед ним не работник особого отдела, а комиссар? Может, считает, что комиссара легче провести? А, может, наоборот, надеется, что комиссар лучше, чем кто-либо, поймет состояние его души? Человек всегда был загадкой, а сейчас — особенно.

— Это хорошо, что вы комиссар, — вымолвил, наконец, тот. Глаза у него заблестели, брови приподнялись и Данилов заметил, что

мужчина стал намного моложе — ему не больше тридцати — тридцати двух. — Признаться, не люблю следователей всяких. Может, и не прав, но что поделаешь!

Мужчина суетливо пошарил по карманам, достал кисет. Спросил разрешения закурить.

— Хотите, товарищ комиссар, я вам расскажу всю свою жизнь? У вас время есть?

Данилов откинулся на спинку стула, чуть улыбнулся одобряюще.

— На это всегда время найдется.

Мужчина прикурил, затянулся.

— Я как на духу буду, все буду откровенно...

— Да-да, пожалуйста, — неопределенно произнес Данилов.

Тот на секунду задумался, собираясь с мыслями, потом вздохнул и, глядя прямо в глаза Данилову, начал:

— Так вот, стало быть, фамилия моя Шейкин. Тимофей Антонович Шейкин. Уроженец Сибири. Есть такой там у нас район под названием Северный. Вот я оттуда.

Аркадий Николаевич насторожился — места-то знакомые. Уже который год нет-нет да и вернутся мысли к нашумевшему на всю Сибирь открытому процессу врагов народа из этого района, нет-нет да и вспомнится расстрелянный по этому процессу его приятель секретарь Северного райкома Матросов. Много дум недоуменных с тех пор блуждает в голове, много туману скопилось. Уже не из той ли группы Матросова этот человек, не по одному ли делу посажен был? Может, что-нибудь расскажет новое, может, разгонит этот туман?

А Шейкин продолжал, не замечая, как встрепенул комиссар. Говорил о том, что он из бедняков, но отец по мобилизации служил в восемнадцатом году у Колчака, — хотя вполне мог этого и не говорить, — что при коллективизации они первыми вступили в колхоз, что отец работал конюхом, а он учетчиком, потому как грамота у него по тем временам была немалая — семь групп, что в тридцать первом вступил в партию, был членом правления, а потом секретарем партячейки.

Данилов не перебивал. Стараясь не выказать своей напряженности, он слушал подчеркнута спокойно и внимательно. А сам нетерпеливо ждал, когда тот подойдет в своем рассказе к тридцать седьмому году, к судебному процессу, ждал подробностей, которых не публиковали тогда в газетах — а секретарь колхозной партячейки мог знать подробности.

— Колхозы у нас таежные, под стать здешним, — неторопливо продолжал Шейкин. — Рожь сеяли, лен. Бедные колхозишки были, маломощные. — Глаза у него затуманились при воспоминании о родных местах. Он смотрел поверх головы Данилова, задумчиво, медленно скользя взглядом по некантованным бревнам стены. — Плохо, одним словом, жили. Лен — культура трудоемкая, а доход от нее был невелик. Люди больше на личном хозяйстве выезжали. А тут весной тридцать седьмого года напал мор на скотину — дохнет и все! Ветери-

наров вызывали — разводят руками, ничего сделать не могут. Помню, приехал из района райзовский ветфельдшер по фамилии Промыслов — фамилия-то мне врезалась в память. Походил, посмотрел и сел было в ходок обратно ехать. Меня взбеленило: вы что же, говорю, сукины дети! Вас учили, на вас деньги тратили, а скот дохнет и вы ничего не можете сделать, да?.. А он так спокойненько через губу цедит: не твоего, говорит, ума дело. Скот заражен чумой и язвой. Наука бессильна. Изолировать, говорит, надо его и уничтожить, чтобы не распространял инфекцию. Тут я не вытерпел. Вас, говорю, самих изолировать надо — толку от вас никакого колхозам. Он и прицепился за это. Как, говорит, изолировать? Это, говорит, тебе не старое время, колчаковский ты выродок... Через два дня на бюро райкома меня вытащили. А секретарем райкома у нас был некто Матросов. Он посмеялся над всей этой историей и говорит мне: поезжай домой, да больше не оскорбляй районных работников... Я и уехал. Сначала обрадовался, а потом задумался. Почему, думаю, замяли это дело? Тогда ведь запросто было посадить человека. Думаю день, думаю два. А потом обратил внимание: как приедет этот самый Промыслов или другой — Воробьев там еще был — сделают уколы, так после этого здоровый скот начинает цохнуть. Я в другие колхозы съездил, в соседние — там то же самое. Э-э, думаю, вон чего ради замяли мое дело — чтобы шум я не поднял! Но я взял и написал об этом в Новосибирск — дескать, подозреваю! И закрутилась машина. Оказывается, там целая группа вредителей работала во главе с самим Матросовым и председателем райисполкома Демидовым. Всю ее и выявили, эту группу. Там и ветфельдшера оба оказались, и заведующая райзо, и начальник самой ветлечебницы. Все они специально заражали скот.

— Вы Матросова хорошо знали? — спросил вдруг Аркадий Николаевич.

Шейкин раздумчиво поднял брови.

— Как сказать... Бывал он у нас, разговаривал с людьми. Правильные слова-то говорил всегда. Шутить любил с доярками и вообще с колхозниками. Речей не любил, а больше всего так, по-простому. Ничего вроде был человек, а сам, видишь, оказался врагом. Скрывал, стало быть, свое нутро-то.

— Еще один вопрос, — перебил Данилов. — Вы вот говорили вначале, что не любите работников следственных органов?

— Да, не люблю. А за что бы я их любил? Через три месяца после процесса над Матросовым и остальными они забрали и меня. Ни за что забрали. Будто бы я сын ярого колчаковца, в партию пробрался, чтобы вредить, и что я помогал председателю колхоза, врагу народа. Это они меня в этом обвинили.

— И вы подписали обвинение?

— А куда денешься? Подписал. Заставили.

Данилов резко наклонился над столом, заглядывая в глаза Шейкину:

— А вы не задумывались после этого, что и Матросова, и Демидо-

ва, и тех ветеринаров тоже могли так же заставить подписать предъявленные по вашему доносу обвинения, а?

Шейкин вдруг замер. У него стала медленно отвисать нижняя губа — видимо, эта мысль не приходила ему раньше в голову. Он смотрел куда-то сквозь комиссара остекленевшими глазами, молчал и думал напряженно, старательно, до капелек пота на лбу. Наконец, облизнул губы, часто заморгал.

— Но ведь мое заявление проверяли.

— Кто?

— Ну... Эти... работники органов. — Шейкин растерянно моргал глазами. — Хотя... — Он умолк.

Данилов откинулся на спинку стула.

— Ну, хорошо, продолжайте, — кивнул он.

Выбитый из колеи Шейкин еще долго молчал — никак не мог собраться с мыслями. Наконец, заговорил тихо, без прежнего оживления. Вяло рассказывал, как бродил от села к селу после освобождения из лагеря, как питался тем, что подадут жители, как добывал кусок хлеба случайной работой. А Данилов напряженно думал — взвешивал на своих неподкупных, нержавеющей весах совести поступки этого человека: с чистой душой все это он делал или с тайным умыслом, свой он или враг? Можно ли сейчас положиться на этого человека или нет? Можно ли допустить его в бригаду или нельзя?

А Шейкин рассказывал свою историю дальше.

— Много довелось мне повидать. И такой мизерной показалась мне моя личная обида, когда я сравнил ее с этим всеобщим народным горем. — Шейкин поднял тоскующие глаза, посмотрел на Аркадия Николаевича. — Знаете, товарищ комиссар, несправедливость, которую сделали надо мной, показалась мне лишь легким подзатыльником рядом с тем грубым произволом, который я увидел здесь, на оккупированной земле. И я вернулся в Оршу, где мне раньше предлагали работу в полиции. Пришел в комендатуру и сказал, что я отдохнул и хочу, мол, у вас работать. Меня поставили полицаем, выдали оружие. И я стал ходить по ночам и убивать немцев. У каждого убитого я забирал документы и ставил на них час и дату убийства. — Шейкин достал из-за пазухи завернутый в лоскут прорезиненной ткани сверток, торопливо развернул его и подал Данилову восемь серых книжечек с орлом и свастикой на корочке. — Эти документы, — сказал он, — единственное, чем я могу кое-как доказать свою преданность Родине.

«Но эти документы, — подумал в свою очередь Данилов, — могут быть липовыми, специально выданными немцами... — И тут же вклинилась другая мысль: — Если специально, то могли бы снабдить более вескими... А сейчас он сам признает, что лишь «кое-как» доказать-то можно...»

Шейкин же продолжал свой грустный рассказ:

— Человека, который по ночам убивает немцев, стали искать подпольщики, ну и, конечно, немцы — это само собой. Я у них был не в подозрении. Они даже мне поручали искать этого человека. В конце

концов подпольщикам удалось наткнуться на меня — выследили. Работать стали сообща. А потом организация провалилась — кто-то выдал. Подозрение пало на меня. Невезучий я всю свою жизнь! Дальше оставаться в городе мне уже нельзя было — могли убить свои же, подпольщики. Я бросил гранату в кабинет коменданта, застрелил часового и на мотоцикле уехал. Подался сюда, на север, в леса. — Шейкин тряхнул головой. — Вот и вся моя история. Хотите верьте, хотите нет.

Все, что рассказал этот человек, было похоже на правду. Аркадий Николаевич сказал ему, что о его службе в полиции командование, конечно, наведет справки — сделать это с помощью своей агентуры не так уж трудно. А сам по дороге на следующий форпост принял твердое решение: даже при наиболее благоприятных для Шейкина результатах расследования в главный лагерь бригады его все-таки ни в коем случае не допускать — человек он далеко не порядочный, о принципиальности имеет самое смутное понятие. Написать донос на основании одного лишь необоснованного подозрения мог человек, который меньше всего задумывается о последствиях своих поступков. Может, и Матросов совсем не враг, а жертва «дела», целиком состряпанного недобросовестными людьми из легкомысленной писульки Шейкина?

И все-таки гнать этого типа из бригады тоже нет основания — отправится еще обратно к немцам, а врагов сейчас и так предостаточно. Пусть живет на форпосте, ходит на задания, взрывает эшелоны!..

Полтора года не слышали освейские леса такого рева танков, полтора года не проносились над ними на бреющем полете штурмовики и бомбы не выворачивали столетние сосны. Здесь, в глубоком тылу на реке Свольне, вдруг возник фронт. Загудела земля от артиллерийской канонады, самоуверенно зататакали немецкие пулеметы, черно-зеленые цепи рослых эсэсовцев поднялись в атаку по всем правилам военного искусства. Но к их недоумению военное искусство не помогло, как не помогли ни танки, ни авиация. Атаки одна за другой захлебывались, отборные части — краса и гордость гитлеровского рейха — раз за разом откатывались на исходные рубежи. Немецкое командование, озадаченное таким оборотом дела, бросало новую технику, новые части, но вся эта испытанная не одним годом войны сила натыкалась на удивительно слаженную, хорошо организованную систему огня партизанской обороны. Потери фашистов были невиданно большими. По всему лесу черным смоляным дымом чадилы знаменитые немецкие «тигры», то и дело с воем врзались в землю размашистые с черно-белыми крестами на фюзеляжах штурмовики, оставляя в небе незамысловатые шлейфы, корчились раненые, рядами лежали уже безразличные ко всему убитые. И все-таки карательная экспедиция не продвинулась в глубь освейских лесов ни на километр. А ставка сухопутных войск требовала результатов. И в Берлин летели осторожные, обтекаемые де-

пешки с заверениями о том, что в ближайшие дни партизанский край будет полностью ликвидирован. В действие были введены до двадцати тысяч солдат, дополнительно танковые, авиационные и артиллерийские части...

Аркадий Николаевич уже начал терять счет этим напряженным дням — вторую неделю подряд длился кромешный ад. Снег давно исчез. Кругом было черно от артиллерийских воронок, деревья стояли голые, с обломанными сучьями, с исцарапанными стволами, некоторые валялись с вывороченными корнями. Поредел лес. Серое зимнее небо было затянуто тучами пыли и порохового дыма.

Данилов большую часть времени проводил в траншеях и на командном пункте бригады. Борода у него побурела, щеки ввалились, серая каракулевая папаха в нескольких местах была прорвана осколками и пулями. И только глаза были по-молодому оживленными, лихорадочными и горячими. Они оставались прежними, даниловскими.

Нередко его подмывало отстранить пулеметчика и самому стать к амбразуре дзота и по старой привычке поймать на мушку шевелящуюся цепь противника, ощутить бодрую дрожь «максима» в руках, подмывало тряхнуть молодостью, как бывало в гражданскую войну. Но он, конечно, понимал, что время не то и роль его здесь совсем другая. Личный пример и сейчас, безусловно, дело хорошее, но малоэффективное. Комиссар должен быть комиссаром. Люди, их моральный дух — вот что было главным для него. А он чувствовал, что люди уже выдыхаются, люди устали от непрерывных боев. Для металла и то есть предел, металл и тот устает. Но, с другой стороны, человек живой отдохнет — усталость пройдет, рана зарастет, металл же не восстановится.

В одну из ночей Аркадий Николаевич решил провести в отрядах короткие митинги, и не только поговорить с партизанами, рассказать им положение дел, но и показать кино.

Между двух сосен на нейтральной полосе натянули белое полотно. Там, где час назад в амбразуре стоял «максим», установили киноаппарат, и застрекотал он нежно, мелодично, как домашний сверчок за печкой. В динамиках, вешенных высоко на соснах, загремела музыка. На экране показалась Спасская башня Кремля, куранты выбили первую октаву песни «Широка страна моя родная», по полотну побежали буквы: «Разгром немцев под Москвой».

Гремит музыка, идут войска, стремительно проносятся побеленные известью танки, тяжело покачиваются на шоссе пушки с огромными зевластыми жерлами. Партизаны смотрят из окопов на экран, затаив дыхание, не мигая. Куда делась многодневная усталость! Дух захватывает от обилия боевой техники, от бесконечных колонн красноармейцев в новых шинелях. С самым настоящим ревом — трудно поверить, что это в кино, а не на самом деле — пикируют бомбардировщики. От этого рева невольно головы втягиваются в плечи. На экране взрывы, земля летит вверх, как час назад летела здесь. Плотнее прижимаются партизаны к земле. Знакомо горят немецкие танки. И на-

стоящий дым от настоящих, еще чадивших вокруг танков перемешивается с дымом на экране и кажется, что недавний бой, который вели партизаны, еще не прекратился. Кто-то так увлекся, что, забывшись, азартно выпустил по убегающим из горящего танка немцам длинную автоматную очередь. Рядом дружно грохнул смех. Он покатился по траншеям от блиндажа к блиндажу — не сразу каждый понял, что произошло. Потом хохотали уже над пленными, которых вели в Москву, над их затравленным видом, над повернутой в небо стрелкой с надписью: «Нах Москва» — над стрелкой, указывающей, что путь на Москву ведет через рай... И когда вдруг исчез экран, заслоненный взметнувшейся вверх землей, никто и не сообразил, что это уже настоящий взрыв, что немцы не вытерпели, открыли минометный огонь.

— Вот гады! Не дают по-человечески кино посмотреть.

— Допекло, как пленных увидели!

— Ага! То смотрели ничего, как люди, и вдруг как с цепи сорвались. А ну, подсыпем им огоньку!..

В первом отряде в ту ночь показывали довоенный фильм «Парень из нашего города». Кончился фильм, и сразу к Аркадию Николаевичу подошел партизан. Срывающимся от волнения голосом сказал:

— Товарищ комиссар, большое спасибо вам за кино.

Данилов приблизился к стоявшему, стараясь разглядеть в темноте лицо.

— А-а, Шейкин. Ну, как — воюете?

— Воюю, товарищ комиссар. За кино, говорю, большое спасибо. Семь лет не видел наших картин. Знаете, товарищ комиссар, — расстроганно говорил он, — не стыдно признаться: плакал, когда смотрел — так расшевелило все в душе...

А вечером следующего дня, когда закончился последний бой и немцы снялись со своих позиций и покинули освейский лес, осматривавший траншеи Данилов вдруг остановился, как вкопанный. На заднем бруствере, возле блиндажа, лежал Шейкин. Мертвые глаза его устремлены в небо безучастно, ноги вытянуты. Аркадий Николаевич снял папаху, смотрел в серое, землистое лицо. Ничего теперь уже не волновало Шейкина: правильно или неправильно поступил он, написав доклад на ветеринаров, по-прежнему будет или уже теперь не будет Родина считать его врагом народа, поверил или не поверил комиссар его рассказу и, главное, никто теперь не узнает, с чистой совестью пришел он в бригаду или с тайным умыслом, с гнусным заданием немцев. Одно только люди должны признать: что бы там ни было, какие бы мысли два часа назад ни занимали его голову, сейчас он уже прав навсегда и почести при похоронах ему положены, как герою. На партизанских похоронах мало кого интересует вопрос, как жил человек когда-то — интересует лишь то, как он жил здесь, как воевал и как погиб. А погиб Шейкин честно, как и многие, защищая русскую землю, погиб на глазах честных людей, погиб на этой стороне баррикады.

Стоял комиссар над телом бойца и думал. Много человек за свою жизнь исплетают дорог, на многих делах оставит следы своих рук, но

никто не знает, где судьба приготовила ему тот заветный клочок земли, который станет его последним пристанищем. Нервы, измотанные многими бессонными ночами и небывалым еще напряжением многодневных боев, заметно сдали у комиссара. Особенно это он чувствовал сейчас, когда немцы ушли, и в лесу опять воцарилась тишина. От усталости еле держался на ногах, настроение было грустное. Не одного Шейкина — много старых, хороших партизан потеряла бригада в этих боях.

— Хорошо воевал парень, — услышал он чей-то голос. Оглянувшись — рядом стояли партизаны и тоже смотрели на труп Шейкина.

— Недавно пришел к нам, а воевал лихо...

Братскую могилу готовили взрывом — заложили тол и ахнули. Прощальным партизанским залпом над братской могилой завершились грандиозные освейские бои.

Немцы вернулись в свои гарнизоны ни с чем.

В конце июня ЦК КП(б) Белоруссии выдвинул план массового уничтожения рельсов на оккупированной территории. По решению Центрального штаба партизанского движения к этой операции были привлечены ленинградские, калининские, смоленские, орловские партизаны и часть украинских партизанских отрядов. Предусматривалось подорвать более двухсот тысяч рельсов, из них более половины в Белоруссии, через которую проходили важнейшие железнодорожные коммуникации группы немецких армий «Центр». Каждой бригаде, отряду отводился определенный участок. Если до этого на железных дорогах действовали лишь специально выделенные группы подрывников, то теперь к диверсиям готовились все партизаны. Выплавливали тол из трофейных авиабомб и снарядов, в каждой бригаде и отряде на полную мощь работали мастерские, изготовляли приспособления, чтобы крепить толковые шашки к рельсам.

Операция началась в ночь на третье августа 1943 года одновременно на всех дорогах. В первую же ночь было взорвано сорок две тысячи рельсов. Немцы были ошеломлены. Им казалось, что партизаны применили какую-то неведомую адскую машину по разрушению железных дорог.

Снабжение фронта сразу же застопорилось. Десятки эшелонов полетели под откос, сотни других замерли на станциях и полустанках, в страхе оцетинившись пулеметами. А на железнодорожных магистралях гремели взрывы. Охрана металась в панике.

В течение августа было подорвано сто семьдесят тысяч рельсов, что составило более тысячи километров одноколейного железнодорожного пути. К середине сентября партизаны подорвали уже почти двести пятнадцать тысяч рельсов. Немцы не успевали ремонтировать. На путевые работы были брошены не только все железнодорожные строительные батальоны, рабочие команды, но даже боевые части. В сроч-

ном порядке рельсы вывозились из Польши и Югославии, разбирались все тупики и запасные пути на станциях.

Не успели немцы еще опомниться, а с девятнадцатого сентября начался уже второй, более мощный этап «рельсовой войны». Если в первом участвовало сто семьдесят партизанских бригад и отрядов, то в этом, в новом этапе, условно названном «концерт», на железные дороги вышли сто девяносто три бригады и отряда. Немецкое командование было вынуждено снимать с фронта целые соединения для охраны железных дорог. Только на участке Витебск — Орша кроме постоянных постов, расставленных ранее через каждые один-два километра, были дополнительно установлены одиннадцать гарнизонов. На многих участках посты теперь выставлялись через каждые двести-триста метров.

И все-таки не помогло и это. Поезда ходили лишь время от времени, и то только днем, под усиленной охраной.

Водокачка работала безотказно. Костя Кочетов из шкуры, что называется, лез, чтобы показать свою «преданность» хозяевам «нового порядка». Он со своей сворой собак старался то и дело попадаться на глаза господину коменданту станции, лез к нему с предложениями по усовершенствованию работы водокачки.

— Герр гауптман, я хочу поставить запасной бачок на водокачку, понял? — кричал он ему. — Воду греть буду и подавать ее на квартиры господ немцев, а? Ванну вам сделать. Ванну! Понял, ихтиозавр ты допотопный? Чтобы кипятком ошпарился, понял? Буль-буль будешь дома, — показывал Костя, как он, господин комендант, будет мыться в ванне. — Понял? Я тебя ошпарю, как свинью.

— Свинья? — насторожился немец.

— Да, да, герр гауптман. Русские железнодорожники жили тут, как свиньи, с ваннах понятия не имели. Как свиньи жили, понял?

— Да, да. Руссише швайне... Дава-ай!..

Костя отгонял от господина коменданта своих собак, крутился перед ним.

— Мне людей надо, герр гауптман. Бачок принести надо. Там вон валяется старый бачок, его надо принести, я его вжить-вжить — запаяю и будет ванна и душ, понял?

Я, я, гут. Дава-ай!..

Костя нагнулся, пробормотал зло:

— Ох и болван же ты! Одно и научился, что «давай, давай»...

Последнее время пустошкинский комендант был расстроен и напуган. Он чувствовал себя, как заяц, попавший под свет автомобильных фар — поминутно ощущал на себе партизанский глаз, а сам не видел ничего. Станция была обложена партизанами. Как петарды под колесом паровоза, лопались кругом станции взрывы на рельсах. Рабочие бригады и солдаты не успевали ремонтировать пути, не хватало

рельсов. Каждую ночь комендант ждал партизан в гости к себе на станцию. В своем доме на чердаке он установил пулемет, на окна приказал навесить железные ставни, которые запирались изнутри, и, едва начинало темнеть, закрывался со своей семьей и сидел, как в крепости. И, конечно, предложение механика водокачки иметь в доме хотя бы одно из удобств, которых он лишился, покинув великую Германию, могло до некоторой степени скрасить жизнь в этой дикой варварской стране. Он дал людей, они установили дополнительный бак, механик оборудовал ванну, душ. Господин комендант в благодарность за это вынес ему в переднюю стакан водки.

Постепенно партизанский резидент стал пользоваться особым доверием немцев. Костя знал теперь назначения и груз каждого маршрута, проходящего через станцию. Эшелоны по-прежнему горели в пути, взрывались, но уже не на соседних со станцией перегонах, а вдали — в Выдумке, в Заваруйке. Некоторые составы пропускали и дальше.

К Косте Кочетову стекались не только данные о железной дороге, но и о жизни гарнизона. Соклассница Кости Гордиенко Маня все-таки устроила в полицию фельдшерицу из Рудо. Галя стала работать уборщицей-рассылной. Веселая, смазливая, она сразу же стала в центре внимания всей зондеркоманды.

В один из первых дней произошел случай, который обратил на нее внимание и немецкого районного начальства.

Вечером Галя мыла пол в коридоре комендатуры. Проходивший мимо полицейай вдруг облапил ее сзади, загоготал с жеребьячьей игривостью. Галя — откуда только взялась сила! — так толкнула его, что он отлетел от нее, ударился головой о стену, а она, не задумываясь, со всего маху огрела его вдобавок половой тряпкой по лицу. По известке веером разлетелись грязные брызги. Полицай, словно только что выскочивший из помойной ямы, испуганно моргал глазами. Галя стояла взъерошенная, как кошка, готовая кинуться на него и выцарапать глаза.

— Я тебе, неумытая харя, еще ведро надену на голову! — шипела она сквозь зубы.

Сзади вдруг раздался отрывистый резкий смех. Галя испуганно обернулась. В дверях своего кабинета стоял «барин» — так называли здесь представителя германского деревообрабатывающего объединения инженера Мюллера. Он был полновластным хозяином этих мест. С ним считались комендатуры, полиция, даже командование отрядов СС.

— Молодец, девка, не дает себя в обиду. — Инженер Мюллер в совершенстве владел русским языком, говорил без акцента, присутствующим иностранцам. — Голопищенко! — жестко окликнул он.

— Слушаюсь, господин комиссар! — вытянулся в струнку полицай.

— Ты что же это, свинья такая, делаешь? Почему к девушке пристаешь? — Полицай, с которого капала грязная вода, виновато моргал глазами. — Скажешь Гаркуше, что я приказал посадить тебя на пять суток под арест!

— Слушаюсь, господин комиссар!

Немец лениво посмотрел на Галю, потом на застывшего по стойке смиренно полицаю, поворачиваясь, пробормотал:

— И когда я только научу вас, грязных свиней, человеческому обращению...

И ушел к себе в кабинет.

После этого Галя стала замечать на себе внимательный взгляд «барина». Холодело в груди от этого взгляда — знала фашистские повадки. Начала совсем неряшливо одеваться, мазать незаметно лицо сажей — не дай бог понравиться немцу.

Гале вначале почему-то казалось, что стоит лишь ей проникнуть в стены комендатуры, как она тут на каждом шагу будет наткаться на секреты, которые так необходимы партизанской бригаде. Но секретов не было. Через три дня она пришла к Косте Кочетову со слезами на глазах.

— Ничего из меня, Костя, не получится, не умею я.

— Я тоже не разведчиком родился. Я вот собак люблю, а мне приходится фашистов любить, улыбаться им, ванны устанавливать, поняла?

— Все равно. Что я там возьму?

— Тебе пока ничего не надо брать. Твоя задача — смотреть и слушать. За тобой сейчас, конечно, следят, проверяют, поэтому будь осторожна. Мюллера ты особо не избегай. Посмотри, что ему от тебя надо. Вы ведь, девки, народ такой — можете даже немца оседлать и поехать на нем, поняла?

Еще через два дня Галя передала подобранную под столом бумажку — черновик рапорта начальника полиции. Вернее — это был даже не рапорт, а только начало его — Гаркуша разминал руку, выводил каждую букву. Внимание Гали обратила на себя фраза: «Довожу до Вашего сведения, что вверенная мне зондеркоманда готова к выполнению намеченных мелких нале...» Дальше стояла клякса, и, видимо, из-за нее начальник полиции скомкал листок и бросил на пол.

Костя сказал:

— Значит, готовят, какие-то мелкие пакости. Помаракуем. А ты ухо там держи остро, поняла?.. Ну, как твой Мюллер?

— Придирается. Почти каждое утро заставляет заново вытирать свой стол, подоконник. А сам нет-нет да и поглядывает на меня... Я, смотри, ногти отпустила подлинней, если что — обдеру ему морду до костей...

Не успел Костя разгадать, о каких «намеченных мелких нале...» говорилось в скомканной бумажке начальника полиции, как в бригаде произошел несчастный случай.

Партизаны вернулись на третий пост с задания после полудня — и, удивленные, замерли на поляне. Дверь в землянку была сорвана с

петель, всюду разбросаны вещи. На пост был налет немцев, не иначе. Причем совсем недавно — из трубы легкой струйкой еще шел дымок.

Беглое обследование показало, что комендант третьего поста, старый алтайский партизан Тимофей Яковлев, прозванный «братом Тишкой», сопротивлялся отчаянно. В землянке валялись три пустых автоматных диска, по всему полу и по нарам разбросаны стреляные гильзы; против выбитого окна черными подсолнухами отпечатались на земле воронки от ручных гранат «Ф-1», неподалеку два больших влажных пятна крови. Валявшаяся тут же дверь была изрешечена пулями, бревенчатые стены избушки, косяки исщепаны. У порога заметны следы рукопашной схватки — земля избита сапогами, на гвозде в косяке болтался лоскут пестрой рубахи деда. Наверное, немцам все-таки удалось взять партизанского коменданта живым.

Ребята устремились по следу. То и дело попадались капли крови и почти без перерыва тянулись по траве две борозды — немцы, видно, торопились и кого-то волокли ногами по земле. Может, это был их убитый, а, может, связанный комендант. Километра через два следы вышли к проселку. На нем — отпечатки автомобильных протекторов, множества солдатских ботинок, утыканных головами шляпками гвоздей, и снова кровь...

В этот вечер подрывники впервые сидели молча — никто их не расспрашивал об операции, никто не суетился, не акал поминутно, никто не ворчал на них, но никто и не заботился о них — плащ-накидки лежали мокрые после вчерашнего дождя, ужина не было, и вообще землянка выглядела сиротливо и неприветливо. Только сейчас каждый вдруг отчетливо понял, кем был для них разговорчивый до надоедливости старый партизан — комендант поста. Он был и кормильцем, и экономным хозяином, и строгим судьей, и доброй нянькой-наставником.

Через пять дней Ким Данилов, ходивший на связь со станционными подпольщиками, вдруг оказался в потоке людей, сгоняемых немцами на площадь. Тиская в кармане кацавейки мокрую от пота рубчатую рукоять парабеллума, он пробрался в середину толпы, спрашивая:

— Что такое будет здесь? Зачем согнали народ?

— Не знаем, мил человек.

— Разве они говорят, зачем сгоняют.

А носатый, с хищным вырезом ноздрей, мрачный мужчина желчно процедил:

— Не концерт же показывать. Должно, приказ какой-то зачитывать.

— Приказы под виселицей не читают, — тихо заметил кто-то сзади.

И тут только Ким обратил внимание на огромные столбы с перекладиной, с которой исчезли спортивные кольца и шест.

Подъехала машина с автоматчиками. По замершей площади раздвинулся стук откидываемых бортов. Автоматчики расступились, и Ким здрогнул. На машине со связанными руками стоял комендант третьего поста. Голова у него была забинтована, борода подпалена косо

и всклокочена, рубаха на плечах изодрана. И только глаза прежние — чуть удивленные, словно он вот-вот засуетится и спросит толпу: «А вы что сюда собрались, а? Посмотреть хотите, какие бывают партизаны, а?»

Пока переводчик в немецкой форме читал приговор, Ким торопливо искал в толпе кого-нибудь из подпольщиков. Одному открывать стрельбу бесполезно, Ким уже не тот младенец-новичок, каким был год назад. А вдвоем-втроем можно рискнуть. Во всяком случае — панику поднять, а там, глядишь, что-нибудь и получится, если дед не растеряется и проявит проворство.

Ким уже пробрался на другую сторону площади, заглядывая в лицо чуть не каждому, но никого из знакомых подпольщиков не было. Вдруг на плечо ему легла тяжелая рука — легла, словно придавила к земле. Ким шелкнул предохранителем в кармане и только потом поднял глаза. Перед ним стоял машинист паровоза, которого все разведчики звали «дядя Саша». Строгим взглядом он сразу пригвоздил Кима к месту. Тот замер, повернувшись лицом, как и все, к виселице. Дядя Саша, видимо, с первого взгляда понял намерения Кима, поэтому тихо, но внушительно шепнул над его ухом:

— Не вздумай! Бесполезно.

Между тем, переводчик закончил чтение приговора и спустился с машины. Вверх, через перекладину, взвилась веревка. Ким смотрел на деду и ему хотелось плакать — до того было жалко старика, такого родного и доброго, ворчливого и неунывающего. Старик жадно шарил по толпе глазами, наверное, надеялся увидеть хотя бы одно знакомое лицо. Не хотелось, должно, ему умирать безвестно. Ким понял его желание. И когда взгляд старика пробежал вблизи, Ким поднял руку, чтобы привлечь его внимание. Их глаза встретились. Брови старика удивленно поднялись. Но в следующее же мгновение в них сверкнула так знакомая Киму веселинка. Старик нетерпеливо и даже обрадованно затоптался на месте. Потом вскинул голову и громко произнес:

— Вас, граждане, согнали сюды, чтобы вы посмотрели, как умирает старый сибирский партизан, а? Так вот, брат, смотрите! Я Колчака бил, Врангеля бил в Крыму. И ихнему Гитлеру жару в мотню насыпал. Вой их сколько с автоматами на одного меня собралось! Что, думаете, это от храбрости, а? А я ведь не такой, брат, страшный, а? Я не самый, брат, храбрый. У нас есть ребята, так они один на один выходят с немецким эшелонем и взрывают его, и мосты взрывают, и немцам убитым счет ведут. Вот те — храбрые. Вот тех бы они повстречали — быстро бы, брат, портки подмочили!

Автоматчики подтолкнули старика к краю борта, накинули на него петлю. Дед крутнул головой, поправляя веревку. Их глаза с Кимом опять встретились. Он увидел у Кима слезы, ободряюще кивнул. Потом отпихнул плечом автоматчика, взгляд его блеснул, он крикнул:

— Смотрите, люди! Хорошенько смотрите, как умирают сибиряки! — И сам шагнул с кузова. Веревка натянулась и вдруг оборвалась — грузен оказался старик.

Кима затрясло, как в лихорадке. Машинист снова положил ему на плечо свою свинцовую руку, прижал его голову к своей груди.

— Пойдем отсюда, сынок... Пойдем, милый...

Они уже не видели, как поспешно подняли старика, как торопливо связали веревку и как снова накинута петлю на измученного коменданта. Они только слышали, как гудит и охает толпа...

...На пост Ким пришел поздним вечером, совсем разбитый, и упал, словно подкошенный, на нары.

— Дядю Тихона сейчас повесили, — сказал он тихо и заплакал.

И хоть никогда так не называли в бригаде коменданта третьего поста, все поняли, о ком говорит Ким.

За дверью раздался звон стекла. Секретарша «барина» метнулась в кабинет.

— А ну, позовите сюда эту глазастую замухрышку! — услышала Галя через приоткрытую дверь голос шефа. Обомлела.

Вошла в кабинет, остановилась у двери, поклонилась.

— Сколько раз я буду говорить, чтобы воду у меня в графине меняли каждое утро?

— Я меняла сегодня, господин комиссар.

Немец стоял у окна и, сдерживая себя — он всегда был сдержан и лаконичен, — говорил замуранной русской девушке:

— Не знаю, меняли или нет, но воду в рот нельзя взять — затхлая. — И уже по-немецки обратился к сидевшему в кресле начальнику районного гестапо с погонами оберштурмфюрера: — Много нам придется работать, пока приучим этих русских свиней хотя бы к элементарным навыкам культуры. — И опять по-русски: — Смените воду и подотрите здесь! — указал на пужу и разбитый стакан.

Пока Галя сменяла воду и подтирала пол, немцы молчали. Потом гестаповец, видимо, продолжая ранее начатую мысль, сказал:

— Ди руссен заген, вольф морден нималс небен ирен хелен. Лассен вир унс маль гут умсеен!..

«Волки не режут овец вблизи своего логова... Надо хорошенько осмотреться вокруг себя», — перевела мысленно Галя и, может быть, по тону, каким это было сказано, может быть, потому, что ей казалось, что здесь вообще говорят только о партизанах, она почувствовала как-то подспудный смысл за этими словами, смысл, который имеет прямое отношение к ней самой и к ее товарищам.

На другой день эта фраза была уже в штабе бригады. А еще через два дня партизаны налетели на станцию, взорвали на станционных путях все рельсы, свалили под откос маневровый паровоз, разбили телеграфный аппарат, нагнали страху на коменданта станции — самого взять не смогли, отстрелялся, убили несколько немцев, взорвали водопровод, а механика повесили за ноги на перекладине, приколов булав-

ками прямо к телу записку: «Немецкий холуй!» Районный центр взять не удалось.

После этого в комендатуре и зондеркоманде несколько дней только и было разговору, что о налете партизан. Откуда-то появились листовки. Во всю страницу листовки нарисован жирный зад немца, его старательно лижет огромным красным языком полицай, с лакейской преданностью стоящий на полусогнутых тонких ножках. Снизу — подпись: «Скажи мне, гадина, сколько тебе дадено?» Обращение, помещенное на обороте, начиналось словами: «Полицейский! Ты пошел в услужение к немцам, в немецкую полицию — русский человек, рожденный на русской земле, вскормленный русской матерью! Ты совершил тягчайшее преступление перед Родиной...» Далее в листовке перечислялись гнусные деяния, которые совершают полицайи против своего народа. Заканчивалась листовка жирным шрифтом: «Опомнись, русский человек! Отказывайся служить проклятой немчуре, переходи к партизанам!»

Галя случайно заметила из окна, как за пригоном один из полицейских торопливо засовывал в кисет листовку, окликнула его:

— Господин Селезнев!

Полицай испуганно зажал в руках кисет, торопливо туда-сюда оглянулся, потом только увидел на втором этаже в окне девушку, сердито спросил:

— Ну, чего тебе?

— Не видели, где господин Гаркуша?

Полицай, досадуя на недавний свой испуг, ворчал:

— На кой он мне сдался, твой Гаркуша. Мне на нем не ездить...

А в конце дня подошел к ней, миролюбиво спросил:

— Ты того... этого... ничего не заметила там, за пригоном, когда я стоял?

— Н-нет, а что?

— Ничего. Ктой-то набросал там листовки.

— Какие листовки? — сделала она удивленное лицо.

— Никакие, — строго ответил он и пошел.

Вскоре после этого Галю опять вызвал комиссар, прочитал ей нотацию, провел ослепительно белым носовым платком по оконному стеклу.

Видите, сколько здесь грязи. Протрите сейчас же.

Галя взяла чистую тряпку и стала лазить по подоконнику, протирать стекла. Мюллер сидел в кабинете один, что-то мурлыкал себе под нос, перебирал бумаги. Потом снял телефонную трубку, набрал номер.

— Айнферштанден, герр оберштурмфюрер?.. Вир шлиссен ди шулле, их хабе кейнен аусвег. Абер зо ви зо коммен алле фирхундерт нихт драйн... Абер гут, их финде шон нох этвас, эс зинд нох фюнф таге...

Галя с трудом разбирала фразы. Но все-таки поняла, что речь идет о размещении прибывающих через пять дней четырехсот солдат. Конечно, комиссар не подозревает, что неряшливая уборщица может знать немецкий язык, поэтому говорит без стеснения. Он положил

трубку, побарабанил пальцем по настольному стеклу, помурлыкал свою песенку и, довольный собой, проговорил себе под нос:

— Абер едт шущен зи зих, майне либе партизанен!..

«Нет уж, сам берегись, господин инженер, — ты берегись, а не партизаны!» — мысленно возразила ему Галя и обратилась к Мюллеру своим обычным в этих стенах дрожащим запуганным голосом: — Я потерла стекла, господин комиссар.

Немец веселыми глазами окинул окна, подошел к одному из них, провел пальцем, обернутым платком, остался доволен.

— Хорошо. Вот чтобы всегда такими были окна. Да и за собой следи: умойвайся по-человечески и одевайся почище, — почему-то обратился он к ней на «ты». — У тебя есть что одеть?

— Есть, господин комиссар. Два платья есть у меня, почти новые.

Потом он позвонил секретарше, та вбежала, кокетливо переступая ножками.

— Вот, чтобы окна всегда были такими. Вы, Мэри, возьмите шефство над этим...

На квартире — а жила Галя вместе с Маней — у ее матери — вдруг как обухом оглушила мысль: а если этот Мюллер о чем-то догадался, если испытывает — знает она или не знает немецкий язык? Тот раз вызвал ее во время своего секретного разговора с гестаповцем и сейчас при ней взялся звонить по телефону. Может, это никакие и не секреты, а просто провокация? Прошлый раз приходивший на связь Ким передавал, что его отец похвалил ее за смекалистость. Когда в штабе, говорит, прикинули по карте, то получилось, везде партизаны беспокоят немцев, а на станции — нет. Это действительно могло вызвать подозрение у местного гестапо. Пришлось немедленно исправлять оплошность. И постарались на славу. Ким говорит, сам прикалывал Косте на грудь бумажку с надписью, что тот немецкий холуй. Жалко было друга. А тот, мол, шипит: «Коли! Только, чтобы иголки были не ржавые, обожги спичкой...» Может, специально немцы разговор этот затеяли при ней тогда?.. А какой разговор? Никакого разговора и не было — просто обмолвился гестаповец, что волки не режут овец около своего логова — и все. Мало ли что можно подумать о такой фразе. Обязательно разве партизаны должны иметься в виду? Ну, допустим, что тот разговор случаен. Но сегодняшний — или Мюллер считает ее совсем дурочкой или все подстроил намеренно.

Вечером к Мане пришел Костя Гордиенко. Пока та хлопотала на кухне, готовя ужин, Галя шепотом передала слово в слово подслушанный разговор, велела повторить и, убедившись, что Костя запомнил правильно, высказала ему для передачи в бригаду свои сомнения и опасения.

Через пять дней эшелон, везший пополнение станционному гарнизону, попал в крушение, был обстрелян на перегоне между Идрицей и Нащеткино. Четвертая часть солдат не доехала к месту назначения.

Галя ждала ареста. Но прошел день, другой, третий — ее не тревожили. Из штаба бригады передали приказ: достать десяток чистых

бланков удостоверений личности — аусвейсов, введенных немцами на оккупированной территории. Вместе с Костей Гордиенко и его друзьями пришлось инсценировать пожар в паспортном столе и только таким путем добыть документы, отводя подозрения от Маши, которую пока еще боялись привлекать к своему делу.

Комиссар бригады прислал благодарность и просил попытаться разузнать намерения немцев в связи с прибытием пополнения.

Галя прислушивалась, о чем говорили между собой повеселевшие полицаи, по вечерам, убирая кабинеты, тщательно обследовала мусорные корзины в надежде найти хоть какие-нибудь обрывки бумаг, по которым можно было бы догадаться, что думают немцы. День проходил за днем, а узнать Галя ничего не могла. Штаб бригады торопил. На пятый день явился сам начальник разведки партизанской бригады, грузный мужчина с огромным животом, с маленькими проворными глазками. Галя встретилась с ним в районной гостинице. В богатом костюме-тройке, с золотой цепочкой на животе, в галстучке-бабочке — Галя не сразу узнала его.

— Вот что, милая, — сказал он ей по-домашнему просто и ласково. — Немцы стягивают сюда силу не для того, чтобы отдыхать. Мы имеем сведения, что на днях прибудет сюда еще батальон «СС». Надо, миленькая, рискнуть. Меня очень привлекает инженер Мюллер. Мы долго думали и пришли к выводу: он догадывается, что ты наша разведчица. И все эти его обмолвки — не случайность. Надо поговорить с ним напрямую. Без его помощи мы ничего не узнаем, не узнаем об их тактике, которую они готовятся использовать против нас. Пока разгадаем — многих жизней может нам это стоить. Поэтому придется рисковать тебе одной — если, конечно, ты согласишься. Ты должна войти к нему к кабинет и сказать прямо, кто ты и что нам от него требуется. Если он окажется не тем, кем мы думаем, ты бросаешь гранату в него, выбегаешь на улицу, а за углом против парикмахерской тебя будет ждать машина. Вот подумай. Сегодня в пять вечера ты должна уже быть в его кабинете. А пока — подумай.

Штаб заседал всю ночь: нужны были срочные меры — немцы уже выступили из Пустошки, из Идрицы, из Себежа, из Новоскольников. Новая тактика немцев в борьбе с партизанами, как сообщил Мюллер, заключалась в нападении на основные базы одновременно из нескольких пунктов, в захвате этих баз порознь каждой и оттеснении партизан в тайгу, в болота вместе со всем их скарбом, с семьями, обозами. Лишить партизан аэродромов, лишить маневренности, связав по рукам и ногам их собственной же веревкой — громоздкими тылами, приспособленными только к оседлому образу жизни — такую задачу ставило немецкое командование перед новой карательной экспедицией.

Штаб, конечно, понимал, что решение должно быть одно — избавиться от тылов, эвакуировать их. Но партизанские форпосты и поса-

женные в них заслоны уже ведут бои на дальних подступах, уже отступают в направлении главного лагеря. И не сегодня-завтра немцы будут в окрестностях лагеря. В распоряжении штаба было не больше суток. И военный совет решил: все, что можно сложить во вьюки, — отправить под охраной на запасную базу, созданную еще во времена освейских боев. Отправить сегодня же ночью — завтра будет поздно. Остальное — артиллерию, кухни, повозки и другое имущество — в случае чего, бросить.

— Кончилась сидячая тактика, — сказал на заседании военного совета комиссар. — Переходим к маневренным, подвижным действиям.

Для партизан бригады наступали тяжелые дни. Фашистов вели местные проводники, хорошо знавшие тайгу, на вооружении гитлеровцев была новая, более гибкая тактика.

Когда на рассвете следующего дня нарочный доложил, что вьючный караван благополучно прошел по единственной тропе в глубь болот и обосновался на новой базе, комбриг облегченно вздохнул — руки теперь развязаны. А после первых дней боев, когда партизан спасла только их маневренность, полковник сказал комиссару:

— Хорошо, что мы вовремя избавились от своих обозов. Попробовали бы выскочить из тисков с таким длинным хвостом!

Комиссар засмеялся:

— Придется тебе после боев идти к господину Мюллеру и кланяться в ножки, благодарить...

— В ножки — не в ножки, а в Центральный штаб сообщить о нем надо — человек он, безусловно, наш.

— И не только наш, но и умный человек — правильно он рассуждает, что нам он нужнее там, на своем месте, нежели здесь, в бригаде, — добавил Данилов. — Уйдем от карателей, начнем опять диверсионные действия на железной дороге, обязательно повидаемся с ним. Хочется — просто с психологической точки зрения — узнать, почему он так поступает, кто он? Уж не коммунист ли германский?.. И вообще немцы, между нами говоря, — улыбнулся он, — не вовремя затеяли эту кутерьму — дел непочатый край. Костя сообщает вот, что подпольная организация его растет. Сбор сведений уже не удовлетворяет людей, действий требуют более осязаемых, взрывов не только на железной дороге, но и в казармах, в гестапо, в полиции. И Костя правильно говорит: руководителя надо другого, ему это уже не по силам... Связи надо расширять, полковник. Довольно нам держаться за Пустошу, Идрицу да за Себеж. Надо вглубь лезть. Людей пошлем в Невель, в Псков, на станцию Дно. Надо знать, что делается кругом нас.

Немного погодя Аркадий Николаевич неожиданно заговорил о другом:

— Знаешь, полковник, иной раз так домой хочется, в Сибири! Секретарем райкома опять хочется стать. Представляешь: в поле хочу, на уборку — чтобы тракторы стрекотали, комбайны плыли по золотому полю пшеницы. А над всем этим солнце в высоте и жаворонки чтобы трепетали, птичьи голоса кругом и запах пшеницы! Ты горожанин, ты

не поймешь. А знаешь, чем пшеница пахнет? Ни с чем нельзя это сравнить! Солнцем пахнет и степью, ветром пахнет...

Комбриг удивленно смотрел на своего комиссара.

— Ты, Аркадий Николаевич, оказывается лирик!

— Сказать тебе — не поверишь: я ведь когда-то стихи писал. Печатали их в газете... А война, понимаешь, надоела. Душа болит, глядя на все это — на горе людское, на женские слезы, на смерти, на сирот, на разрушенные села. И вот я все чаще и чаще думаю: как все-таки мы, руководящие работники, работники партии, в мирное время мало говорили людям ласковых слов, как мало душевной теплоты было у нас и в обращении даже друг с другом. Жив буду — вернусь домой, в Сибирь, на областной партконференции или, еще лучше, в печати обязательно выступлю. О любви людей друг к другу, о товарищеской чуткости. Ведь у нас в стране человек человеку должен быть товарищем и братом, ведь все мы строим, создаем для человека и революцию делали тоже для того, чтобы человек, трудовой человек чувствовал себя хозяином... Вообще много мыслей появилось у меня за войну о нашей жизни. И, конечно, не у меня одного... После войны по-новому будем жить. Война очистит человеческие души от многих корост, от налета грязи, обнажит эти души, сделает их восприимчивыми ко всему хорошему, нежному, — Аркадий Николаевич мечтательно сощурился. — Хорошо будем жить, дружно...

А бои усиливались с каждым днем, все больше накалялась атмосфера, словно кругом разгоралось кольцо неудержимых таежных пожаров. Немцы теперь были уже всюду. Бригада то выходила из окружения, то попадала снова. Несколько раз удалось вывезти на запасную базу раненых. Но потом бои не прекращались почти совсем, бригада вынуждена была отойти в глубь лесов, и связь с тайной базой прекратилась. Партизаны уже начали осваиваться с новой тактикой, сами то и дело нападали на немецкие отряды, те же, в свою очередь, пытались зажать бригаду в тиски и раздавить ее. Но она всякий раз высматывала из этих тисков, словно кусок мыла из мокрой руки. Один день, который дал в распоряжение штаба бригады перед началом боев комиссар Мюллер, сообщив планы немецкого командования, предпринял судьбу карательной операции. Конечно, заслуга в этом не одного только Мюллера. Если бы не предложил Данилов послать Галю к инженеру, сам бы он не решился раскрыться перед своей уборщицей, хотя был почти уверен, что она — партизанский агент, знает немецкий язык. А теперь германское командование только удивлялось подвижности партизан и отсутствию у них обозов.

В последних числах августа фашистам ценой невероятных усилий удалось все-таки окружить бригаду. Начались кровопролитнейшие бои. Комбриг с комиссаром, все командиры отрядов были в окопах.

И вдруг по цепи от роты к роте, от отряда к отряду пронеслось:

— Комиссара ранило!

рав-

Пе-
лядя
прот,
таки
мало
ло у
мой,
чати
ской
ари-
лю-
ство-
ойну
зому
от
сему
я.—

мос-
по-
кру-
пас-
бри-
пре-
ами
ыта-
вы-
дин
лом
ред-
дно-
ю к
щей,
ккий
иж-

лий
бон.

ось:

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

АСН
14

АСН
12

Комиссар был без сознания. Он лежал в землянке на носилках бледный, с седыми висками, оттеняющими большой выпуклый лоб. Уже третий день лежал спокойно, не издав ни единого звука, не разомкнув глаз. А кругом шел бой. Днем и ночью партизанские отряды сдерживали сжимающееся кольцо.

Мины и снаряды долетали до штабной землянки.

Наконец, ночью, на наскоро сооруженный аэродром прилетел самолет, вызванный из Москвы. Летчик в собачьих унтах и меховой куртке выскочил на освещенную кострами полянку. Торопил:

— Уже светает. Скорее, товарищи!

Комиссара бригады пронесли осторожно, бережно установили носилки в фюзеляже. Взревел мотор, и самолет побежал по раскорчеванной полянке, обсыпанной землей от артиллерийских взрывов.

Когда он взмыл в воздух, небо уже посветлело. Партизаны махали шапками.

И вдруг из-за серой осенней тучи вынырнули два мессершмидта. Как огромные черные стервятники, набросились они на беззащитный санитарный «кукурузник». Ударила единственная партизанская зенитка, но...

Это было 6-го сентября 1943 года.

Потом бригада прорвалась и с мертвым комиссаром на руках ушла в свои, обжитые леса. Здесь, в глухой деревне Рудо, комиссара похоронили...

...Первый день за две недели в лесу было тихо-тихо. Задумчиво качали гривастыми головами сосны, подреватый, как губка, топорщился тронутый желтизной мох. Ким сидел на валежине и в задумчивом оцепенении смотрел перед собой. Ничто уже не привлекало его — ни узорчатые, лапистые папоротники, которыми он любовался еще не так давно, ни стройные, словно выточенные на токарном станке стволы молодых сосенок, ни суетливая беготня белок. На сердце было тоскливо, хотелось домой, так хотелось, что грудь разрывалась на части. Отец все время стоял перед глазами — добрый, чуткий, все понимающий без слов отец. Ни за что не верилось, что нет его больше в живых, что не подойдет он больше к Киму, не заглянет в глаза, не подмигнет по-дружески ободряюще, не потреплет за вихор. И надрывалось сердце в тоске по отцу...

Не знал Кимушка, что всего лишь через две недели в Рудо рядом с отцовской появится и его могила и что навеки ляжет он рядом с отцом. Не знал, что и в войну и после войны за их могилами будет ухаживать девушка с синими глазами, что каждый год по весне будет сажать она цветы, заботливо поливать их, окапывать могильные холмики, а по вечерам долго-долго сидеть на скамеечке возле могил и смотреть на розовый закат, на бегающих около школы ребятишек, которые о войне будут знать только по рассказам таких, как она...

После войны явился в родное село на побывку Костя Кочетов. Не в военной форме, не в погонах, с какими привыкли встречать сельчане служивых, а в шикарном заграничном костюме, галстук, лакированных туфлях. У деда Леонтьича от обиды даже нос покраснел.

— Как же ты так, Костя? Воевал, говоришь, воевал, а ни погонов у тебя, ни орденов. Вон друзьяк твой Сергей в полковники выслужился, на грудях полный иконостас — курице негде клюнуть.

Костя отшучивался:

— Что ты, дед, меня равняешь с Серегой? Он в армии служил, а я в тебя пошел — партизан...

— Все одно, ордена должны быть.

— Ордена есть, четыре штуки. Только их я не ношу.

— Зря. Гребуешь, что ли? Ордена — они кровью добываются. ими гребовать нельзя...

К вечеру тетя Настя наготовила закуски, принесла из магазина водки. Пришли друзья Костины — Николай, Сергей Новокшонов. Едва сели за стол, сразу же спросили Костю о том, как погиб Аркадий Николаевич. Тот передал, что знал из рассказов товарищей.

— Без меня это было. Я в самом логове немцев сидел — был партизанским резидентом в районном центре. А через две недели Ким погиб. Так нелепо погиб, что до сих пор не могу смириться с его смертью. Шальной снаряд залетел к штабной землянке. Осколком и убило Кима.

Долго сидели за столом, молчали. Каждый по-своему вспоминал Данилова. Костя с детства знал его — сколько помнил мать и деда, столько и его.

— Светлая была головушка у Аркадия Николаевича, — первым нарушил молчание Леонтьич. — Бывалыча, когда партизанничали мы с ним в девятнадцатом годе, он тогда еще говорил: «Ты, Пётра Левонтьич, есть наипервейший ерой в моем полку». Саблю тогда серебряную, снятую с плеча...

— Ты чего, чего опять?.. — одернула его Настя.

— А что, нельзя вспомнить хорошего человека?.. Давайте, ребята, за упокой его души выпьем. Хоть мы с ним и неверующие оба, царствие ему небесное, все ж таки по русскому обычаю полагается выпить.

Костя не вытерпел, улыбнулся. Сергей же Новокшонов поддержал деда вполне серьезно:

— Не знаю, пьют или не пьют за упокой души комиссаров и секретарей райкомов, но чтобы вечная память об Аркадии Николаевиче сохранилась в народе, за это давайте выпьем, друзья!

Постепенно за столом наладился разговор. Другое время настало, то и дело с войны все больше возвращались к делам района, колхоза. Скучно было деду Леонтьичу в такой компании. Несколько раз он пытался вновь перевести разговор на войну, но его никто не поддерживал. И только потом, когда вволю наговорились о колхозных делах, Костя начал рассказывать, как он партизанил, как жил среди немцев, как

играл роль их холуя — даже однажды тер спину в ванне немецкому коменданту.

— До сих пор понять не могу, как у меня хватило силы сдержаться, чтобы не задавить этого питекантропа, — ударил Костя кулаком об стол. — Типичный был садист! Первое впечатление о нем такое: очень вежливый, культурный немец. А потом я узнал, что он сам пытал захваченных подпольщиков. Причем, в пытках изощрялся виртуозно. И в то же время был невероятным трусом. Дом, где жил, превратил в крепость, поставил пулеметы, охрану. Зная эту слабость, я время от времени пугал его — приносил якобы подобранные около моей водокачки партизанские листовки и письма с угрозами. А письма эти я писал сам. Как уж я в них изощрялся, облаивая этого ихтиозавра! Он бледнел и трясся от страха. А потом, когда фронт начал приближаться, я получил приказ убрать это доисторическое существо. Цельный день я обдумывал, как бы эффективнее это сделать. И решил повесить его средь бела дня, в его же собственном кабинете.

— Наверное, переполоху наделал? — спросил крайне заинтересованный Николай.

— Тогда было не до переполоху, — возразил Костя и вдруг засмеялся. — Вы бы посмотрели, ребята, какое лицо было у этого одно-клеточного, когда я ему сказал, с кем он имеет дело, и зачитал приговор. Глаза у него из орбит повылазили, причем сначала даже не от страха, а от удивления: я — и вдруг партизанский разведчик!.. Ну, а потом, когда пришлось платить за все злодеяния, потом и страх к нему пришел.

ИСТУКАНЩИК

У седого от брызг водоската,
Где стоит бобылем одиноц,
Жил седой истуканщик когда-то,
Истуканов остяцких творец.
И хотя это было не близко
Для его угасающих сил,
Черный камень с речного измыска
Он к жилью своему приносил.
Он осматривал пристально камень,
Все щербинки запомнив на нем,
Он ощупывал камень руками,
Проверял и водой и огнем.
Был он стар, словно ворон из сказки,
Был он мудр, как библейский мудрец...
Вот однажды, и не без опаски,
К водоскату явился гонец.
— Торопись, — он сказал, — если хану
Ты в немилость не хочешь попастьь.
Сделай нового истукана —
Прежний бог потерял свою власть.
А не сделаешь, старый обманщик,
Погляди вот, наточен кинжал...
Удалился гонец. Истуканщик
Длинным взглядом его провожал.
Вновь осматривал пристально камень,
Все щербинки запомнив на нем,
Вновь ощупывал камень руками,
Проверял и водой и огнем.
Осторожно резцом его трогал,
По песку принимался возить.
Он решил истукана двурогим,
С кем-то схожим изобразить...
Льдом по Конде пять весен уплыло,
Месяц первой жары миновал.
Ночью голосом нудным, простылым
Истуканщика кто-то позвал.
Тишина. Снова крикнул хрипатый.

А в ответ только пес заскулил.
Вышли лучники к водоскату,
Словно выросшие из-под земли.
Распалили костер. И тогда-то
Кто-то, вскрикнув, схватился за нож:
Истукан перед ними рогатый
Был смешон — и на хана похож.
Истукана секли тесаками,
На аркане к реке волокли.
Истуканщика долго искали,
Только даже следов не нашли.

У седого от брызг водоската,
Где шумит, закипая, вода,
Жил седой истуканщик когда-то.
Или вовсе не жил никогда...

* * *

На реке куличек-желтобровка
Ловит рыбу, ныряя в закат.
Я иду затравевшею тропкой.
Как мальчишка, промокнувший до пят.
По хлебам заросевшим и клеклым
Ухожу от приречной межи.
И далекой, далекой, далекой
Городская мне кажется жизнь.

* * *

Скворцы летят на юг, на юг, на юг.
А нам шагать в тайгу, в тайгу, в тайгу.
Мы в городах оставили подруг
И перед ними в письменном долгу.
Они грустят на тысячи ладов
И думают о нас наверняка.
От первых посинела холодов
Нагая не по-зимнему река.
Ночами иней — россыпи казны.
И вспомнится женатому не раз
Отзывчивая теплота жены,
Которой так недостает сейчас.
А холостяк припомнит свет весны

В подтаявших девчоночьих зрачках.
И теплые, как май, забьются сны,
Забьются в спальных меховых мешках.
Нас не разбудит длинный лисий вой —
Уставших нас поднять сейчас не вдруг.
А над тайгой, над нашей головой
Летят скворцы на юг, на юг, на юг.

Г У Д К И

Нас разделяют параллели просек
Да горная, как древний вал, гряда.
Но и сюда мне иногда доносят
Услужливо твой голос провода.
Ты говоришь мне, что у вас погоду
Отменную принес с собой февраль.
Я говорю, что лишь через полгода
Смогу приехать. Да и то едва ль.
Ты говоришь, что новыми вещами
Обзавелась и рада потому.
Я говорю, что по тебе скучаю,
Как не скучал еще ни по кому.
Ты трубку на рычаг небрежно бросишь,
Не придерживав, как голубя, с руки,
И до меня, минуя сотни просек,
Дойдут гудки, отбойные гудки.
Гуднут и сгаснут, сгинут в недомолвах.
Но только, как всегда, издалека
Гудеть им долго, нестерпимо долго —
До боли нарастающей в висках.
Они и ночью мне заполнят уши.
И, видимо, поэтому всегда
Я не могу без боли в сердце слушать,
Как стонут к непогоде провода.
Мне кажется: сквозь просеки и реки
Желанию чьему-то вопреки
Несутся, как обида, к человеку
Отбоя безотзывные гудки.

Ягодные дали. Лесосеки.
Мхи оленьи. Валунов стада.
У заломов бьющиеся реки.
А над всем — как струны, провода.
Струны позвончей, чем на гитаре,
И настрой у них совсем другой.
Иногда придет медведь из мари,
Чтоб послушать их напев тугой.
Постоит и за ухом почешет.
В глушь направит тихие шаги.
До чего же он тогда потешен,
Присмиривший грустно царь тайги.
Видно, дело сделали мытарства:
Натерпелся всяких бед старик.
Он уже давно с потерей царства
Примирен, как многие цари.

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

ДВА РАССКАЗА

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Маме моей.

Гроза налетела на Беловку неожиданно. Большая иссиня-черная туча закружилась над настороженно притихшей деревней и сыпанула ливнем. Потом ливень вдруг стих, и туча, задыхаясь громом, уползла за дальний Семеновский лес.

На позеленевший после дождя выгон выбежали деревенские ребята и начали играть в войну. Они то с криками скатывались в залитую водой канаву, то, сосредоточенно сопя, вылезали из нее и «палили» из деревянных автоматов в воображаемого врага.

Около низенькой, в два подслеповатых окна, избы стояла женщина и кричала в сторону выгона:

— Ленька! Ступай сюда! Зорька опять на шлях подалась...

А Ленька ошалело метался по выгону во главе своего мелкорослого отряда и воинственно размахивал деревянной саблей. Розоватые головки репейника рикошетом отлетали в канаву.

— Петька, руби! — кричал Ленька. — Вон справа хриц лезет! Танька! Сиротка! Кидай гранаты!

Петька щурил свои черные, как у вороненка, глаза и с придыхом кромсал репейник. А рыжая Танька Сиротка неумело размахивалась и швыряла в лужу большие комки грязи.

Ребята не сразу заметили, как на выгон пришел Гринька Маринкин. Он стоял в сторонке и безразлично наблюдал за суматошной беготней своих сверстников.

— Эй, карапуз! — крикнул Ленька, засовывая под ремень обломок деревянной сабли. — Лезь в канаву! Хрицем будешь...

— У меня дыпки, — пугливо захлопал белесыми ресницами Гринька и поддернул штанишки.

— Трус-карапуз! — Ленька пренебрежительно сплюнул. — Ловко ты вчера от меня драпанул.

Ленька подошел к Гриньке и вызывающе нахохлился. Гринька обиженно поджал губы и, помолчав, неуверенно посоветовал:

— Лучше не лезь. Дам сдачи.

— Я те за Таньку Сиротку надаю по шее. Чего крапивой жигал ее вчера? — спросил Ленька и сделал шаг вперед.

— Ленька! — опять закричала женщина. — Ступай за Зорькой! Ленька услышал крик матери и нехотя отступил от Гриньки.

— Десятой дорогой обходи теперь Таньку, — сказал он и показал кулак. Гринька снова поддернул штанишки, засунул руки в карманы и, оглядываясь, засеменял с выгона.

— Ленька! — позвала женщина.

— Час, — отозвался Ленька и крикнул в канаву, где по колени в воде возились его подчиненные: — Петька, командуй!

— Есть! — донеслось оттуда.

Ленька вбежал во двор, сдернул со стены кнут и помчался по улице, скользя по грязи босыми пятками. Он немного подстегивал себя кнутовищем, высоко вскидывал ноги и понукал:

— Но-о, окаянный!

Но, видимо, Ленька-конь был чересчур норовистый. Он взбрыкивал, дико ржал и подолгу гарцевал на одном месте, пока Ленька-всадник не грозил Леньке-коню кнутом. Тогда последний испуганно подавал назад, а затем послушно шел размеренной рысью.

Из Чертовой ложины доносился натужный гул мотора. Слышались крики: «Раз-два — взяли!»

Зорька паслась далеко за деревней в клевере.

«Еще объездчик захватит», — с тревогой подумал Ленька.

Из-за поворота, скрытого порослью молодого дубняка, выползла забрызганная грязью полуторка. Она побуксовала и остановилась, задымив мотором. Из кабины высунулись сначала два костыля. Потом вылез высокий человек в солдатском. Выбрал на обочине место посуше и запрыгал на одной ноге, прилаживая за спину вещмешок. Взял костыли и налег на них.

— Ну, спасибо, браток, что подобрал, — сказал одноногий.

— Ты не сердчай, — ответил из кабины шофер. — Я бы до самой Беловки довез, да карбюратор у меня барахлит. Боюсь, не дотяну к себе потом.

— Ладно, — махнул рукой человек на костылях, — доберусь как-нибудь. Тут близко...

Полуторка взвыла и поползла к Семеновскому шляху.

Человек в солдатском проводил ее сожалеющим взглядом и тут только заметил Леньку. Ленька стоял, забыв про Зорьку, и с боязливым ожиданием смотрел на солдата.

— Сынок, ты из Беловки? — спросил солдат.

У Леньки тревожно екнуло сердце.

— Ага, — ответил Ленька.

— Попутчики, значит, мы с тобой, — обрадовался солдат. — Ну, пошли.

Ленька выгнал из клевера Зорьку и зашагал рядом с солдатом.

— Ты чей там?

— Сидорихин я...

— А-а...

— Да мы из Краматорска летось приехали!

— Не знаю, сынок, не знаю...

Непривычно звучало для Леньки слово «сынок». А солдат повторял его так часто, как-то особо выговаривая каждую букву, будто учился проносить это слово. Он осторожно переставлял костыли, останавливался, выбирая обходы, старался идти по траве.

А вот Ленька, наоборот, забегал вперед, шлепал по лужам и выбирал самые грязные места. Немного погодя, солдат остановился, тяжело задышал.

— Погоди... Не могу я так быстро...

— Давайте, я мешок понесу, — предложил Ленька.

— Понеси, — согласился солдат. Он с трудом отстегнул врезавшиеся в плечи лямки вещмешка, отдал его Леньке. — Тебе-то сколько лет?

— В школу нынче.

— Большой ты уже. Как Гринька мой...

— Ага, большой, — согласился Ленька, а про себя подумал: «Это Маринкин-то Гринька? Ха! Трус-карапуз...» И Леньке сразу стало обидно оттого, что его приравняли к Гриньке-карапузу. К обиде постепенно прибавлялась неосознанная мальчишечья зависть.

«Теперь он заступаться за Гриньку будет», — вздохнул Ленька и щелкнул кнутом отставшую Зорьку.

Вскоре из-за бугра показались темные горбы соломенных крыш. До деревни оставалось совсем немного.

— Вот она, Беловка-то, — прошептал солдат и остановился.

Он стоял, устало навалившись на костыли, сильно подавался вперед и пристально вглядывался в соломенные крыши. Дышал часто, с хрипотцой.

— А тетка Марина говорила бабам, что вы без вестей пропали, — сообщил Ленька. — Бумага такая, говорит, из району приходила.

— Ну? — удивился солдат. — Похоронили меня, значит, районщики. Я, понимаешь ты, больше года никуда не писал. Вот и думали, что я похороненный.

— А у нас тоже бумага из району лежит, — сказал Ленька.

Солдат некоторое время шел молча. Взглядывал на Леньку и тут же отводил глаза, будто считал себя в чем-то виноватым.

Уже начало смеркаться, когда они подошли к крайним избам.

Зорька ушла немного вперед, а солдат с Ленькой отстали. Солдат то и дело останавливался, глотал воздух и что-то шептал пересохшими губами.

Из труб высокими ровными столбами поднимался дым. На улице было тихо, безлюдно. Послевоенная деревня еще не отвыкла от той молчаливой суровости, которая заставляла людей рано запираться в избах. В пруду под Лысым бугром надсадно кряхтели лягушки.

Солдат остановился напротив крайней избы и оглядел ее с каким-то радостным изумлением. Тихо засмеялся. Потянулся к воротнику гимнас-

терки. К ногам упала маленькая блестящая пуговица со звездочкой. Ленька заметил ее, поднял и протянул солдату.

— Дядь...

— Жарко... После грозы всегда так, — шептал солдат. Он достал из кармана платок, вытер глаза. — Кизяком топят, дымище. — Потянулся рукой к Ленькиному плечу, сжал его. — Ладно, пойдем, темно почти.

— Дядь, а ты не иди через пруд, — посоветовал Ленька. — Там греблю размыло. Через Лысый бугор иди.

— Да, да... Я понимаю. Через Лысый... Я, понимаешь ты, знаю все ямы. Рос тут...

Подошла к Ленькиной избе. Зорька замычала и завернула во двор.

— Зорька, Зорька, — откликнулась со двора мать и вышла на улицу. И вдруг она увидела: идет кто-то в солдатском и на костылях рядом с Ленькой. Мгновение стояла неподвижно, ухватившись рукой за столбик палисадника. Она в сумерках еще не узнала, кто это, и бросилась навстречу.

— Гриша-а-а!

Ей казалось — она закричала. Но она не услышала своего крика. Он застрял в горле сухим колючим выдохом. Подбежала к солдату и сразу очнулась, увидев перед собой совсем незнакомого человека. Бессильно упали руки.

— Вечер добрый, хозяйка, — сказал человек в солдатском. — Твой? — Он кивнул на Леньку.

— Мой...

— Работящий, понимаешь ты, мужик растет...

Человек в солдатском взял у испуганно молчавшего Леньки вещмешок, закинул его за плечо. Внимательно заглянул матери в глаза и очень тихо сказал:

— Ты меня... прости...

Чавкнула грязь под ботинком. Скрипнули костыли.

Человек в солдатском зашагал в обход через Лысый бугор.

ВАНЮШКА

Первая послевоенная весна пришла в Березняки с опозданием. Скоро конец апреля, а в ложбинах за огородами только-только начинает затвердевать под не обжившимся по-весеннему солнцем все еще стылая земля. В Крапивном рву, что перед самыми хатами, соседские ребятишки, закаляясь, бегают босиком по твердому снегу. Только большой выгон по левую сторону разлившегося пруда да Пажинские бугры по правую, наконец, растворили в первой зелени желтизну прошлогодней травы.

Дед Терентий, которого все зовут просто дедом Терехой, все чаще и чаще выходит на улицу и с надеждой заглядывает в ров: не стоял ли за

ночь снег? Подойдя к обрыву, он долго стоит, опершись на суковатую березовую палку, и недовольно хмурится.

— Не-е,— тянет дед Тереха, — не времечко еще пахать гароды... Ванюшка, — подзывает он соседского мальчишку. — Ну-ка...

Ванюшка перекидывает через плечо сумку и, как можно солиднее, здоровается с дедом. Дед первым протягивает ему свою руку. Он со всеми здоровается только так.

— Из школы топаешь? — спрашивает дед.

Ванюшка кивает.

— Пахать-то гарод сам будешь? Ай нанимать станете?

Ванюшка переминается с ноги на ногу.

— Я не умею еще, дед Тереха.

— Вот-вот, — хмурится дед, — научишься. Попроси у Федота лошадь. Плуг возьми у меня. Денька через три земляца-то и подойдет...

Дед хотел еще что-то сказать, но раздумал и пошел к своей избе. Они с Ванюшкой живут рядом.

...Через три дня, как раз в воскресенье, Ванюшка идет на колхозную конюшню. В конюшне пусто, только громко орут пережившие зиму воробьи да из дальнего угла доносится пофыркивание. Пахнет конским навозом, хомутами, прошлогодним сухим сеном. Ванюшка негромко свистит, чтобы вызвать хоть одну живую душу. Воробьи, всполошившись, улетают. В полутемном углу слышится призывное ржание. На чердаке кто-то шумно возится, и из сенного люка вместе с большущей охапкой сена вываливается дядька Федот. Пучки сена вплелись в его волосы, и он, чертыхаясь, вычесывает их оттуда.

Ванюшка робко покашливает и ожидает, когда дядька Федот обратит на него внимания.

— Ну, чего тебе? — спрашивает он, наконец.

— Огород пахать надо. Лошадь бы...

— Нету! — говорит дядька Федот, берется за метлу и начинает подметать проход, давая понять, что разговор окончен. Потом ставит метлу к стенке, вытаскивает кисет, но тут же опять прячет его и ворчит:

— На коровах вон пашут в колхозе. Земли-то вон сколько, а коней — шаром покати! — нету... Машка одна осталась, да и та никудышная. Старуха...

Дядька Федот горестно сплевывает себе под ноги.

— Мамка хворает, — вздыхает Ванюшка, — а то бы мы сами с ней лопатами вскопали.

Конюх хмурится и долго смотрит на мальчишку.

— Ладно, бери Машку, — неожиданно говорит он и предупреждает. — Только сильно не гоняй. К вечеру вспашешь. Сам, что ли, собираешься пахать?

— Сам...

— Ишь ты, — уважительно качает головой дядька Федот и цепким взглядом ощупывает фигурку мальчишки.

Машка стоит в углу, повернув голову в их сторону, словно понимая, что речь идет о ней.

Ванюшка выводит ее из конюшни и ведет домой.

— Не загоняй кобыленку-то, слабая она совсем! — кричит вслед дядька Федот.

— Ладно, — не оборачиваясь, обещает Ванюшка.

...Над огородами, громко горланя, кружится воронье. Пахнет дымом. Горит прошлогодняя картофельная ботва. Кое-кто из соседей уже заканчивает пахоту. Черные пласты земли подсыхают, и над ними вьется легкий парок.

Машка стоит, понурив голову, будто опьянев от весеннего солнца, и громко шлепает губами. Мелкие мухи облепили уголки ее заслезившихся глаз. Рукавом рубахи Ванюшка вытирает Машкины глаза. Мухи улетают. Машка благодарно толкает Ванюшку своими мягкими губами в плечо. Ванюшке жаль старенькую Машку. Он обнимает ее за шею и ласково шепчет:

— Не беспокойся, мы потихоньку.

Машка согласно трясет головою и ловит его ладонь.

— Тебе помочь, сынок? — спрашивает мать. Она стоит на крыльце, и на ее бледном лице светится улыбка. Она сегодня готовит сыну, как настоящему мужчине, завтрак с яичницей.

— Не надо. Сам справлюсь.

— Вожжи под шлею пропусти и привяжи за правую ручку, — советует дед Тереха. Прислонившись к плетню, он смотрит на Ванюшку и тоже улыбается.

Ванюшка краснеет и мельком поглядывает на мать: не заметила ли?

— Да не так, не так! — кричит дед Тереха. — Эх ты, горюшко лужское!

Он втыкает свою палку в землю, поправляет вожжи и обходит вокруг Машки.

— Ну, трогай...

Ванюшка берется за плуг.

— Погоди, — останавливает дед Тереха. — Знаешь, как плуг держать-то?

Ванюшка не знает, как его держать, но думает, что это очень просто: взял да держи, чтобы не упал.

— Держать — это верно, — соглашается дед, и его клочковатые брови сталкиваются на переносице. — Только надо знать, как держать. Ежели ты вдвнешься двумя руками да нажмешь с силой, лошадь замучишь. А ты легонько, и не давай лемеху вылезать из земли. Ежели, видишь, мало берет — наклони чуток вправо, а много — отведи влево. Потом выравнивай. Ну-ка, попробуй...

Ванюшка подтягивает плуг к меже, плюет в ладони и оглядывается.

Около огородной калитки стоит мать и ободряюще смотрит на сына.

Машка топчется на месте, пробуя свои силы, и, тяжело вздохнув, натягивает постромки. Плуг рывками ползет вперед, выворачивая жирный, с извивающимися червяками пласт земли. Пласт кажется узким, и Ванюшка наклоняет плуг вправо. Плуг ползет в сторону, потом вверх.

Ванюшка крепче сжимает ручки плуга и наваливается всем телом. Плуг глубоко зарывается в землю.

Минут через десять Машка останавливается и трясет жиденькой гри-вой. Ванюшка чувствует, как по его спине течет пот, рубашка уже прилипла. Наверное, от волнения.

— Ах ты, окаянный! — кричит дед Тереха. — Говорил я тебе, чи не говорил, чтоб ты не жмал на плуг?

Ванюшка виновато молчит, опустив голову, и безразлично наблюдает за перерезанным червяком.

Дед решительно втыкает свою палку в межу и берется за плуг.

— Гляди, как надо пахать... Но-о, милая, — ласково поет дед, и Машка послушно трогает вперед.

Ванюшка идет рядом и старается запомнить каждое дедово движение. Плуг ровно и легко отрезает и переворачивает черную ленту земли, подгребая под нее и навоз, и полусгнившую картофельную ботву, и разбухшие от сырости стебли подсолнухов... Вслед за дедом, на расстоянии десятка шагов, по дымящемуся чернозему переваливаются галки и острыми клювами выбирают из земли червяков.

Прошли круг.

— Ну, давай, попробуй, — опять говорит дед. — Он вытирает подолом длинной рубахи лицо и, опупывая поясницу, жалуется: — Не-е, теперь я уже не пахарь. Бывало, в молодости десять таких гародов запашу и хоть бы что...

Ванюшке становится жаль деда Тереху и он, желая ободрить его, говорит:

— К обеду свой спашу, а после обеда и вам...

Дед недоверчиво хмыкает:

— Со своим бы управился.

Подходит мать. Она становится около деда и грустно смотрит на измазанные босые ноги сына.

— Научился мой хозяин-то? — спрашивает она у деда.

— Куды там! — суровеет дед и щурится лукаво: — После обеда мой гарод грозитя вспахать.

Ванюшка делает вид, что не замечает усмешку деда. Заносит плуг к меже, разбирает вожжи и кричит, подражая деду.

— Но-о, милая!..

Машка будто почувствовала в голосе мальчика уверенность. Она бодро зашагала по кромке борозды, на ходу схватывая губами ветки сухой польчи.

— Теперь вспашет, — успокоенно говорит дед Тереха Ванюшкиной матери. — Маленько набил руку мальчонка.

Мать, закусив уголок платка, задумчиво смотрит вслед сыну, и ее губы чуть заметно дрожат.

— Пойду я, Петровна, — говорит дед Тереха. — Старуха, поди, заждалась там.

Дед, сгорбившись, опирается на палку и, потирая поясницу, бредет через огород к своей избе.

...Солнце уже перекаатилось почти к горизонту, когда Ванюшка обходил последний круг. Машка часто останавливается и тяжело поводит боками.

— Ну, еще немного, — просит ее Ванюшка, поглаживая по вздрагивающей шее. — Сейчас отдохнешь. Я тебя на луг отведу. Там травища!

И Машка натягивает постромки...

Ванюшка тоже устал. Ручки плуга высоковаты, и Ванюшке все время приходится держать их почти перед собой, одновременно прижимая книзу.

Вот и огородная калитка.

Машка останавливается и поворачивает голову к Ванюшке, словно спрашивая, что делать дальше.

— Ну все, Машка! — облегченно вздыхает Ванюшка и с радостью смотрит на черный прямоугольник вспаханной земли.

Тяжелые глянцевиые пласты налегают друг на друга ровными рядами. Над ними суетливо кружатся галки. А рядом, через узкую полосу межи, запустело белеет ранней лебедой и дымчатой польнью огород деда Тереха. Ванюшка отстегивает постромки и снимает с Машки хомут. И опять смотрит на дедов огород, невольно сравнивая его со своим.

— Отдохнешь немного, — говорит он Машке, — подкрепишься луговой травкой... А то у тебя уже на сегодня сил больше нет.

Машка пофыркивает и понуро опускает голову.

Ванюшка берет ее за повод и ведет в конец огорода.

— Сынок, — окликает его мать, — перекусил бы маленько.

— Ладно, потом, — отвечает сын. — Машку покормить надо...

...На другое утро дед Тереха хотел встать пораньше, но почувствовал ломоту в пояснице и решил поворочаться еще немного. Лег да и нечаянно задремал. Проснулся от громкого стука в окно. Долго возился на лежанке, кряхтел и ворчал что-то себе в бороду, отыскивая калоши.

В углу на низенькой деревянной кровати тихо постанывала бабка.

«Не протянет долго старуха», — думает дед Тереха, поглядывая на пожелтевшее бабкино лицо.

Он хочет спросить у бабки про калоши, но не решается тревожить ее и босиком выходит во двор.

Во дворе с кнутом в руках стоит Ванюшка. А Машка мокрыми губами доверчиво толкает в его плечо.

— Ты чего? — недоуменно поднимает брови дед Тереха.

— Огород вам пахать приехал.

Дед от неожиданности растерянно скребет пальцем свою лысину и вопросительно смотрит на Ванюшку.

— Ну?!

— Правда, дед Тереха.

— Ах ты, господи! — начинает суетиться дед. — Да как же это?

Он шарит рукой в углу сеней, отыскивая палку. Но она куда-то за-

терялась, и дед, махнув рукой в сердцах, прихрамывая, ковыляет к огородней калитке.

— А я-то, старый пень, чуть было всех святых не проспал, — приговаривает дед. — Поясница, проклятая, мучит. Да и бабка у меня пластом лежит...

Ванюшка выводит Машку на огород и впрягает в плуг.

— А Федот, Федот? — спрашивает дед Тереха.

— А что Федот? — отвечает Ванюшка. — Сперва не хотел давать, а как узнал, что вам огород пахать — сразу дал.

Дед озабоченно ходит вокруг Машки, помогая Ванюшке пристегнуть к хомуту постромки.

— Ну, с богом, ежели на то пошло, — говорит дед Тереха и смеется радостным, почти детским смехом.

Ванюшка подталкивает плуг поближе к меже и берется за ручки.

— Но-о, милая!..

Плуг равномерно ползет вперед, и Ванюшка босыми ногами сразу ощущает сырую прохладную свежесть. Становится легко-легко, и хочется вот так идти вслед за Машкой и за плугом куда угодно, только чтобы постоянно чувствовать эту землю ступнями.

го-
го-
ас-
ь,
ть
т-
у
т-
ы

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

Станислав ВТОРУШИН

Человек одомашнил зверя,
сделал добрым его, ручным.
Человеку до гроба веря,
ходит зверь по пятам за ним.
От жилья, от теплого крова,
от заботы
зверь не бежит.
Волк,
что раньше лютел от крови,
у костра в раздумье лежит.
Шерсть пушится на морде гладкой,
звезды всматриваются в него.
Под рубахой ходят лопатки
у хозяина у его.
Пахнет пот его кровью соленой,
разлохматилась голова.
Топором,
как луной заостренной,
звенко рубит хозяин дрова.
И молчит.
И зверю ни слова.
Но прижился здесь, у костра,
запах терпкой смолы сосновой
и тепла, и людского добра.
Дремлет волк.
Но он вскочит ночью,
лишь слышатся голоса.
Потому что порой по-волчьи
человечьи горят глаза.
И становятся злее дыма
люди,
зверя даже лютей.
Встанет шерсть на загривке дыбом —
волк не любит таких людей.
Человеку до гроба веря,
волк привык в тайге, у огня,
презирать в человеке зверя,
человека в звере ценя.

* * *

Проплыли полки и кони,
за Урал прошли табуны.
Поломали татары копья,
лишь вступив на порог страны.
День угас постепенно, слабо.
Звезды вышли, как меч остры.
И шумливый татарский табор
запалил на степи костры.
И, подняв галдеж у махана,
у пылающего костра,
на носилках вынесли хаиз
из расписанного шатра.
Хан недобро и беспокойно
в степь распаханную смотрел.
Злился хан: сколько храбрых воинов
Полегло от славянских стрел!
Кто ему победы пророчил?
Кто отдал ему этот престол?
Впереди все темно, как ночью,
сзади — гарь захваченных сел.
Не укажет пророк дороги,
что легла ему впереди.
И кольнула хана тревога,
и тоска вискреблась в груди.
Он смотрел на костер угрюмо.
Поднимался багровый дым.
Думал хан.
Очень долго думал.
И чернело небо над ним.

* * *

Есть грусть какая-то в алтайском лете,
когда, озябнув, выйдешь на заре —
клубится Обь туманом на рассвете,
звезды не успели догореть.
И тянет с берегов сырой прохладой.
И осыпают листья тальники.
Проходит август — время звездопада,
и гуси табуняются у реки.

И скоро тучи,
мелкий дождь просеяв,
посыпят снегом. И уйдет туман...
А Обь течет, упрямая, на север,
в студеный и бескрайний океан.

* * *

Земля такой ни разу не была.
Земля светлым-светла, белым-бела,
она была торжественной и чистой.
Вставало солнце в тишине морозной,
стояли удивленные березы,
не понимая, что могло случиться.
А тишина струилась тонко-тонко.
Спала в кровати рыжая девчонка.
Проснуться ей и лень, и нету сил.
Но на земле остались отпечатки.
Не скрыть ни от кого,
кто с кем встречался,
кто где стоял, и кто куда ходил.
Как откровенность, что пришла неожиданно,
все было на земле так первозданно,
что молча удивился человек.
И день вставал. Светлел он и лучился...

А ничего такого не случилось —
сегодня ночью выпал первый снег.

НАВСТРЕЧУ
50-ЛЕТИЮ
ОКТАБРЯ

В. КИРЯСОВ

КАДЫЧИХА

ОЧЕРК

Жоюмиссия сортировала арестантов по схеме: направо — расстрел, налево — «эшелон смерти». Но вот перед ней предстала женщина в совершенно невменяемом состоянии. Голубые глаза раскрыты широко, наивно. На вопрос: «Фамилия?» — бессмысленно улыбается.

Ее били, она никак не реагировала. Худая, изможденная, она безучастно относилась ко всем видам пыток.

Это была Кадычиха, ставшая к тому времени полулегендой. Ей полагалась смерть. Но налицо было помешательство. И даже волчьи законы белогвардейских карателей не дошли до того, чтобы разрешить убивать умалишенных. Кадычиху определили в «эшелон смерти».

Женщина не симулировала помешательство. События последних месяцев помимо воли помutilи сознание, лишили остатков сил...

Кто же она такая, Ефросинья Алексеевна Кадыкова, откуда взялась, чем заслужила лютую ненависть белогвардейцев?

Родилась в 1886 году на Волге, в бывшей Самарской губернии. Отец — почетный гражданин, мать — крестьянка. Но отца скоро не стало, его убили помещики за то, что он умело и последовательно защищал крестьянские интересы.

Учителя приходской школы сразу обнаружили большие способности у большелобой голубоглазой девочки Фроси. «Ей обязательно надо учиться дальше», — убеждали они ее мать. Та соглашалась, гордилась дочкой и отвечала: «А на что же учить ее я буду?»

Но возможность была найдена. В Самаре в те годы существовала земская школа учителей. Туда со всей губернии отбирали самых способных крестьянских девочек, обеспечивали их стипендией. Однако конкурсы бывали страшные. Их называли «избиением младенцев». Например, Ефросинья Алексеевна проходила испытания в числе 70 претенденток, из которых могли быть приняты только двое. Одной из счастливщиц стала тринадцатилетняя Фрося.

Но потом оказалось, что отец Фроси не крестьянин, и стипендия ей не полагается. Это означало, что надо либо отказаться от мысли учиться, либо выдержать еще один экзамен, губернский. Она выдержала и губернский конкурс, он был еще более трудным.

Что было дальше? Жизнелюбивая молодость, песни на крутых волжских берегах над раздольными речными просторами. У Ефросиньи Алексеевны был, по свидетельству одной ее подруги тех лет, сильный грудной алыт, она замечательно исполняла русские народные песни.

Этот голос хорошо служил ей после, когда она стала большевистским агитатором. Но об этом потом.

С 1902 года Е. А. Кадыкова участвует в работе кружка по политическому самообразованию под руководством социал-демократов. В 1905 году она получает диплом народной учительницы, ее направляют в одно из сел Самарской губернии. Связь с социал-демократами стала еще более прочной. В 1907 году Кадыкова была принята в РСДРП, в «Краснопоселковую десятку».

В самом начале первой мировой войны супругам Кадыковым пришлось покинуть Самарскую губернию, им грозил арест. Местная организация социал-демократов санкционировала выезд.

В Крутихе, куда направили Кадыковых из Томска, им прижиться не удалось. Поп, купцы, кулацкие заводилы пронюхали, что Кадыковы «красные», лишили их мест в школе. Пришла и другая беда: умерли дети Кадыковых, слабые и болезненные близнецы, родившиеся еще в Самарской губернии.

С помощью каменских социал-демократов, с которыми уже была установлена связь, супругам удалось устроиться инструкторами в союз кооператоров. Работа была разъездная, но из этого извлекалась польза: Кадыковы устанавливали связь с социал-демократами на местах, выявляли сочувствующих, приобщали их к революционной работе.

Кадыкова, став активным членом каменской социал-демократиче-

ской организации, заявила о себе, как о твердо стоящей на большевистских позициях. А когда сразу после февральской революции в Камень-на-Оби приехал томский большевик Звездов (уезд входил тогда еще в Томскую губернию) и был создан уездный комитет РСДРП(б), председателем его избрали Е. А. Кадыкову.

Выйдя из подполья, уком, поддержанный и проинструментированный томскими большевиками, развернул активную деятельность по проведению в жизнь ленинской политики. В уезде и городе через некоторое время насчитывалось уже более 600 сочувствующих большевикам.

Наступили горячие революционные дни. Захолустный сибирский городок, созданный, казалось бы, самой природой для тишины и покоя, стал ареной ожесточенной политической борьбы. Под влияние большевиков один за другим попадали самые различные союзы: крестьянский, грузчиков, кооператоров, учителей, строителей. И когда в мае состоялись выборы в городскую думу, большевики оказались в большинстве, а городской головой была избрана Е. А. Кадыкова.

Это вызвало бешеную злобу у местной буржуазии, меньшевиков, эсеров, кадетов. Кадыкову арестовали, результаты выборов были опротестованы.

Но вторичные выборы дали тот же результат: за Кадыкову проголосовало подавляющее большинство. Из Томска пришла телеграмма за подписью губернского комиссара Гана: «Немедленно слать все дела и кредиты старой городской думы вновь избранному председателю народного собрания (городской думы) Кадыковой Е. А.»

Таким образом, политическая власть в городе уже в мае 1917 года оказалась у большевиков. И хотя уездом формально правила уездная управа, в деревне также самой популярной была политика большевиков. Во главе земельного отдела управы стоял большевик, он работал в тесном контакте с крестьянским союзом.

Но на стороне буржуазии, меньшевиков и эсеров была поддержка ставленников Временного правительства в Барнауле, Новониколаевске, Томске, у них была вооруженная сила. И, когда проходил второй уездный съезд Советов крестьянских депутатов, Е. А. Кадыкова, руководившая съездом, была снова арестована по распоряжению главы земской управы Лисицына.

Под давлением народных масс Камня, Новониколаевска, Томска Кадыкова была вскоре освобождена. Но дальнейшее ее пребывание на посту городского головы стало опасным для жизни. Уком РСДРП(б) постановил отозвать ее с этой должности.

В начале октября 1917 года состоялся третий уездный съезд Советов. На нем произошло объединение горсовета и исполкома крестьянского союза. Избранный на съезде руководящий орган стал называться горуездным исполкомом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Важное значение имел и тот факт, что съезд постановил отнять у меньшевиков газету и передал ее большевикам. Ответственным редактором была назначена Е. А. Кадыкова.

Уже в первых своих номерах «Каменский голос трудового наро-

да» провозгласил большевистские лозунги «Вся власть Советам!» и «Никакого доверия Временному правительству!» Огромной популярностью пользовались статьи Кадыковой, написанные просто, доходчиво, насквозь проникнутые ленинскими идеями.

Большевики не забыли прошлых ошибок, создали небольшой красногвардейский отряд. А вскоре совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция и узаконила Советскую власть в уезде.

Однако кровопролития избежать не удалось. Меньшевики и эсеры создали повстанческий блок. Плохо вооруженные красногвардейцы не смогли противостоять заговорщикам. Кадыкова и ряд других товарищей были арестованы, остальные скрылись. Двум совдеповцам удалось добраться до Новониколаевска и Барнаула. Посланные с ними в Камень красногвардейцы быстро подавили мятеж. Для ликвидации его последствий были созданы ревком во главе с Е. А. Кадыковой и ревтрибунал, председателем которого стал ее муж, А. К. Кадыков.

15 марта 1918 года в Камне-на-Оби закончил работу пятый уездный съезд Советов. Вскоре Ефросинья Алексеевна Кадыкова уезжала в Новониколаевск. Ее, учительницу по призванию, снова потянуло к детям. Последнее время она пыталась работу на постах председателя укома партии, ответственного редактора газеты «Каменский голос трудового народа» и заместителя председателя усовдепа совместить с работой в детском приюте, но слишком велика была нагрузка на основной работе. Ефросинья Алексеевна задумала сдать экстерном экзамены за весь курс учительского института в Новониколаевске и навсегда посвятить себя детям.

Смены занятий требовало и состояние здоровья. Уже несколько лет Ефросинья Алексеевна не знала ни спокойного сна, ни отдыха, а теперь, когда она снова готовилась стать матерью, ей необходимо было хоть немного окрепнуть.

Но задуманному не суждено было сбыться: подняли мятеж чехословаки, зашевелилась белогвардейщина. Через несколько дней последовал первый арест. Кто мог выдать ее квартиру в Новониколаевске? Только года два спустя узнала: каменский провокатор Иванов.

Тюрьма, одиночная камера... Это заключение отличалось от всех предыдущих. Побои и пытки переносила, не произнося ни звука. С мучителями разговаривала гордо, презрительно. Но близилась и вскоре наступили роды. Вот как описывает тот момент С. Толстых, в будущем командир Славгородского полка красных партизан, оказавшийся в соседней камере: «Стоны и крики беспомощной женщины были услышаны заключенными в соседних камерах, о чем молниеносно узнала вся тюрьма. Заключенные устроили бунт, вся тюрьма пришла в движение, стучали в окна, стены, двери, колотили ногами в пол. Все требовали немедленной отправки роженицы в больницу. Администрация не выдержала, сдалась...»

Но было уже поздно. Роды прошли на пороге тюрьмы, на глазах конвоиров.

После родов Кадыкову поместили в камеру к уголовницам, в расчете на то, что воровки и бандитки расправятся с политической.

Но на этот раз Ефросинью Алексеевну спасла именно популярность. Среди уголовниц оказалась жительница Камня Овчинникова. Она взяла Кадыкову под защиту.

Затем снова одиночная камера. Жестокий тиф. Когда очнулась, ребенок был уже мертв, изъеден крысами...

Каменская буржуазия тем временем узнала об аресте ненавистной Кадычихи и потребовала доставить ее на расправу.

В Камне-на-Оби Кадыкову встречала разъяренная ликующая толпа. Когда конвой свел ее на берег, послышался свист, на голову ей посыпались камни. Разъяренная толпа буржуев, для которых еще недавно Ефросинья Алексеевна была грозой, готовила самосуд. Начальнику тюрьмы Ипатову (впоследствии белые расстреляли его за связь с комкором Громовым) с большим трудом удалось предотвратить расправу.

В каменной тюрьме к Кадыковой стали проникать вести от товарищей. Тяжелы, бесчеловечны были пытки, вдесятеро тяжелей было переносить их женщине, так трагично потерявшей ребенка и перенесшей тиф, но сообщения с воли подбадривали. А однажды рабочему Александрову, который прикинулся пьяным, удалось даже проникнуть в камеру к Кадыковой. Он сообщил ей план побега, который подготовили товарищи.

Но когда уже все было готово, заключенную сразил повторный тиф.

Однако и это не было концом мучений. После относительного выздоровления ее отправили к известному на Алтае изуверу-карателю Гольдовичу. И уж только после этого, потерявшая рассудок, предстала она перед комиссией в Барнауле для окончательного приговора: смерть или «эшелон смерти». Небогатый же был у колчаковцев выбор!

Попав в «эшелон смерти», Ефросинья Алексеевна не погибла. Вскоре она оправилась от нервного потрясения. На Дальнем Востоке, в местечке Посьете, где был лагерь смертников-заложников, при ее активном участии была создана подпольная группа.

В начале 1920 года заключенных освободили отряды Лазо и Губельмана.

Некоторое время Е. А. Кадыкова работала во владивостокском Красном Кресте, затем — политруком в одном из забайкальских партизанских отрядов. И только в мае 1920 года ей удалось добраться до Камня. Там ее ждал новый удар: за две недели до ее приезда умер муж...

Затем — ответственная должность в Новониколаевске, позже — в Москве. Работа в различных столичных издательствах, преподавательская деятельность в институте марксизма-ленинизма. Но и эта

жизнь не была гладкой. Оставшиеся в живых враги продолжали при случае кусать ее. В 1937 году двое «перевертышей» оклеветали старую большевичку, сочинив легенду, что Кадыкова — это не Кадыкова, а «белогвардейская подделка» под нее, что настоящая Кадыкова погибла. Несколько месяцев, пока верные товарищи не рассеяли недоразумения, Ефросинья Алексеевна была вне партии. Эти месяцы были кошмарными: она потеряла дар речи и не могла двигаться.

Совершенно больная, она долго не хотела воспользоваться правом на заслуженный отдых. Пенсионеркой стала только года через два после Великой Отечественной войны.

Умерла Е. А. Кадыкова-Городецкая, персональная пенсионерка союзного значения, в 1962 году. Урна с ее прахом замурована в одном из памятников города, которому она отдала лучшую пору своей жизни — в Камне-на-Оби.

Вечна память о ней в этом городе, в сердцах многочисленных друзей ее, сыновей и дочерей (не хочется называть их приемными, она была для них более чем родной)!

...Она любила, когда ее называли Кадычихой. Ведь Кадычиха олицетворяла в заштатном сибирском городке революцию. Прочтите в заключение слова подруги Ефросиньи Алексеевны С. Г. Суворовой, члена КПСС с 1920 года, убедитесь, не так ли это:

«Встанет, бывало, Кадычиха на телегу или бочку какую на базарной площади, тряхнет своей большой головой с копной волос цвета перезрелой соломы и начнет митинговать таким зычным голосом, что он был слышен и на окраинах города. И люди шли, шли слушать большевистскую правду. Бежали и мы, подростки, не столько послушать, сколько посмотреть на эту мужественную женщину, глаза которой излучали всю глубину ее ненависти к угнетателям».

г. Камень-на-Оби.

На дело трудное легко ль решиться,
Страх побороть?

Ведь дело — тот же бой.
Но смелость окупается сторицей,
Когда рискуют люди с головой.
Ведь рисковать — не значит жить вслепую,
Не значит полагаться на «авось».
О, если б жить спокойно,

не рискуя,
Нам никогда б не долететь до звезд!
Будь счастлив тот, кто видит день грядущий,
Кто и сегодня для него живет.
Я славлю, люди, вас,

на риск идущих,
Ведущих
человечество
вперед!

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

А. Л. Коптелову

В след,
Маральим копытом выбитый,
Мокрым утром роса стекла;
Не была еще солнцем выпита
Разноцветная капля стекла,
А тропой,

Что туманом спеленута,
Где молчит настороженно лес,
Проходил человек.
И на склонах там

отыскал он
цветок

эдельвейс.

Сквозь дремучее шел безмолвие,
Шел по берегу речки крутой,
Где стремительный хариус молнией
Вдруг взлетал над кипящей водой.

То тропинкою шел
кабаржиною,

Там,
где горная тундра глуха,

То в аиле у пламени рыжего
Он всю ночь слушал сказ пастуха.
Ночь дышала полынью и мятою,
Слов пастушьих забыть он не мог:
— Кто влюблен в горный край,
 в дымке спрятанный,
Тот найдет этот диво-цветок.
Вновь шагал он за горною сказкою,
На белках оступался на льду...
Говорят, эдельвейсы алтайские
У него расцветают в саду.

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

У Нины Григорьевны Щербина, тогда еще начинающего ветврача совхоза «Светлый путь», трудовой дебют вышел негладким. С самого раннего утра и до позднего вечера Нина не выходила с фермы, а все казалось, что сделала мало и не всегда то, что надо.

В такое-то время и приехал на отделение в Журавлиху директор совхоза Анатолий Михайлович Крюков. До этого Щербина виделась с ним, может, только раз.

— Ну, думаю, попадет мне сейчас, — вспоминает Нина Григорьевна. — Всыплет начальство по первое число. «Как дела?» — спрашивает. Вот оно, начинается... Пока соображала, что ответить, Анатолий Михайлович продолжал: «Как устроились, где живете, как с продуктами?» А устроилась я, надо сказать, плохо и вообще жизнь на тех порах по всем статьям складывалась неважно. Но сама я воспринимала это как неизбежные первые трудности и жаловаться не собиралась. Крюков же посмотрел иначе. Договорился с управляющим, чтобы перевели меня в хорошую квартиру и потом только пошел вместе со мной на ферму, во всем помог разобраться. Я еще тогда подумала, что директор — ветврач по специальности.

— В общем, для меня лично Анатолий Михайлович сделал очень много хорошего, — заключила Нина Григорьевна.

Женщины, которые слышали наш разговор, засмеялись дружно:

— Вот, вот и на треть зарплаты оштрафовал однажды...

— Это другое дело, — отмахнулась Щербина, — справедливо, потому и не обидно.

Нине Григорьевне не случайно показалось тогда, что директор разбирается в ветеринарии, как специалист. Но с таким же успехом его может принять за коллегу зоотехник. На равных говорит Крюков с экономистом и в споре с агрономом тоже может профессионально доказать свою правоту.

Вот если учесть все это да еще принять во внимание, что

А. М. Крюков по образованию юрист, а теперь руководит крупным сельскохозяйственным предприятием, то можно представить себе, сколько у него остается времени на то, чтобы уделить внимание каждому, вникнуть в настроение и быт людей.

Хозяйство миллионное, пять отделений, сотни рабочих. Ну, кто бы осудил этого человека, скажи он вошедшей в кабинет женщине: «Простите, устал» — и показал бы сначала на часы, а потом на кипу непрочитанных бумаг?

А он посмотрел на женщину спокойно и доброжелательно, хотя наверняка знал: пришла поделиться с ним еще и своей личной заботой.

— Ну, как живешь, Екатерина Михайловна?

— Знаешь, Анатолий Михайлович, уходит мой-то...

Еще бы не знать, такое шило в деревенском мешке не утаишь. Муж выпил с приятелем, она устроила скандал, «с применением физической силы», как пишут в милицейских протоколах. А теперь директор рассуди их.

Но Крюков ничего не сказал, приготовился внимательно слушать. Только подумал, наверное: ну, что с тобой, милейшая, делать, коли сама не можешь справиться со своими напастями...

На следующий день у директора дел опять неуворот. Но он не забыл про вчерашнюю посетительницу, рассказал о ней парторгу, ныне управляющему третьим отделением Д. К. Кожину.

— Может, попытаться?

— Ладно, — сказал Дмитрий Константинович, — попытаюсь. Знаю я их неплохо...

И один, без предварительных совещаний и записанных на бумагу решений, отправился в дом к Екатерине Михайловне на правах знакомого: принимайте, мол, гостя. Сидел, разводил тары-бары с мужем хозяйки, словно и не зная, что супруги в ссоре. Екатерина Михайловна несколько раз заходила в комнату, намекала насчет того, что гостя надо бы приветить. Муж, будто не понимая, молчал. Тогда Екатерина Михайловна спросила напрямик:

— Может, мне сбегать?

Тут муж впервые посмотрел на нее и пригвоздил взглядом к месту. А Кожин сделал вид, что не заметил этой выразительной сцены, обратился уже непосредственно к хозяйке:

— Шла бы ты, Екатерина Михайловна, работать на птичник, молодая ведь еще и не семеро у тебя по лавкам. А нам как раз люди хорошие нужны. Соседки твои ордена получают, в газетах печатаются. А ты чем хуже? Как думаешь, Иван, ведь не хуже других твоя Катерина?

— Дак ведь...

— Нет, правда, давай втроем и подумаем...

Так вот без шума, по-домашнему и уладили конфликт. Кожин, сказавший мне эту историю, просил не называть настоящего имени женщины, потому что, говорит, она теперь одна из наших лучших птичниц и с мужем у них все ладно. А бывшее былшем поросло.

Нетипичный и, можно сказать, почти анекдотичный житейский случай. Бывают беды куда серьезней, иные люди и без своей вины попадают в крутые обстоятельства. Но я нарочно выбрала эту простую историю и подробно о ней рассказала, чтобы показать Крюкова: не отмахнулся от нескладной бабьей судьбы, не посмеялся над женщиной, не послал писать заявление в «инстанцию по адресу», а терпеливо выслушал.

И труд как будто невелик — выслушать человека, а как часто случаются недоразумения, перерастающие порой в катастрофы, только из-за того, что кто-то вовремя не выслушал внимательно, не принял близко к сердцу чужого горя.

Своя, хоть и маленькая беда, человека всегда очень волнует. Элементарно: зуб заболел и то вам уже не до мировых проблем, милей всех в эту минуту тот, кто проявит сочувствие, скажет: ладно, беги в поликлинику, без тебя тут управимся.

А если боль саднит в самом сердце? Тут уж сколько ни толкуй про необходимость повышать производительность труда, все будет валиться из рук. Куда за помощью? К начальнику. Может, это и не обязательно — вникать Крюкову во всякое дело, у него много помощников. Но директор никого не обходит вниманием. А там уж решает, по чьему «ведомству» помощь.

Если добросовестно повспоминать, каждый из нас когда-нибудь волновался в большой или маленькой приемной, думал: захотят ли там, за дверью, понять, как важен этот разговор для тебя, извинят ли за сбивчивость объяснений, поймут ли твою надежду. Приложите все это к себе, и тогда понятней станет, почему я так настойчиво обращаю внимание именно на это качество руководителя совхоза «Светлый путь».

Не каждый, с кем я говорила о Крюкове, мог обязательно вспомнить «свою» историю, но все утверждали: директор у них внимательный, «человечный». Хотелось уточнить, расшифровать, как они понимают «человечный». Вот несколько записей из блокнота:

М. Г. Шмакова, птичница: «Увидит, что кто-то мало зарабатывает, хотя старается не меньше других, обязательно вникнет в условия труда и оплаты, найдет причину, откуда получается разница, и устранит ее».

Р. Ф. Дергунов, управляющий отделением: «Приедет директор на отделение, все хозяйство обойдет, посмотрит и оставит тебя в хорошем настроении, несмотря на строгую критику, потому что после его посещения яснее становится, как и что надо исправлять, сделать».

Н. А. Камнев, кочегар: «Лично я просьб к директору не имею, но приятно видеть, как он помогает другим. Смотрю и думаю, что в трудную минуту и мне есть к кому обратиться».

Алла Ивановна Силина, птичница, с которой я давно знакома и поделилась своими профессиональными затруднениями (не удается найти ярких примеров красноречивых историй), сказала на это, рассердясь:

— Вечно вы, газетчики, ищете что-нибудь выдающееся. А тут, простая, обыкновенная жизнь. Уж поверь мне, бывает, что начнется с пустяка, а потом затаскают человека по месткомам да судам, только усложнят дело. Человек потом сам сто раз покается, что ввязался в историю. А у нас не так, — Алла Ивановна глянула на меня примирительно и неожиданно заключила: — Да ты посмотри, как Анатолий Михайлович смеется, плохой человек так не может. Мой совет: не гоняйся за выдающимися фактами, бери самые простые, жизненные, тогда и будешь знать правду.

Последовала ее совету: факты без выбора. Сажу в кабинете Крюкова, «засекаю» первого же посетителя. Им оказался тракторист Михаил Иванович Попов, недавно поступивший в этот совхоз.

— Как насчет семьи, Анатолий Михайлович? Перевозить пора, люди уже огороды сдоят, как бы мне с этим не опоздать. Посевную отработал, как договаривались, управляющий отпускает.

Крюков тут же распорядился выделить грузовик с прицепом. Рейс, и не ближний, — за счет совхоза. Завгару Анатолий Михайлович на лету, по телефону, прочел популярную лекцию: «Эти деньги — не на ветер. Устроится Попов капитально, будет старательней работать».

Я полюбопытствовала: почему Попов и еще два механизатора, поступившие в «Светлый путь» в одно с ним время, выбрали для себя именно этот совхоз, оставили ради него насиженные места? Ответ оказался (права Алла Силина!) совсем простым. Дошли до них слухи, что здешний директор человек душевный, и тому же тут если поработаешь, то и получишь соответственно. И потом еще из-за детей переехали — в Первомайском школа хорошая, «как городская».

Оставив в стороне, казалось бы, решающий довод — заработки — остановимся на житейском, на том, что мы называем заботой о людях. Слов нет, помочь одному, другому важно, но еще — не штука. А вот для того, чтобы удобно было тысячному коллективу, руководителю должен быть не просто добрым человеком, но и умелым хозяйственником.

Школа в Первомайском и в самом деле хороша. Трехэтажная, с кабинетами, с картинной галереей, расположенной по коридорам двух этажей, с удобной столовой. Завуч З. Я. Соловьева говорит:

— Администрация совхоза не скупится на помощь. Вот и сейчас дает деньги на магнитофоны, киноаппарат и прочие технические средства обучения.

В бухгалтерской графе «прибыль» школа, естественно, не фигурирует. И уж совсем никаких доходов в совхозную кассу не приносит зубопротезный кабинет, который совхоз недавно оборудовал на свои средства. Жилой фонд только увеличивает основные средства предприятия. Но «Светлый путь» строит и строит жилье. Потому что мало сочувственно выслушать просьбу о квартире, надо ее удовлетворить.

Главные бухгалтера, как правило, скуповаты на всякие «посторонние» расходы. Но Михаил Федорович Сергеев твердой рукой подписывает чеки. Ибо у рентабельного совхоза и фонд предприятия не

маленький. Во-вторых, Михаил Федорович, как и директор, если не на бумаге, то в уме прикидывает доход с «мероприятий моральных».

Профсоюзный комитет с легкой душой соглашается: премировать выпускников вечерней школы трактористов Н. Пашкова, бульдозериста Г. Голубинского, шофера А. Козлова и скотника Ю. Калина. Вроде бы не за что, просто, не переставая хорошо работать, люди несколько лет учились вечерами и вот теперь получили аттестат. Получили четверо, а коллектив счел это своим общим праздником.

О вознаграждении за сверхплановую продукцию и другие виды дополнительной оплаты речи здесь не будет, они — из области материального стимулирования. Мы же сейчас — лишь про моральные факторы. Ведь они тоже нуждаются в исследовании.

Простое, кажется, дело — улыбка. Но Алла Ивановна не случайно обронила фразу про манеру Крюкова смеяться. В самом деле, так «несолидно», по-детски заливисто, как Анатолий Михайлович, может смеяться лишь незлобивый, открытый человек. Каждый в его обществе сразу почувствует себя свободно. И слушать Крюков умеет как-то особенно располагающе — не перебивая, заинтересованно глядя на собеседника. И нет у него отвратительной барской привычки называть на «ты» людей, не состоящих с ним в приятельских отношениях, а следовательно, и не имеющих оснований, в свою очередь, обращаться к нему так же. Демократизм у Крюкова чистосортный. И доброта умная.

Многих в совхозе возмущают жалобы, которые регулярно посылал во все инстанции один пожилой человек из Первомайского. Директору тоже не очень приятно каждый раз объясняться, опровергать напраслину. Однако Анатолий Михайлович не только не мстил автору встречными разоблачениями, но и распорядился выделить ему участок земли, чтобы тот занял досуг полезным делом — проводил агрономические опыты.

Чтобы этот факт не сместил у читателя понятий о доброте, не сделал характер Крюкова односторонним, напомним о той же Н. Г. Щербине, которую у Анатолия Михайловича не дрогнула рука наказать. В свое время такой же суммой, как и Нина Григорьевна, поплатился за халатность, недогляд управляющий отделением Д. К. Кожин. Есть в совхозе и другие, чувствительно для кармана и сердца наказанные. Но так же, как Щербина и Кожин, они не затаили обиды, потому что вина их была доказанной, а ущерб, нанесенный производству, точно подсчитан. Чтобы платить премии и строить дома, надо блюсти экономические интересы хозяйства.

Наверное, в новых разработках в области производственных отношений не будут обойдены вниманием такие качества руководителя коллектива, как доброжелательность, умение слушать подчиненных, в определенном тоне давать распоряжения. Материалом для исследований может послужить опыт таких директоров как Крюков.

Ну, в самом деле, зачем Анатолию Михайловичу кричать, «давать разгон», если он разбирается в каждой отрасли производства, умеет квалифицированно посоветовать и убедительно наказать, оставив при

этом человека, как сказал управляющий Дергунов, «в хорошем настроении».

То, что ставится здесь в заслугу директору «Светлого пути» — не просто черты его характера. Это сознательно избранный стиль руководства. Я спросила как-то Анатолия Михайловича, не тяготят ли его жалобы и просьбы, ведь дня без них не обходится. Крюков изложил очень даже реалистичный взгляд на это:

— Видите ли, оттолкнуть человека — значит нанести ущерб не только ему. Мы очень правильно восстановили законную роль экономических методов управления хозяйством. Но и при них нельзя считать только ту копейку, которую можно положить на счетах.

Если хотите точных формулировок — пожалуйста. Моральный дух коллектива также движет производством. От настроения людей зависит степень их работоспособности. — И Анатолий Михайлович улыбнулся своей располагающей улыбкой. — По себе знаю.

Теория Крюкова проверена им на практике. Доброе обхождение с людьми сказывалось даже в те времена, когда кошелек совхоза был тощеват и условий тех, что сейчас, не было. Первые два здания нынешней птицефабрики, куда сейчас валом валят делегации других хозяйств и районов, закладывались, в основном, на энтузиазме — не было ни строительной техники, ни современных материалов. Директор с зоотехником отмеривали в березовом лесочке расстояния шагами и показывали: начинать вот здесь и здесь.

Строительный участок солидного треста, механизмы — все это было уже потом. А сначала рабочие просто поверили директору: этот пустого дела не затеет. Раз он сказал, значит, птицефабрика, если всем постараться, будет. Как говорит механик Андрей Власов: «Уж коли Анатолий Михайлович сам загорится идеей, то так тебя уговорит, что не хочешь, а сделаешь».

Теперь птичницы «Светлого пути» получают в год по миллиону штук яиц, а передовые и больше. Девушки возвращаются из города в свое село — чем здесь не современное предприятие: отработала семь часов, приняла душ и гуляй себе на здоровье!

И в этом году теория Крюкова оправдала себя полностью. Можно бы даже составить своеобразную схему. В один ряд поставить все организационные усилия администрации и директорскую систему работы с людьми, а с другой, как следствие, — нынешние хозяйственные успехи совхоза. Вывод получился бы внушительным. «Светлый путь» перевыполнил план продажи зерна государству. Рассчитался и продуктами животноводства. И опять заработал большой фонд предприятия для поощрений рабочих и культурно-бытового строительства.

Уж куда, кажется, больше почета человеку: Крюков был делегатом XXIII съезда партии, получил звание Героя Социалистического Труда, избран депутатом Верховного Совета СССР. А как был Анатолий Михайлович скромным, общительным, доступным любому рабочему, так и остался. Только что труднее ему стало: то забота об одном совхозе, а теперь — о целом избирательном округе.

НА КОНКУРС «МУРЗИЛКИ»

Рассказ

День здоровья — это хорошо придумано. Главное, в школу не ходить. Занимайся, чем хочешь, на здоровье. Спи себе до десяти часов, никто слова не скажет. А не хочешь спать — лежи так в постели. Листай, что под руку попадет: «Веселые картинки» или даже «Мурзилку»...

Из кухни доносится такой запах, будто там именинный торт печется. Это мама пончики стряпает. И какао варит. Мастерница мама всякие вкусные штуки готовить.

Звонок у двери заставляет Валу вскочить.

— Мама, открой! Это Вадик Чудненко. Хотя постой, я оденусь.

Он торопливо влезает в штаны, натягивает рубашку, возится с носками. Вадик такой: скажет, неужели до десяти в кровати валяешься?

— Все! Давай!

«Давай» он произносит как папа, почти баритоном. Папа у него богатырь и шофер. Да не простой шофер. Над всеми шоферами шофер — автобазой командует.

— Здоров! — коротко, тоже как отец, бросает Валя Вадика и жмет руку. — Идем, кое-чего покажу.

Вадик не успел поздороваться с Валиной мамой, только снова удивился, как ужасно она похожа на Валу: круглолицая, полная, смугло-румяная, с чуть хитроватыми глазами и пухлыми губами.

— Мам, пончиков дашь?

— У меня сегодня пирожки.

— С чем?

— С яблоками, сынок.

— Ну, давай с яблоками. Сюда, в мою комнату.

Вадик немножко завидует Вале, его самостоятельности и непринужденному тону. Бабушка показала бы — «давай сюда»!.. Лекцию бы закатила поучительную, а то и посуду вымыть заставила.

— Вот, читай, — Валя ткнул пальцем в раскрытый журнал.

— «Мурзилка»? У нас ее только Галинка читает. А Женька Рузина, соседка, так та «Пионер» выписывает.

— Подумаешь!.. Мы — журнал мод и «Здоровье», а папа еще и «За рулем». Ты прочитай вот про конкурс!

Вадик прочитал. Конечно, Валька Гребнев имеет кое-какие недостатки, однако, в общем-то, он совсем не плохой парень. Вишь, даже в «Мурзилке» открытие сделал. «Мурзилка» — это, конечно, не для них. Ну кто, серьезный человек, будет читать этот дошколяцкий журнал? И название какое-то детское: мурзилка. А насчет конкурса — интересно придумал Валька.

— Ну и что? — Вадик как будто не понял, в чем дело.

— Запросто можно первое место занять.

— Ты — первое, а я...

— Поделим первое и второе!

Находчивый парень, этот Валька. С виду немного увальень, а сообразительный.

Пирожки с яблоками прямо во рту таяли. Ел бы и ел. Вадик глотал пирожки с горячим какао, хотя только что позавтракал дома. Валина мама принесла добавку.

— Смотри, — засмеялся Валя, листая журнал, — мазня. «Демонстрация» называется. Рисовала Иванова Ира, восемь лет.

В «Мурзилке» были напечатаны рисунки, которые красивыми никак не назовешь. Лица у людей круглые, как солнце, руки худые, как палки с сучками — пальцами. Дома — будто скворечницы, только с трубами, и из каждой — дым лохматыми кольцами.

Валя наступал:

— Ну как, согласен? Тут написано, что в прошлом году несколько рисунков в Индию отправили. А там одному мальчишке золотую медаль дали. В Индии золото дешевле железа.

— И что золото дешевле — написано?

— Это я сам знаю, как дважды два.

Прикончив пирожки, они тут же принялись за дело. Валя нарисовал «Волгу» вишневого цвета и подписал: «Мечта». Мама и папа не раз говорили именно о такой машине. Вадик изобразил серебристый «ТУ-104» в полете. Чувствовалось, как самолет своими скошенными назад крыльями рассекает тугой воздух. Теперь только подпись... Но ничего подходящего в голову не приходило. «Потом придумаю, — решил он. — С Женей посоветуюсь. Или ей пока ничего не говорить?»

Понятно, с такими рисунками не стыдно и на конкурс. С первого раза все здорово получилось. А, может, лучше не «ТУ-104»? Может, лучше военный истребитель, который скорее звука летает?..

Тем временем Валя вытащил из ящика стола красочные каталоги легковых машин — папа привез их из Москвы, с американской выставки.

Через час были готовы два новых рисунка с подписями у Вали — «Шевроле», у Вадика — «Ястребок». Прямо-таки блестящие рисунки. Где там Ивановой Ире!

— Знаешь, Вадик, я нарисую штук десять, потом выберу самый красивый и пошлю. А ты?

— У меня столько не получится. Я не хочу заграничные рисовать. Я лучше наши.

— Какая разница? Главное, чтобы красиво вышло... А ты куда?

— Домой. Бабушка сказала: к обеду явись.

— Тоже командирша выискалась... Свободы людям нет, — ворчал Валя, надувая щеки. — У мамы еще пирожки остались. А?

— Нет, — Вадик завернул рисунки в газету и попрощался.

Галинка уже сидела на кухне перед тарелкой супа и исподтишка кидала жирные кусочки мяса кошке Музе. Вадик поспешно сел за стол.

— Руки! — сказала бабушка.

Галинка фыркнула. Вадик слегка погрозил ей, указывая глазами на кошку.

— Полпорции, — попросил он.

— Почему? — спросила бабушка.

— Я пирожки у Гребневых ел.

— С чем? — заинтересовалась Галинка.

— С грибами, — поддразнил Вадик. — Вкусно-превкусно!

— Не врешь?

— А ну, полно вам! — сказала бабушка. — Ешьте и помалкивайте. Кто за столом — тот и на работе...

— Кто ложкой — тот и топором! — подхватила Галя бабушкину поговорку и кинула кошке жирный кусочек.

«Хитрит и подлизывается», — подумал Вадик, но разоблачать сестренку не стал. Он принялся за еду. В конце концов, картофельный суп с лапшой и поджаренным луком — тоже вещь. «Полпорции» он сказал по привычке, а бабушка по привычке налила полную тарелку.

После обеда бабушка уложила Галинку в кровать, пыталась уложить и Вадика, но он отказался, твердо и непреклонно. «Сегодня — день здоровья», — твердил он, и этими словами сбил бабушку с толку. Разыскал «Мурзилку», перечитал все о конкурсе. Блестящая все-таки мысль пришла в голову Вальке Гребневу... А если попытаться изобразить океанский пароход?

— Вадик, а Вадик, ты любишь рисовать, да? Я тоже. С самого детства. Вот, посмотри. — Галя достала из-под подушки тетрадку. — Ну, посмотри же, Вадечка. Это рассказ из рисунков.

— Про тебя и про маму?

— Угу. Вот мы с мамой идем по улице. Вот мы с мамой пришли в магазин и купили — угадай что? Куклу! С завитыми волосами купили. В передничке. Вот я показываю куклу Верочке Рузиной и даю подержать...

— Спи!

Галинка еще что-то лепечет, потом замолкает. Океанский пароход. Военный крейсер. Подводная лодка... Весь остаток дня здоровья Вадик провел с цветными карандашами и акварельными красками.

Назавтра в школе они с Валькой, как заговорщики, обсуждали новые работы. Открытые лимузины цвета морской волны и слоновой кости были хороши, атомные подводные лодки — не хуже. Вадик и Валя поперебой хвалили друг друга. Творческое настроение немножко сбивла учительница Нина Михайловна. Когда кончился последний урок, она сказала, что в классе надо иметь свою стенгазету. Нина Михайловна предложила поручить редактирование газеты Саше Желтовской, а художественное оформление — Чудненко и Гребневу. Сашенька зарделась от смущения или от удовольствия и сказала, что она не справится. Нина Михайловна успокоила ее, мол, все ребята будут помогать.

Желтовскую, отличницу, аккуратистку, почему-то все звали Сашенькой. Наверное, за тонкий голос и пышный розовый бант в светлых волосах.

— Мы заняты, — за двоих ответил Валя Гребнев. — Нет у нас времени стенгазету делать.

— Чем же вы так заняты?

— Одним делом... В общем... изобретаем одну штуку, — соврал Валька.

— Изобретают вечный двигатель, — хихикнул кто-то из девочек сзади.

Вадик молчал. Ему было стыдно, но он не произнес ни слова. Он понимал, что Валька наврал, чтобы выкрутиться, и все-таки на душе скребли кошки.

По пути домой Валька говорил:

— Чур, Вадик, все держать в секрете. Узнают — и другие полезут. И потом интереснее, если сюрприз. Представляешь, придет телеграмма Валентину Гребневу и Вадиму Чудненко... Из Москвы! «Поздравляем победителей конкурса»... Пусть кое-кто лопнет от зависти. Нина Михайловна тогда тоже поймет. А то стенгазету рисовать... Один заголовок несколько дней возьмет.

Вадик и тут молчал.

Домой к Гребневым он больше не ходил. И гулял мало. С пароходов и подводных лодок он перекинулся на ракеты, потом на спутников. Ведь надо было нарисовать что-то необычное, чтобы победить. Сомнения толкали его посоветоваться с Женей, но это означало выдать тайну. И вообще не известно, что взбредет ей в голову сказать о рисунках, хотя сама она умеет малевать лишь цветочки, одинаково похожие на васильки и на георгины.

Браня себя за малодушие, Вадик все-таки показал свои яркие картинки Жене Рузиной.

— Недурно, — определила она. — Хотя неоригинально.

Вот так! Сказала «неоригинально», посмотрела покровительственно и отошла. Характер у Женьки невыносимый. Все-го-то на год старше, а сыплет с умным видом всякие ученые словечки.

— А ты умеешь — «оригинально»? — в запальчивости спросил Вадик.

— Мне уметь ни к чему. Я художницей быть не собираюсь. А вот что вкус у меня побольше твоего развит, это факт. Мама говорит, есть, например, поэты и есть критики. Критики стихов не пишут, а сказать хорошо или плохо могут еще лучше поэтов.

— Ты критик?

— Не перевирай. Я так не сказала. Я сказала: есть критики...

В этот день он не рисовал. Ушел на улицу, слонялся без дела. Накрапывал нудный сентябрьский дождь. В лужах плавали желтые листья. Люди прятали серые равнодушные лица под зонтиками. Жизнь у людей не сладкая: наверное, не умеют создать что-нибудь оригинальное.

Темнело, когда он возвращался домой. Мокрый, хмурый. Дверь открыл отец.

— Папа, только тихо. Я промочил ноги. Бабушка услышит...

Папа пощадил его. Папа умеет быть великодушным. А за рисунки не пощадил: Вадик в расстройстве оставил их на столе.

— Ты зачем, сын, их гору наворочал? И такие однообразные, такие книжные. Никогда не рисуй того, что не видел сам.

Слова прозвучали, как жестокий приговор. Значит, Женька в самом деле критик. Хорошо хоть, что он ни словом о конкурсе не обмолвился. Что же теперь будет? Взяться стенгазету рисовать?

Нет, было уже поздно. Утром, придя в класс, он увидел стенгазету, окруженную толпой. Ребята разглядывали карикатуру, гоготали, толкались, спорили — похожи или не похожи. Вадик подошел, глянул, увидел, что не похожи, а сердце сжалось. «Изобретатели вечного вранья», — гласила броская разноцветная надпись. Карикатура занимала добрую половину газеты. Непохоже и неостроумно, а неприятно.

— Это не я, — сказала Сашенька Желтовская своим писклявым голоском и по обыкновению покраснела. — Ребята сами сделали и вывесили.

Не она... Как будто от этого легче!

— Хм, они нас воспитывают, — сказал Валька Гребнев, на которого карикатура не произвела заметного действия. — Еще посмотрим, кто кого воспитает!

Вошла Нина Михайловна. Похоже было или нет, но она сразу все поняла. Постояла возле газеты словно бы в нерешительности. Вадик следил за учительницей исподлобья. Вот сейчас засмеется...

— Ребята, подпись, по-моему, несправедливая, — проговорила Нина Михайловна. — Каждый может изобретать. Вадик и Валя что-то утаивают? Их право. Зачем же их подозревать во лжи?

— Мы сначала хотели написать: изобретатели вечного двигателя, — сказал один мальчик. — Потом переправили: «вранья». Если надо, опять напишем «двигателя».

— Снять надо газету, — выкрикнул Валька Гребнев.

Хорошо, ребятки, — сказала Нина Михайловна. — Пока газету снимем. Название карикатуры изменим, чтобы оно было вполне справедливым. Согласны?..

Разговор между приятелями после школы был не из приятных. Оказывается, Валя показывал рисунки отцу и тот усмехнулся: на машинах, друг, ты никого не проведешь. Уж лучше зверушек всяких изобразить.

Вадик тоже рассказал о замечаниях своего папы. Правда, об обидных суждениях «критика» Жени Рузиной умолчал.

Настроение у обоих было неважное. Уступить медаль, возможно, золотую, какой-нибудь Ивановой Ире совсем не хотелось.

— Давай, Вадик, зверушек. Я уже начал. Хочешь, принесу вечером?..

Звери так звери. Только какие?.. Вадик плохо ел за обедом. Бабушка сердилась и беспокоилась. Она заглянула в лицо, тронула лоб:

— Что у тебя болит?

«Сердце болит», — хотелось ему ответить, как говорят взрослые, как любит жаловаться бабушка, когда ей грустно.

Неужели поддаваться первой неудаче? Вадик решительно взял цветные карандаши. Нарисовал кошку Музу, черную, в белых пятнах. Потом нарисовал соседскую рыжую лохматую собачонку Ньюнку. Отложил бумагу. Тоже мне звери...

— Это наша Муза? А это Ньюнка? — недоверчиво спросила Галя. — Вадик, а я что нарисовала, посмотри. Вот мы с мамой идем на базар. Вот мы купили, угадай что? Виноград! Вот я даю попробовать Верочке Рузиной...

— Да отстань ты!

Вечером Валька принес десяток листов. И Женя Рузина тут как тут. Валька рисунки за спину, а Женя ждет. Нюх у нее на секреты особый.

— Ну, ладно, пусть, — сказал Валька, которому, должно быть, не терпелось показать свою работу.

У него звери были настоящие: поджарый, видно, что голодный, волк, лось с ветвистыми рогами, суслик с пшеничным колоском.

— Ребята, вы что задумали? — спросила Женя. — Самолеты, пароходы, суслики... Что, а?

Когда у Вальки очередь дошла до верблюда, Женя заинтересовалась:

— Где ты их всех видел?

— На даче, под Москвой. Мы туда почти каждое лето выезжали.

— И верблюда — под Москвой?

— Под Москвой что хочешь есть. Как дважды два.

Дальше шли зебра и жираф. Женька уже собралась съехидничать насчет дачи, но Валька ее опередил:

— А этих в зоопарке видел. Я в зоопарк чуть не каждый день ходил.

Подошла Галя, потребовала, чтобы и ей дали посмотреть.

— Ты сам? Красиво, — похвалила она Вальку. — Нарисуй нашу Музу. А то Вадик не умеет. У нашей Музочки одни только ушки острые. Вся она мягкая, ласковая, на лапках подушечки. А Вадик ее как тигру...

— Как тигра, — поправил Вадик сумрачно и строго.

— У Нюньки уши, наоборот, как лопушки, — продолжала Галя.

— Уши.

— Как лопушки у нее уши, — упрямо повторила Галя. — Она тоже ласковая, любит сахар, конфеты, сама фантики разворачивает. А Вадик и ее зубастой тигрой нарисовал.

— Вадик, она права, — авторитетно сказала Женя, посмотрев как-то по-особому, склонив голову и прищутив глаз, на портреты кошки и собаки.

— Все вы правы, — озлился Вадик. — Критики!..

Женя пустилась в рассуждения о том, что маленькие дети иногда лучше больших разбираются в рисунках, что у них это от природы, но внезапно осеклась, поняла, что язык завел ее слишком далеко. Мальчики смотрели враждебно, а ей надо было вызнаться...

— Ребятки, — завела она сладким голосом, будто пастилу бело-розовую предлагала, — вы задумали выставку рисунков в классе, да?

— Очень нужно! — усмехнулся Валька.

— В подарок учительнице к дню рождения? Альбом для пионерской комнаты? — гадала раззадоренная Женя.

Мальчики не отвечали. Вадик хмурился, а Валька сохранял непроницаемо таинственный вид. Так ничего и не добившись, Женя вдруг заметила на обороте одного из Валькиных рисунков мелкую надпись. «О!» — воскликнула она, зажала рот рукой и тотчас, длинноногая, убежала.

Валя рисунки послал, а Вадик не решился. Он был недоволен собой. Он все искал свою тему.

Однажды длинный, костистый бухгалтер автобазы Осипыч, сосед Гребневых по площадке, взял Валя и Вадика с собой в сад. Там, кроме черноплодной рябины и облепихи, ничего уже не было. Зато Вадику на неделю хватило впечатлений. Он переключился на пейзажи. Изображал сирень у домика, уголки сада, кусты черноплодной рябины с ягодами. Когда получалось особенно непохоже, сующая всюду свой нос Женя фыркала:

— Абстрактно! Мама говорит, художников за это критикуют.

Потом он взялся за натюрморты. Папа подсказал. Бабушка ворчала, потому что Вадик терся на кухне, тащил на стол кочаны капусты, репу, свеклу, выпрашивал яблоки, раскладывал все это в особом порядке, примерялся с той и другой стороны... Да, он старался, но прилетала Женя, у которой хитро блестели глаза, и заявляла:

— Абстрактно!

Тем временем срок посылки рисунков на конкурс прошел. Вадик погоревал втихомолку, но все же ему сразу стало легче жить. Выпал первый мокрый снег. Вадик не кинулся его рисовать, а побежал играть в снежки. Он ходил с папой в краеведческий музей, с классом — в ТЮЗ, с бабушкой — в овощной магазин. Рисовал он теперь не для конкурса, а для собственного удовольствия.

Однажды в воскресенье Вадик был у Гребневых. Они с Валькой собрались пойти в кино. На детском сеансе шла совсем взрослая и здорово интересная картина «Два капитана». Гребневы праздновали какое-то событие. И праздновали почему-то с утра. Гостей было человек десять. Из знакомых Вадику — только один бухгалтер Осипыч. Ребятам в заднюю комнату подали пирожные и лимонад. Бисквитные пирожные с кремом Валя забраковал и потребовал эклеры. Вадик спросил, что у них за праздник. Валя сказал:

— Обыкновенный сабантуй. — И добавил: — Это что-о! Вот в Москве у нас были сабантуи — по тридцать штук сразу приходило.

— А почему вы — из Москвы к нам?

— Люди... — совсем по-взрослому сказал Валя. — На папу, знаешь, капнули. Будто машины давал налево.

— Куда?

— Налево.

— А направо? — засмеялся Вадик.

— Разница! — значительно произнес Валя отцовским баритоном.

Валина мама, нарядная, как принцесса из мультфильма, не вошла, а вбежала.

— Валя, тебе пакет.

— Из «Мурзилки»! — определил Валя. Он пощупал большой конверт. — Медали тут нет. Грамота, наверное. Сперва бывает грамота, а потом медаль. Медали в коробочках дают. Как дважды два.

Пока Валя возился с конвертом, мама позвала папу. Вадик видел Валиного папу редко и всегда поражался его огромным размерам.

Из конверта посыпались... звери! Лось, волк, зебра, жираф и суслик. Коротенькое письмо, отпечатанное на машинке, первым взял могучий Валин папа. Пробежал его глазами и громко захохотал:

— Здорово они тебя! Хитрить, друг, надо с умом!

Он бросил письмо на стол и ушел к гостям.

В письме просто-напросто указывались книжки, из которых Валька при помощи копировальной бумаги перевел своих зверей. А в конце стояло: «Больше так никогда не делай, потому что это плагиат».

В кино они не пошли — у Вали не стало настроения. Чтобы хоть как-то развлечь приятеля, Вадик потащил его к себе.

— Вадечка, прочитай письмо, — встретила ребят на пороге Галинка. — Мне пришло письмо, видишь? А у бабушки очки затерялись.

Откуда ни возьмись — Женя Рузина прискакала.

— Дайте, я прочитаю.

Вот уж любит сунуть нос в чужие дела...

— «Дорогая Галя, — читала Женя с хитроватой ухмылочкой на лице. — Твои рассказы-рисунки в редакции «Мур-

зилки» понравились. Особенно тот, где ты покупаешь вкусный виноград. Если хорошо нарисуешь, присылай еще. Скажи маме, чтобы она тебе «Мурзилку» на следующий год не выписывала. Мы будем тебе высылать ее бесплатно, в подарок, за хорошие рисунки... Дальше тут подпись стоит — вот смотрите.

Женька сияла так, будто не Галинку, а ее лично похвалили. Да, подстроила Женька сюрприз!

— Ну, а как ваши истребители, верблюды и суслики? — больше не тая ехидства, спросила она.

— Мы не посылали, — соврал Валька. — Подумаешь, подписка на «Мурзилку»! Тоже мне радость...

Они ушли на улицу. Не оставаться же дома с торжествующей Женькой, с радостной, хлопающей в ладоши Галинкой.

— Давай следующий номер стенгазеты возьмемся рисовать, а? — предложил Вадик.

Валька поморщился и согласился. Потом он снова поморщился и притих.

— Вадик, давай сегодня допоздна гулять, а? — сказал он после долгого молчания. — Не люблю сабантуев... Слушай, а ты не знаешь, что такое плагиат?

— Надо спросить у Жени Рузиной, — поколебавшись, ответил Вадик.

Василий НЕЧУНАЕВ

МУЖЕСТВО

Если я заболею...
(Яр. Смеляков)

Если мне занедужится,
холод нахлынет в грудь,
то позову я мужество:
Мужество, доктором будь!
Жена ли ужалит ложью,
Верный ли друг предаст,
руку свою надежную
Мужество мне подаст.
Встанет беда на пороге —
надо нести беду.
На самой тяжкой дороге
с Мужеством не упаду.
...Что ж так душе неможется,
руки лежат без огня?

Мужество, Мужество,
Мужество,
не покидай меня!

ДЕВОЧКА ДИНА

Девочка Дина вышла из бора...
Вечер. Земля зарева ярка.
Смотрит —
а с неба по косогуру
красной дорогой спустился закат.
По красной дороге поднимется Дина,
звезд на краешке неба нарвет
и дома,
всему поселку на диво,

звездное платье себе сошьет.
...Погасла дорога. А Дину туманит
звезда налитая
и манит: «Иди!»
Словно кузнечик, когда поймают,
бьется сердце у Дины в груди.

О ЖЕРЕЛЬЕ

— Подари ожерелье, хочу ожерелье.
— Хорошо, подарю. Что ты смотришь, грустя?
Разве я не богат? И не ты ли мое озаренье?
Ожерелье, — да это ведь сущий пустяк!
И не надо рублей.
И не ехать за синие горы,
в тридевятое царство за тысячу верст.
Я придумаю сказку,
чтобы в ней величаво и гордо
ты плыла, как земля,
в ожерелье из радостных звезд!
И пускай из фантазий!
Оно не дешевле
дорогих ожерелий из мертвых камней.
Хочешь,
я поцелуями обовью твою шею,
и они ожерельем
лягут на ней?
Ожерелье мое — это все, что во мне не сгорело,
это все, что в себе я так долго копил.
Ну, чего ты молчишь?
Если хочешь, возьми ожерелье.
Ни в каком магазине такого бы я не купил.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЛТАЯ

Кто занимался географией Сибири, тому не раз приходилось встречаться с фамилией П. И. Шангина. К. Риттер в третьем томе своего большого труда «Землеведение Азии» (1860 г.) цитирует этого натуралиста во многих местах. Он свидетельствует, что вся гидрографическая сеть карты Колывано-Воскресенского горного округа, изданная в 1816 году русским генеральным штабом на 12 листах, в масштабе 14 верст в одном дюйме, нанесена со съемок П. И. Шангина.

Работами П. И. Шангина интересовался видный русский ученый академик П. Паллас. Он неоднократно ссылался на результаты исследований П. И. Шангина, помещал в своих трудах обширные выдержки из его дневников.

О жизни Петра Ивановича Шангина известно очень мало. Из разрозненных архивных документов мы узнаем, что родился он в 1741 году. В юношеском возрасте поступил лекарским учеником на Барнаульский серебряноплавильный завод, где некоторое время помогал своему старшему брату лекарю Семену Шангину. Вскоре способный ученик был отправлен в Москву для дальнейшего обучения медицине. Он учился сначала в гимназии, а после окончания ее поступил в московское медицинское училище, где 7 июля 1768 года получил звание подлекаря. Там он, как сам пишет в своем послужном списке, обучался «латинскому и немецкому языкам, химии, физике, натуральной истории: как-то, минералогии, ботанике, зоологии, равномерно и медицине во всех частях»¹.

После окончания училища П. И. Шангин был оставлен работать в Московском госпитале. Проработав в нем с 1768 по 1770 год, сначала в должности подлекаря, а затем в должности лекаря, и получив солидную практику, он снова возвратился в барнаульский госпиталь.

Неисследованная природа Алтая влекла П. И. Шангина в горы. Его интересовали несметные богатства алтайских недр. К этому вре-

¹ АКГА, ф. 1, оп. 7, дело 114.

мени относятся многочисленные его путешествия в различные места Горного Алтая.

23 января 1786 года он совсем оставил медицинскую практику и стал усиленно заниматься горным делом. В том же году в истории горного дела Алтая произошли интересные события. Саймонов — член кабинета горнопромышленных владений Екатерины II — приказал начальнику Колывано-Воскресенских заводов Качке послать в алтайские горы восемь поисковых партий. Начальником одной такой партии был назначен П. И. Шангин. В задачу экспедиции входило описание рек, а также открытие месторождений руд и красивых цветных камней — агатов, халцедонов, яшм, порфиров для строившейся на реке Алее шлифовальной мельницы (фабрики) при Локтевском сереброплавильном заводе.

Вместе со своим сыном Иваном Шангиным — будущим исследователем Казахстана, Алтая и Салаира — Петр Иванович во главе небольшого отряда, собранного из проводников, рудокопов и конвойных солдат на Змеиногорском руднике и Барнаульском заводе, направился в деревню Харлово на Чарыше. Оттуда отряд 3 мая выступил в путь вверх по Чарышу. Через четыре дня экспедиция прибыла в Тигирекский форпост, входивший в состав «казацкой линии» — так назывался в то время ряд населенных пунктов, принудительно заселенных при Екатерине II. В обязанность форпостов входила охрана рудников и заводов от разбойничьих набегов кочевников.

От Тигирекского форпоста начиналась почти не исследованная область Горного Алтая. Для изучения тех мест горное начальство Колывано-Воскресенских заводов не раз посылало своих рудознатцев и даже целые экспедиции. Так, в 1761 году была послана большая экспедиция под командованием Петрова. Среди участников ее находились барнаульский штаб-лекарь Кизинг, большой любитель ботаники, и хороший знаток горного дела Д. Головин. В 1767 году по следам Петрова следовал Э. Лаксман, известный натуралист. Он жил и работал некоторое время в Барнауле и Змеиногорске, занимался сбором минералогических и геологических коллекций. Путешественник П. Паллас довольствовался только осмотром селений новой пограничной линии, пересек реки Белую при Белорецком, Тигирек при Тигирекском и Тулату при Тулатинском форпостах. На этом же месте закончил свои исследования в 1781 году минералог Патрен. Все сведения о природе Алтая к югу от Тигирекского форпоста русское правительство получало лишь от охотников, которые проникали далеко в глубь гор. Давали географические сведения о тех местах и коренные жители гор — алтайцы. По этим отрывочным сведениям были составлены и первые примитивные географические карты, которыми пользовалась экспедиция П. И. Шангина.

Обследовав верховья Ини и ее притоки, смелый исследователь двинулся к верховьям Чарыша. Все путешествие П. И. Шангина проходило в исключительно трудных условиях горной местности. Существенным препятствием для передвижения в высокогорной зоне было и

раннее время года — май. Снежные метели и обильные снегопады нередко задерживали продвижение и срывали намеченный план работы. По этим причинам экспедиция не смогла подняться к истокам реки Кан и обследовала ее нижнее течение всего на 30 километров.

П. И. Шангин первый описал и нанес на карту левые притоки Чарыша — Сентелек и Коргон, от устья до истоков. Он открыл Талицу и дал ее описание со всеми притоками. Реку Коргон (приток Чарыша) он считал самой быстрой рекой Алтая. Путешествие к ее истокам было связано с большими трудностями. Тем не менее, грозное ущелье, по дну которого бешено мчит свои воды Коргон, описано исследователем со всеми подробностями.

В Коргонском ущелье П. И. Шангиным было открыто знаменитое месторождение темно-фиолетовых, красных и кофейных порфиров, древовидных и копейчатых яшм. Позднее Коргонское месторождение цветных камней стало основным поставщиком сырья для Локтевской, а затем и для Кольванской шлифовальной фабрики, построенной Ф. Стрижковским в 1802 году в селе Кольвань, недалеко от красивого Кольванского озера. Из камней Коргонской каменоломни Кольванская шлифовальная фабрика на протяжении многих десятилетий готовила свои непревзойденные художественные изделия — вазы, колонны, пьедесталы, торшеры и другие изделия.

Перебравшись в устье Талицы через Чарыш, быстрое течение которого в этом месте очень затруднило переправу, экспедиция направилась к устью Кумира (Хаир-Кумин). Неутомимый Шангин исследовал этот приток Чарыша до самых верховий, не раз при этом побывал в альпийской зоне Коргонского хребта. Им были обследованы и верховья Чарыша. Через труднопроходимые тропы, известные лишь охотникам да мастеровым и приписным крестьянам Кольвано-Воскресенских заводов, бежавшим от изнурительного труда на малоизвестную в то время Бухтарму в поисках сказочного «Беловодья», П. И. Шангин вышел в долину левого притока Катуня — многоводной Коксы. По реке Коксе он спустился к Катуня и достиг устья Аргута, правого притока Катуня. До него в этих местах не ступала нога исследователя. Таким образом, П. И. Шангин первый из путешественников достиг северных склонов могучего Катунского хребта и любовался блеском снежных вершин Белухи.

Дальнейшее продвижение экспедиции в глубь гор пришлось прекратить. В горах чувствовалось приближение осени. В верхней долине Катуня шли бесконечные дожди, а окрестные горы начали одеваться снегом.

Из долины реки Коксы через снежные Холзунские белки путешественники направились в долину Бухтармы. П. И. Шангину мы обязаны описанием многих притоков многоводной Катуня.

П. Паллас перевел на немецкий язык путевые дневники П. И. Шангина и поместил их отдельной книгой в шестом томе своих трудов, относящихся к описанию Российского государства. А. Теряев в 1796 году издал их на русском языке в петербургском журнале «Новые еже-

месячные сочинения» под названием «Дневные записки г. обер-гиттенфервальтера Петра Шангина, сделанные им при описании рек Ини, Чарыша, Коксуна, Катуня, Большого Хаир-Кумина и Бухтармы со всеми впадающими в них речками». К сожалению, полностью дневник напечатан не был. Не удалось нам отыскать полный его текст и в Алтайском краевом архиве.

Из сохранившихся описей, найденных в архиве, мы видим, что во время этой экспедиции П. И. Шангиным были найдены богатые месторождения цветных камней, в том числе по реке Ине — шесть месторождений мрамора и порфира, по реке Коргон — двадцать четыре месторождения, в бассейне Хаир-Кумира (Кумир) — двадцать девять месторождений. Среди образцов яшм и порфиров этих последних месторождений, посланных в Петербург, особое внимание привлекла великолепная древовидная белая яшма и яшма цвета слоновой кости, найденная в верховьях реки. Саймонов, большой знаток и любитель красивых камней, писал Качке: «Кусочки древовидной белой вашей яшмы здесь в крайнем уважении и приятели мои просят, чтобы доставить им на табакерки плиток, о чем вас, моего милостивца, прошу. Желалось бы мне иметь две или три табакерки круглые, которые можно было бы поднести ее высочеству.»¹

П. И. Шангиным был найден также горный хрусталь на правом берегу Талицы и прекрасный наждачный камень в окрестностях деревни Харлово.

В составленных описях указываются также пути сообщения и условия вывоза камней к заводу. Из каждого вновь открытого месторождения были взяты образцы камней, а сами месторождения нанесены на рукописную карту.

На всем пройденном пути, как видно из «Дневных записок», П. И. Шангин собрал обширные коллекции горных пород и минералов, попутно делал метеорологические наблюдения, составлял гербарии всех встреченных им растений и занимался этнографическими наблюдениями над бытом алтайцев. В дневнике дается краткое описание местности и указываются места, пригодные для заселения.

Пробыв два лета в горах «за приисканием руд и цветных камней», П. И. Шангин, по приказу горного начальства, вместе с другими крупными специалистами горного дела, занимается устройством «шлифовальной мельницы» на Доктевском заводе. Завод этот предназначался для обработки цветных камней. С помощью поставленных на фабрике машин явилась возможность изготовлять на Алтае крупные художественные изделия, входящие и поныне в число лучших украшений Ленинградского Эрмитажа.

20 ноября 1787 года П. И. Шангин был назначен управляющим Салаирским рудником и Гавриловским железоделательным заводом. Живя в таежном Салаире, он много путешествует. На реке Ине и в верховьях Томи он открыл значительное месторождение каменного

¹ «Колыванская шлифовальная фабрика». Барнаул, 1903 г.

угля, а также несколько месторождений красивых яшм, порфиров, халцедонов. О своих находках он сообщил в Академию наук П. Палласу, который написал об этом интересном открытии в своих трудах. Побывал П. И. Шангин и в Коргонской каменоломне. Туда его вторично послало горное начальство для «показа работ и сдачи открытых им приисков Архипову», большому знатоку алтайских самоцветов.

В 1796 году П. И. Шангин предпринимает второе большое путешествие по Алтаю. Из составленного им рапорта от 1 августа того же года на имя начальника горных заводов мы видим, что помимо открытия месторождений цветных камней, ему поручалось обследование работ новых бухтарминских рудников в южном Алтае, а также сбор растений и семян. Вместе с ним путешествовал барнаульский лекарь Андрей Михайлович Залесов — страстный любитель ботаники, открывший на Алтае несколько новых видов растений.

Во время этого путешествия по существу был повторен маршрут 1786 года, но зато П. И. Шангин сумел побывать на тех притоках Чарыша, которые ему раньше не удалось посетить. Его спутник унтер-шлейхмейстер Иван Деревцов сделал «Подробное описание реки Чарыша и прочих в него впадающих речек». В этом описании указаны и все вновь открытые месторождения цветных камней: яшм, порфиров, мрамора.

П. И. Шангин был не только минералог, геолог и географ. Его можно по праву считать первым ботаником Алтая. В его добросовестно составленных отчетах о поездках имеется много сведений о дикорастущей флоре посещенных им мест. Сделанные им сборы хранятся в ботаническом саду Ленинграда. В его честь различные крупные ботаники называли несколько видов растений.

Собранные П. И. Шангиным семена трав, кустарников, а также живые растения им отсылались в первый в Сибири Барнаульский ботанический сад с оранжереей, существовавшей еще в 1830 году на том месте, где сейчас находится городской парк. Заведовал садом Семен Шангин. Судя по сообщениям современников, в саду была сосредоточена богатая коллекция сибирской и китайской флоры. Барнаульский сад своими семенами снабжал вновь организуемый Ботанический сад в Москве.²

В своих «Дневных записках» П. И. Шангин упоминает 225 разных растений. В них же имеется много интересных сведений о прежнем распространении некоторых промысловых животных. Так, он указывает, что в северо-западном Алтае, в бассейне Хаир-Кумина, водятся кабаны, а на берегах реки Коргон во множестве обитают речные выдры и куницы, соболь, белки, колонки и горностаи. В районе Тигирекского хребта обитают медведи, маралы и лоси, которые встречаются во множестве до самых снежных гор. Правый берег Чарыша, «крутой и гористый», служит убежищем бесчисленного множества оленей, лосей, ко-

¹ АКГА. ф. 1, оп. 7.

² АКГА. ф. 1, оп. 2, д. 313.

суль, которые... в тамошних утесах, состоящих, вероятно, местами из соленых пластов, вылизывают углубления, похожие на небольшие пещеры». В верховьях Коксы, по словам путешественника, «следы многочисленной горной дичи служат единственными путеводителями к более удобным переходам через реки и ручьи». В настоящее время такие звери, как куницы и кабаны, на Алтае отсутствуют. Они были хищнически истреблены в середине прошлого столетия. Почти исчезли и горные бараны — архары — в низовьях Аргута, где в то время, как указывает сам автор, они были многочисленны.

П. И. Шангин в своих путевых заметках дает некоторые сведения по археологии и этнографии алтайских народов. Много древних могил им отмечено в долинах рек Коргона и Кана. Они описаны им под названием чудских погребений.

В 1795 году русская Академия наук избирает П. И. Шангина своим членом-корреспондентом. Это почетное звание он носил до самой смерти (1816 г.). Живя в Барнауле, Змеиногорске, Салаире, Шангин вместе с другим видным исследователем Алтая Г. И. Спасским вел большую плодотворную работу по изучению климата Сибири. Свои метеорологические наблюдения он посылал в Академию наук.

Трудами П. И. Шангина долгое время пользовались все путешественники, посещавшие Алтай. Их прекрасно знал П. Паллас, ботаники А. Бунге и К. Ледебур, путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, видный исследователь Азии Г. Н. Потанин.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский дал прекрасную оценку исследованиям Шангина. Он писал: «Желательно, чтобы другие путешественники, слишком много приобретающие в отдельных частях света славу открытия источников больших рек земного шара, брали себе в пример неутомимые, добросовестные исследования Шангина о течении вод».¹

С 1799 года по 1816 год П. И. Шангин был самым влиятельным членом канцелярии Горного совета в Барнауле, где управлял горными и заводскими делами алтайских заводов. При его непосредственном участии рассматривались и претворялись в жизнь многие выдающиеся проекты П. К. Фролова — строителя первой в России чугунорельсовой дороги в Змеиногорске (1809 год).

До Великой Октябрьской революции жизнь и труды П. И. Шангина, как и многих других русских исследователей, были мало известны и имя его почти забыто. Теперь эта несправедливость исправлена, в частности, имя Петра Ивановича Шангина носит одна из улиц Барнаула. Однако этого мало. Следовало бы предпринять издание трудов П. И. Шангина. Ведь его «Дневные записи» в переводе А. Теряева стали большой редкостью. Их можно встретить только в фундаментальных библиотеках нашей страны. А других печатных источников о жизни и трудах П. И. Шангина мы не имеем, за исключением небольших заметок о его ботанических и зоологических изысканиях, помещенных в различных библиографических изданиях по флоре Сибири.

¹ К. Риттер. «Землеведение Азии». СПб, 1860 г.

ОДИН ИЗ ЭКИПАЖА „БРИГАНТИНЫ“

Многие читатели любят умные деревенские очерки омича Петра Ребрин, всегда написанные сердцем, всегда честные. Они увлекательны, их легко читать. А вот как они рождаются у очеркиста, как он находит свою тему, свой материал, — это знает далеко не каждый.

Вот почему я обрадовался приглашению Ребрин поехать вместе с ним в Любинский район Омской области. Там в селе с грустным названием Большемогильное живет друг Ребрин — школьный учитель литературы Иван Семенович Коровкин. Много лет переписывается он с известными писателями, собрал их автографы и рукописи, создал любопытный музей.

С доброй улыбкой поведал мне Ребрин, как знойным летним вечером к нему пришел Коровкин и напугал хозяина своим видом. Руки Ивана Семеновича были до локтей покрыты красными пятнами с волдырями. Оказалось, он приехал в Омск на воскресенье искать затерявшуюся могилу поэта и ученого Петра Драверта, нашел ее, заросшую полуметровой крапивой, и целый день пропалывал.

Как надо любить человека, литературу, чтобы вот так провести единственный в неделю выходной, искать ночлега в большом городе только потому, что последний автобус в деревню не будет ждать, пока какой-то чудак приведет в порядок могилу пслузабытого поэта. Я с интересом ждал знакомства с Коровкиным.

Школа в Большемогильном — небольшой деревянный дом. Классов не хватает. И все-таки целая комната занята экспонатами литературного музея. Сюда приезжают на экскурсию школьники и учителя из соседних районов, писатели, журналисты.

Иван Семенович на уроке. Мы с Ребриным самостоятельно разглядываем стенды. Он исполняет обязанности экскурсовода, потому как бывал здесь много раз. Письма и рукописи Щепкиной-Куперник, Леонида Мартынова, Твардовского, Драверта. Книги с автографами. Фотографии.

И вдруг на одном из снимков — знакомое лицо. Три парня смотрят прямо в объектив. Вся тот, крайний справа, что глядит исподлобья. Где-то я видел это лицо. Но где? И кто он, этот человек? Фотография включена в общую композицию о писателях-сибиряках на фронте и подписи под ней нет. Значит, писатель. А, может быть, он случайно запечатлен объективом, и писатели — те двое других?

Задача с тремя неизвестными. Впрочем, уже с двумя — Ребрин узнал в одном из троих Ивана Семеновича Коровкина.

Только он это сообщил и, будто все происходит в волшебной сказке, входит Коровкин. Да, постарше стал, поредела прическа. Но такая же молодая и чуть хитроватая улыбка, да глаза не вывели — такие же голубые, как у многих на Иртыше.

Тот снимок, прикинул я, сделан, примерно, лет двадцать или больше назад. Где же мне было знать того человека на фотографии! Но ведь знаю...

Коровкин энергичен, словоохотлив. Сразу же принялся рассказывать про музей, про его историю. Вот он упомянул имя алтайского поэта Марка Юдалевича. Оказывался, учились вместе в Омском педагогическом институте. Еще перед войной...

Коровкин рассказывает, а я все не могу позабыть знакомое лицо на том снимке. Не в студенческие ли годы сфотографировалась троица? Следовательно, Юдалевич тоже мог знать вон того парня, что глядит исподлобья. Может быть, у Юдалевича я и видел его? Как-то он показывал фотографии своего выпуска, рассказывал о друзьях, читал их стихи. Выходило, что чуть ли не все однокурсники увлеклись тогда поэзией...

— Иван Семенович, с кем вы тут сняты?

И наш хозяин стал рассказывать, как появилась на свет фотография, попавшая в музей.

В 1940 году в Омске проходила первая областная конференция писателей. Докладчиком выступил Леонид Мартынов. Всех удивили тогда гортанные песни хантыйского поэта Григория Лазарева. Особенно заинтересовали они молодого поэта Иосифа Ливертовского, который готовил отчет с конференции для молодежной газеты. Ливертовский решил перевести несколько стихотворений. Он подружился с Лазаревым. В память об этой встрече и сфотографировались тогда Григорий Лазарев, Иосиф Ливертовский, Иван Коровкин.

Ливертовский, Ливертовский... Как я не узнал его сразу? Да, действительно, Юдалевич, изменив от волнения интонацию голоса, читал именно его стихи, рассказывал, как погиб на фронте много обещавший молодой поэт. И показывал его портрет. В голове сохранились строки еще тогда услышанного очень светлого стихотворения Ливертовского:

Я люблю, сменив костюм рабочий,
одеваться бело и легко.
Золотой закат июльской ночи
от меня совсем недалеко.
Широко распахивая ворот,
я смотрю, как тихо над водой,
камышами длинными распорот,
выплывает месяц огневой.
Я смотрю, как розовой стрелой
Упадают звезды иногда.
Папироса, брошенная мною,
Тоже, как падающая звезда.
И пока садится месяц в рощу,
Расправляя листовенные верхи,
Темно-синей, бархатною ночью
Я пою друзьям мои стихи.

Своих стихов он недопел. Пуля оборвала пение. Трагедия, каких произошло в войну много. В памяти встают судьбы Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Николая Майорова, Николая Отрады...

Подумалось, что в этом строю имеет право стоять и сибиряк Иосиф Ливертовский. И я решил доказать это его право.

Почему Марк Юдалевич не собрал стихов своего друга и не предложил их в печать? Это бы так облегчило работу. А теперь приходится листать старые газеты, искать немногочисленные стихи с подписью Иосифа Ливертовского. Читаю стихи Ливертовского, перечитываю. Снова возвращаюсь к прочитанному. Потому что хочется понять, чем жил молодой поэт.

Почему мне сегодня не спится
У раздутого ветром костра?
Я увидел проклятую птицу
На высокой сосне вчера.
Круглоглазая странница эта
Куковала в сосновом бору.
Есть в народе такая примета,
Что увидеть ее — не к добру.
Но меня ничего не волнует,
Не пугает меня старина.

Много сказок на свете бытует
И примета живет не одна.
Разве можно во сне затеряться,
Если берег встает крутизной,
Если сосны на нем толпятся
И шумят за моей спиной?
Я лежу на песке хрустящем,
Чуть колыхнется бархат реки, —
И доносятся чаще и чаще
Пароходов ночные свистки.
...Я теперь не закрою ресницы,
Пролежу на песке до утра.
Пусть сегодня мне ночью не спится
У раздутого ветром костра.

Ливертовский представился мне человеком мягким и доверчивым, интеллигентом в самом хорошем смысле этого слова. Лучшее, что он написал и что мне удалось прочитать, дышит нежностью, любовью к людям, к природе.

И все-таки этого страшно мало. Надо, конечно, повидать друзей Ливертовского, поговорить с ними.

Решено! Еду в Барнаул. Послушаю Юдалевича, может быть, удастся записать не известные мне стихи Ливертовского или хотя бы узнать, где они печатались.

Удивительно, никто из друзей Ливертовского не может говорить о нем в прошедшем времени. Будто жив он для друзей и сегодня, и события, о которых мне рассказали, произошли совсем недавно. Я слушал и думал: наверно, было за что так любить человека, если еще и сейчас, вспоминая 22-летнего неуклюжего паренька, каким он остался в памяти живых, человек способен преображаться, сидеть до трех ночи, вспоминать веселые студенческие ситуации, цитировать строчки...

Стихи... Самозабвенно был влюблен Иосиф в поэзию, предан ей до беспамьяства. Он умел оставаться безразличным ко многому, что порой очень заботит молодежь. Мало внимания уделял одежде, зимой и летом ходил в одинаковых сероватых рубашках, которые друзья в шутку прозвали «ливвертовками».

Равнодушие его к оценкам было предметом частых острот на факультете. Перед государственным экзаменом по западноевропейской литературе Ливертовский говорил, мол, мечтает, чтобы ему попал вопрос о творчестве какого-нибудь поэта. Повезло — в билете имена Киплинга и Фрейлиграта. Прочитал и, по рассеянности раздумывая о чем-то своем, задержался у экзаменационного стола. Доцент Петров расценил такое раздумье по-своему:

— Можете сменить билет...

Ливертовский послушно положил билет. В новом не оказалось поэтических имен. И все же ответил он хорошо, хотя оценку пришлось снизить до «удовлетворительно».

— По моему, маловато он поставил, — пожаловался Юзик друзьям в коридоре.

— Ты же сменил билет, за это снижают оценку.

— Сменил? А зачем? Тот билет был лучше.

— В самом деле, зачем?

— Не знаю... Петров сказал, ну и я...

Из этого эпизода, записанного со слов Юдалевича, вырисовывается характер Юзика.

Или вот другой штрих — четыре строки из последнего письма Ливертовского, присланного с фронта в 1943 году:

Мы скоро разрядим винтовку
и вспомним о тех, кто вдали,
мы скоро фашистскую нечисть
прогоним с советской земли.

Это было совершенно не похоже на то «ливертовское», что выискал я в довоенных подшивках...

Словом, в Барнауле я обогатился несколькими не известными мне стихотворениями Ливертовского и пометками в блокноте. И еще думаю о том, что могут оказаться живыми родственники Иосифа. Сестра-то определенно живет на Украине. Зовут ее Бэла, а вот фамилию носит она, вероятно, другую, по мужу.

Как искать ее? Украинна, известно, большая, женщин с именем Бэла живет там, ну, уж, наверняка, несколько сот. Как подступить к поискам?

Одна из записей в блокноте касается известного советского поэта Леонида Мартынова. В то время, когда Ливертовский активно писал стихи, Леонид Николаевич жил в Омске, печатался в молодежной газете, читал свои исторические поэмы начинающим поэтам. Ведь мог он запомнить и Ливертовского. Тем более, что есть одна вещь, которая свидетельствует о явном влиянии старшего поэта на молодого. Вещь эта — стихотворение самого Ливертовского. Приятное и чистое, оно показалось мне тем, что критики именуют иногда книжным, а еще подражательным, написанным в ключе и интонации мартыновских поэм и стихотворных сказов.

Судите сами, вот это стихотворение, записанное со слов. Называется оно «Поэзия».

В шалаше из ветвистых, и кудрявых и легких,
темно-синих осинок, завязавших верхи,
на траве растянувшись, опираясь на локти,
в желтой маленькой книжке я читаю стихи.
И за каждую строчкой пробегает мой палец,
и за каждую строчкой пробегают глаза.
Осторожные шорохи горячо зашептали:
«Ты сегодня для жизни не вернешься назад».
Ах, я знаю, но все же, я не буду печалиться,
Что стихи — мое сердце, что стихи — моя кровь.
Наплывают страницы на угластые пальцы,
как на острые скалы пенных волн серебро.
И цветы голубые небо чашек раскрыли,
тонкий запах в раздувшихся ноздрях дрожит.
У березы раскидистой словно выросли крылья,
и пчела золотистая надо мною кружит.
Что-то сладкое в мускулах и горячее что-то
протекает по телу, наливает глаза.
И я слышу, я слышу чуть трепещущий шепот:
«Ты сегодня для жизни не вернешься назад».

Словом, надо попытаться поговорить с Леонидом Николаевичем о Ливертовском. Есть очень полезная книга — адресный справочник Союза писателей СССР. Напротив каждой фамилии не только адрес, но и номера телефонов. Приехав в Москву в служебную командировку, я решил воспользоваться ею.

Звоню, объясняю, в чем дело. Басовитый голос в трубке назначает точное время свидания — три часа дня. Просит не опаздывать.

За 15 минут я уже в подъезде многоэтажного дома на Ломоносовском проспекте. Выжидая и секунда в секунду нажимаю кнопку звонка.

В кабинете Леонида Николаевича мы говорили с ним больше двух часов. Вообще-то Мартынов не словоохотлив. О Ливертовском он сказал немного, но очень тепло. Вспомнил, как Иосиф, отвечавший за литературные страницы в молодежной газете, советовался с ним, «что давать, что не давать». Если хороших стихов набиралось больше, чем вмещает газетная полоса, он предпочитал печатать товарищей, откладывая свои в стол. К себе относился чрезвычайно требовательно.

Кстати, так открылась тайна, почему мало стихов Ливертовского хранит довоенная подшивка.

Мартынов припомнил, что Ливертовский владел немецким и украинским языками и переводил с них без подстрочника. Были удачные переводы Гейне, Линау, Гервега, Павла Грабовского.

Вот, например, перевод из Георга Гервега:

Когда я пью бокал вечерний мой,
Сажу в кругу веселого собрания,
Лишь ты одна зовешь меня домой,
О, песня родины, во времена изгнания!

Леонид Николаевич считает, что Ливертовский обладал нужной поэту неуспокоенностью, любопытством и даром волноваться от прочитанного. В сочетании эти качества могли дать незаурядного поэта. Жаль, таланту Иосифа Ливертовского не суждено было созреть.

В процессе поиска произошло событие, которое одновременно обрадовало и огорчило меня. Издательство «Молодая гвардия» выпустило массовым тиражом сборник «Имена на поверке». Среди стихов других поэтов, не вернувшихся с фронта, в него вошли три вещи Ливертовского. Впервые напечатался он в столичном издательстве. Вошло туда и стихотворение «Папиросы», историю которого рассказывал мне Юдаевич.

Было чуть-чуть грустно, что Иосиф Ливертовский становится достойным читателя вот так неполно, в предисловии нет о нем ни единого слова. Грусть упрочилась, когда в «Литературной России» появилась прекрасная статья о книге, написанная Ильей Сельвинским. В ней даже не упоминалось имя Ливертовского. Никто не знает, подумалось тогда, кто он, что успел сделать за свои двадцать три года, вот и обходят молчанием.

А что, если тоже написать статью о книжке и рассказать про Ливертовского, сославшись на воспоминания друзей? Кстати, может быть, статья и явится толчком к поиску родственников поэта.

И я написал такую статью для омской комсомольской газеты «Молодой сибиряк». В ней назвал Ливертовского «сибирским Павлом Коганом», рассказал, как выпускники литературного факультета Омского педагогического института все как один собрались на перроне проводить своего любимого товарища в армию. Возле теплушки среди вокзальной суеты молчаливо стоял отец Ливертовского. Поезд уже набрал скорость, когда он, вдруг вспомнив, догнал вагон и передал сыну пачку папирос «Норд».

А через несколько дней, еще с дороги, друзья получили письмо со стихами, которые и попали теперь в московский сборник.

Я сижу с извечной папиросой,
над бумагой голову склоняя,
а отец вздохнет, посмотрит косо —
мой отец бонтя за меня.
Седенький и невысокий ростом,
он ко мне любовью был таков,
что убрал бы, спрятал папиросы
магазинов всех и всех ларьков.
Тут же рядом, прямо на дворе,
он бы сжег их на большом костре.

А вот когда «ворвалась война большая» и сын уезжал на фронт, отец не плакал, мужественно переносил разлуку:

Может быть, отцовскую тревогу
заглушил свистками паровоз.
Этого не знаю.
Он в дорогу
подарил мне пачку папирос...

Дальнейший ход событий пополнил наши представления о «сибирском Павле Когане». Звонит мне однажды Валентин Свиинников, редактор той самой газеты «Молодой сибиряк», где когда-то печатался Ливертовский и где была помещена статья о нем. Приезжай, говорит, немедленно. И чувствую по голосу — что-то случилось. А сам замираю: неужели, думаю, на самом деле нашлись Ливертовские.

В редакции ждал пакет из Днепропетровска. Сестра поэта (нашлась!) писала, что прочла в газете о розыске материалов из архива брата. Она рада поделиться письмами, стихами и фотографиями. Это все, что сохранилось.

Лихорадочно вчитываюсь в стихи. Перевод из Иоганнеса Бехера:

Так он лежал, и закрыли товарищи
белым платком лицо борца.
И сразу платок стал багровым пожарищем,
кровью простреленного лица.
И, вместо лица, что улыбкою трогало,
Кровь и кровь багровела, лучась.
Будь же бессмертен! Лицо твое строгое —
Отныне красное знамя для нас.

Характерно, что перевод стихов прогрессивного немецкого поэта выполнен Ли-вертовским на фронте Великой Отечественной войны. Сорок первым годом помечено стихотворение о Чкалове:

Ты жив,
когда над нами
монотонно
пропеллеры густой
проносят гуд,
когда далеким звездам
небосклона
другие звезды руку
подают,
когда большая
птица огневая
дана сегодня другу
твоему,
когда, его глазами
провожая,
мы дружески
завидуем ему.
И в сердце у любого
самолета
твое стучится сердце,
и вперед —
в широкую дорогу перелета
за самолетом
вышел самолет.
Им краток путь до
полюса и прерий,
разносятся моторов
ровный гул.
Ты слышишь?
Это о тебе,
Валерий,
суровые пропеллеры
поют.

Любопытным показалось мне стихотворение, посвященное известному русскому поэту Тютчеву:

Когда родился с сердцем нежным,
грустил один... и не жалеи!
Вы были пленным, белоснежным
подснежником родных полей.
А вдалеке, за Рейном где-то,
срывая головы цветам,

пошла разменная монета
хозяйничать по городам.
Она усадьбу всю разрушит,
ворвется с четырех сторон,
набросится на вас, задушит,
победный излучая звон.
Ночами вас пугали стены,
шептала тьма, умри, умри!
Вы трепетали сердцем пенным
и ждали утренней зари.
Без солнца разве вы могли бы
расправить крылья лепестков?
Совсем поникли ваши липы,
салонный русский остролов.
Истории крутая сила
не стала нежиться с цветком, —
она пришла и раздавила
подснежник грязным сапогом.

Под стихотворением дата — 1942-й.

Стихотворение «Папиросы» у сестры Ливертовского сохранилось в другом варианте. Вот начало из него:

Есть такая у меня привычка:
чтобы крепче был стиха настой,
папиросу зажигает спичка,
дым гуляет комнатой пустой.
Так бывало — даже не придется
дописать, дыханье затая,
как войдет отец, плеча коснется,
выведет меня из забвения.
Скажет: «Не кури, не надо, хватит,
отдохнул был лучше, спать бы лег».
В старческих глазах голубоватых —
жалости обидный уголек.
Думалось ему — петлею синей
дым совьется и задушит сына...

А дальше все так, как опубликовано в сборнике «Имена на поверке».

Волнуясь, читаю письма, адресованные сестре. Всего несколько писем, а из них встает характер сдержанного юноши, пронизанного влюбленностью в поэзию. Из них видно, как упорно шел он к тому, что пусть еще нельзя было назвать творческой зрелостью, но стало явным подступом к ней. Я не стану пересказывать их содержание, а приведу отрывки, потому что понять Иосифа Ливертовского лучше всего из того, что он сам о себе писал.

«Здравствуй, Бэлочка!

...Ты просишь уже напечатанных стихов, но, к сожалению, литературная страница еще не вышла и выйдет неизвестно когда. Она, если можно сказать, висит в воздухе. Сейчас второй съезд Советов. Газета занята. Озолин обещает после съезда выпустить».

В другие газеты я посылать не пытался. Вообще мне не советуют торопиться печататься. Нужно больше над собой работать. Впрочем, одно стихотворение «Бурелом» я посылаю тебе в печатном виде. Вскоре думаю отобрать штук пять стихотворений и расослать по журналам. Если не попаду в печать, то, по крайней мере, получу оценку.

Давно перестали думать, что поэт — это бог, одаренный как-то особо по сравнению с другими людьми. Известны слова Ю. Айхенвальда по адресу поэта Валерия Брюсова, что последний вырыл себе талант тяжелым заступом своей работы. А надо сказать, что Брюсов — крупнейший поэт...

Я привожу пример для того, чтобы доказать — ничего с неба не падает. Мне не

нужно ни от кого титула, мне не нужно никакого звания, мне нужно овладеть языком — понимаешь? — русским языком. И я добьюсь этого. Это вошло в мою страсть, во все мое существование. Стихотворение может заставить меня смеяться, плакать, страдать, блаженствовать и т. д. Ведь если истолковать само слово «поэт», то можно убедиться, что это человек, умеющий чувствовать все проявления жизни, но чувствовать независимо от своего состояния (вещественного).

Быть поэтом — это значит тоже, если правду жизни не нарушить, рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души.

(С. Есенин).

Значит, ясно, что стихотворение есть не что иное, как удобная форма — музыкальная форма — для того, чтобы души человеческие ласкать «кровью чувств».

Кое-кто отрицает категорически предположение, буду ли поэтом. Но, позволю, как можно это знать? Ведь мои стихи, как бы они ни были плохи, говорят ни больше, ни меньше, как только о культуре моего языка. Было бы величайшим явлением среди людей, если бы кто-нибудь мог предсказать человеку, будет ли он поэтом. Впрочем, бросим философствовать! Я так же могу ошибаться, как и другие. Все может быть только юношеским увлечением. Должен тебе сказать, что суждения у тебя верные и прониновенные. Мне они дороже всяких рецензий.

«Пирующие студенты» я закончил, но еще работаю над ними. Переделываю некоторые места. В частности, «широкие парни» — это многих смущает. Я окончательно решил подолгу работать над каждой строчкой — чеканить стих. До сих пор я писал быстро и бессознательно.

Учиться я, конечно, продолжаю. Руководжу литературным кружком в институте. Готовлю доклад для группы — зависимость формы стиха от содержания. Играю много в шахматы.

Бэлочка, отвечай поскорее!

Юзик. 27. II. 1936 г.,
10 часов вечера».

«Сестричка, к вам «заря, как гром, приходит через море из Китая». У вас «поднимается день раскаленный, тяжелый и дремный», а у нас «и звезды мечутся длинные, и нет спасенья от луны». Вам просыпаться — мне спать. Мне обязательно спать. Командант еще нагрянет, потушит свет и выругает меня. Вот в такой-то промежуток между занятиями и сном мое перо соразмерно со смешанным храпом товарищей.

Весна уже свежими запахами заерзала в носу, а конец учебного года начинает тяготить запахами политэкономии. Она, что называется, «деликатно подсекала», так что и времени ни минуты не имею, и голова, кажется, на аршин шире стала.

Я не писал тебе, все ждал ответа из «Сибирских огней». И дождался, но приходится ждать, как ты узнаешь, еще. Дело в том, что первый ответ был довольно лестный. Сначала шли перечисления недостатков, затем достижений — и результат... Результат заключается в том, что стихи «На заливе» и «Ночь», как лучшие, оставлены в редакционном портфеле. Мне указали недостатки и потребовали вторые варианты. Я выслал стихи в новой редакции и еще послал несколько свежих. Есть надежда, что стихотворение «Ночь» будет напечатано. Жду...

...У меня не плохие сейчас, и в первом полугодии, результаты: теория литературы — отлично, устная поэзия — отлично, древнецерковнославянский язык — удовлетворительно, психология — удовлетворительно.

Кстати сказать, я мало работаю над собой, благодаря тому, что живу в общении и часто приходится ходить домой, а дом — на другом конце города. (Родители Ливертовского жили далеко от центра Омска, поэтому он поселился в общежитии. — Е. Р.).

Я ожидаю ответа из «Сибирских огней». Почти готово стихотворение о Лермонтове. Сейчас писать стихи стало некогда, а требования у меня к самому себе повысились. Каждое написанное стихотворение должно быть хорошим...

Будь здорова. Юзик.
20 апреля 1937 г., один час ночи».

«Милая сестра! Твое письмо, конечно, меня не обидело. Я знал, что ты так напишешь. Но и сам я раньше так думал, мне теперь горько, что я тебя обидел, и что просить прощение поздно. Скажу только, что краснеть за брата тебе не придется. Дисциплина у меня, конечно, отличная. Я имею две благодарности перед строем от командира полка. Одну — за образцовое оборудование ленинской комнаты, другую — за добросовестную работу на кухне (вот смех — я на кухне!). Что касается участия в культурно-массовой работе, то и здесь ты останешься довольна. Если возникнет вопрос в полку из области литературы и искусства, то за разрешением этого вопроса обращаются ко мне. Я прочел у себя в дивизионе несколько больших лекций: о Сергее Есенине, о Маяковском, о Горьком. Все они были хорошо восприняты красноармейцами.

Недавно произошел такой интересный случай. В нашем полку есть красноармеец Владимир Брагин — сталинградский поэт. Он печатает стихи в военной окружной газете, пользуется небольшим авторитетом. Но стихи его о Красной Армии и другие — слабые. В них очень много подражательного, они не имеют оригинальной мысли, такие стихи можно заменить одним словом «ура». На одном из выступлений Брагина я его как полагается разругал. Об этом весь полк говорил. Меня шумно поддержали красноармейцы, говоря, что они не находят себя в его стихах. Даже командир взвода мне сказал: «Здорово вы его!» Сам Брагин тоже со мной согласился, он сказал, что ему нужны деньги и что оригинальные стихи трудно печатать. Мы с ним подружились. Он оказался хорошим парнем. Мы организуем в полку литературный кружок.

Вообще меня уважают товарищи и некоторые командиры, например, командиры нашей батареи. Я пишу и чувствую, ты веселишься...

Стихи пишу понемногу. В «Сибирских огнях», вероятно, будут печататься мои лирические стихи, а в Омске в 1941 году выходит моя первая книжка. Таковы дела!»

Книжка так и не вышла.

Следующее письмо послано из Новосибирска, где Ливертовский проходил учения накануне войны:

«О здоровье. Физически я, кажется, окреп. Ежедневные утренние зарядки, обливания холодной водой до пояса, несомненно, способствуют укреплению организма. Окрепло сердце. Но головные боли по-прежнему бывают часто и сильные; нервы никуда. Твое письмо застало меня, к великому стыду, заплакать. Я лежал (был мертвый час) и молча жарко плакал, слезы жгли щеки, скатывались на подушку...

Пока все. Не обижайся. Твой младший брат Юзнк.
Февраль, 1941 год».

«Здравствуй, дорогая сестричка!

Каждое твое слово исполнено такой ненавистью к проклятому арийцу Гитлеру, словно ядом, а не чернилами оно написано. То же самое испытываю и я сам и хочется скорее в бой. Сейчас мне присвоено звание младшего сержанта и отдано в распоряжение отделение. Несколько раз пытались отправить меня в артшколу, но все возвращали. На днях, кажется, куда-то отправят. Недавно спрашивали о том, какой институт я окончил, адрес, кто из родных судился, сколько и за что имел дисциплинарных взысканий, какой знаю иностранный язык. То, что мне знаком немецкий, очевидно, вполне удовлетворило требованиям, так как еще и другие в этот список попали, знающие немецкий язык. Куда думают меня послать — угадать невозможно. Вот все о себе...

Милая, я очень рад, что ты умеешь так ненавидеть, что у тебя такой сильный характер. Кто умеет ненавидеть, умеет и любить. Это свойство настоящего человека. Правильно сделала, дорогой командир, что подготовила себя к защите страны. Фашизм будет разбит, я не сомневаюсь.

Я совершенно тверд, спокоен и готов ко всяким неожиданностям. Только о родителях с грустью думаю, жаль старичков. Пиши мне чаще.

Да, прошу совета: думаю вступить в партию. Ты меня хорошо знаешь, что скажешь?

Что сейчас делаю? Занимаюсь, читаю и ежедневно издаю газету, где помещаю в каждом номере свои агитационные, молниеносно написанные стихи. Это не стихи о природе. Это твое письмо, перелитое в звонкие гневные строки...

Твой брат Юзик.
Август, 1941 год.

Остается добавить, что Иосиф Ливертровский погиб под Орлом, в 1943 году, когда ему было 23 года.

Пришла весточка из Большемогильного от Коровкина. Иван Семенович сообщил: разбирая свои архивы для школьного музея, он нашел три письма Юзика, посланные в 1941 году из Новосибирска. «Не пригодятся ли они в вашей работе?» — спрашивал Коровкин, пересылая письма.

Откровенно говоря, ничего добавляющего к характеру Ливертковского в этих письмах я не обнаружил. Есть в них, правда, упоминание имен сибирских писателей Анны Герман, Виктора Уткова и Александра Смердова, с которыми, оказывается, тоже был знаком молодой поэт.

Я показал письма Александру Ивановичу Смердову, теперь главному редактору журнала «Сибирские огни». Мы говорили с ним о том, что стоило бы сделать подборку из стихов Ливертковского, внести его имя в памятный список не вернувшихся с фронта сибирских литераторов. И хотя поэтический голос Иосифа Ливертковского перед войной только становился, в его стихах — продолжение волнующей исповеди поколешия Павла Когана, Николая Майорова, Михаила Кульчицкого, Георгия Суворова, Николая Отрады.

ЕСЛИ СКАЗАНО „А“...

Этого момента алтайские любители футбола ждали три года. Впервые возможность перехода в высшую лигу возникла в 1963 году, когда «Темп» стал чемпионом VI зоны и поехал на полуфинальную пульку в Саратов, где шесть команд должны были выяснить, кто же из них сильнее и кому в финале бороться за право букву «Б» заменить на «А». Как известно, в финал барнаульцы не попали, а ограничились лишь третьим местом.

На следующий сезон история повторилась.

Наши земляки, уже имея за плечами опыт подобных турниров, вновь стали участниками полуфинальной пульки, на сей раз в г. Грозном. И снова «Темп» оказался на третьем месте. Тогда нашим ребятам не хватало совсем «пустяка» — хорошей защиты. Как-никак, а нападающие поработали относительно неплохо и забили в ворота соперников 9 мячей в пяти играх. Правда,

оборона тоже «не ударила лицом в грязь» и пропустила... 9 мячей.

Итак, дважды получилась осечка. Но болельщики — самый оптимистичный народ в мире, и они не теряют надежд на успех своей команды, если даже для этого нет никаких оснований.

У алтайских любителей футбола такие основания были. Поэтому вполне естественно, что все свои надежды они перенесли на год 1965-й. И поначалу даже казалось, что все идет так, как надо.

Однако самым точным расчетам поклонников «Темпа» помешала одна деталь: в 1965 году команда вообще не поехала ни на какие турниры, так как

заняла в своей зоне только третье место. А третий, как известно, лишний, ибо по правилам розыгрыша первенства страны среди команд класса «Б» в полуфинальные пukyли выходили лишь два призера.

Однако и после этого болельщики не пали духом. Рожdenый в таинственных кулуарах слух о расширении второй группы класса «А» неожиданно сбился. Учитывая заслуги коллектива, Федерация футбола СССР включила «Темп» в класс «А». Итак, шлагбаум был поднят. Основное — сделано. Оставалось «немногое» — доказать, что барнаульцы не случайно оказались в высшей лиге.

И ПРИШЕЛ ФУТБОЛЬНЫЙ СЕЗОН

Замечу сразу: начало футбольного сезона в классе «А» было для «Темпа» не очень благоприятным. Перед первым матчем в Фергане с местным «Нефтяником» у руководства команды головы буквально трещали от забот. Дебют, как известно, вообще не очень приятная вещь (это потом, когда все уже позади, кажется, что и волноваться-то было не из-за чего), а тут подряд одна беда следовала за другой. Не успел войти в строй после годичного перерыва центральный нападающий Анатолий Федулов, как на одной из последних тренировок получил тяжелую травму и надолго выбыл из строя. Эта, если так можно сказать, авария вызвала цепную реакцию. Надо было срочно искать замену вышедшему капитану, чтобы в какой-то мере заполнить брешь впереди и дать возможность другому центральному нападающему Борису Брыкину сыграть в полную силу. На эту роль могли претендовать три человека — Николай Перевозчиков, Владимир Маркин и Владимир Акузин. Но все они игроки основного состава. И перестановка любого из них вызывала необходимость перестраивать другие линии.

В конце концов решение было найдено. В паре с Брыкиным сыграл Маркин, а на его месте — молодой спортсмен, воспитанник футбольной школы при команде мастеров Володя Корингин. Как известно, этот матч закончился нулевой ничьей.

Конечно, дело не в том, что нелепая

случайность расстроила планы команды. Сведущие любители спорта вполне справедливо могут возразить: надо рассчитывать на любые случайности и всегда быть готовым к ним.

Да, все это так. Но давайте сегодня, когда футбольный сезон уже закончился, вспомним о другом. О том, например, что до сих пор является проблемой № 1 для алтайского футбола: об отсутствии резервов. Вот уже три года подряд ни одна из клубных команд Алтая не дала, по сути дела, ни одного человека для «Темпа»; все те футболисты, которые приходят в команду, являются или воспитанниками футбольной школы при этом же коллективе (Скориченко, Корингин, Драчев, Кучинский, например) или же они выросли в командах других краев и областей. И не кажется ли странным, что наш клубный футбол в последние годы резко сдал свои позиции. Года три-четыре назад в розыгрыше кубка СССР для производственных коллективов успешно выступали рубцовское «Торпедо» и барнаульский «Алтайтрансстрой». Но их удача была подготовлена задолго перед этим, когда в крае выросло много молодых, способных футболистов. Вот тогда можно было считать, что у нас есть резерв для большого футбола. Именно в те годы выросли и такие ведущие игроки «Темпа», как Федулов, Брыкин, Акузин, Хворов и т. д.

А сейчас? Посмотришь на игру любой клубной команды и вряд ли найдешь

футболиста, про которого можно было бы сказать: из него выйдет классный игрок. В большинстве случаев в таких коллективах первую скрипку играют или бывшие игроки «Темпа», или же спортсмены, обладающие неплохими физическими данными, но имеющие слабое представление о технике и тактике игры. А ведь классная команда — это не начальная футбольная школа, здесь не будут учить азам.

Вот почему перед началом сезона в высшей лиге «Темп» по сути дела оказался без резерва и довольствовался тем, что рождалось внутри него. А этого, как известно, очень мало для того, чтобы хорошо выступать в классе «А».

И снова мне могут возразить: но ведь наши земляки неплохо начали сезон. Во втором матче они буквально разгромили старожила класса «А» «Политотдел» (4:1 на его поле), а после шестого тура делили 2—3 место, имея в активе 9 очков из 12. Совсем неплохо для дебютанта!

Однако часто цифры только констатируют факт, не раскрывая его внутреннего содержания. То, что «Темп» был новичком в классе «А», имело свои минусы и плюсы. О минусах я уже говорил. А сила нашей команды заключалась в том, что для некоторых соперников она была своего рода загадкой. Только недооценкой новичка можно объяснить проигрыш «Политотдела» нашим землякам. Кстати сказать, сразу же после этой победы барнаульцы играли во Фрунзе, также со старожилом второй группы «Алгой». Хозяева поля оказались более бдительными и победили — 2:0.

Второй сильной стороной «Темпа» было то, что все ребята играли очень старательно и самоотверженно, с большой охотой. И после трех первых туров «Темп» выступал на своем поле. Все это не могло не сказаться на результатах.

Кроме того, из 18 команд третьей подгруппы второй группы класса «А» десять — новички, так же как и «Темп», недавние участники первенства страны по классу «Б», а шестеро из них (владивостокский «Луч», хабаровский СКА, емский «Иртыш», томское «Торпедо», кемеровский «Кузбасс» и устькаменогор-

ский «Восток») — недавние соперники по VI зоне.

Поэтому вполне понятно, что у новичков перед началом сезона были такие же (в большей или меньшей степени) затруднения, как и у наших земляков.

Вот поэтому перед началом сезона, когда старшему тренеру команды Василию Сергеевичу Фомичеву был задан вопрос «Каковы задачи команды в первый год выступления в высшей лиге», он вполне резонно ответил: закрепиться в классе «А» и постараться опередить бывших соперников по VI зоне.

Как видно, перед командой ставились вполне реальные задачи. По сравнению с сезоном 1965 года команда значительно усилилась. В ворота, кроме выступавшего ранее Валерия Метляева, встали опытные вратари Любомир Неделько и Валерий Паценкин. В линии защиты появились рослый Леонид Сибиряков и перспективный воспитанник футбольной школы Андрей Кучинский. Вернулся в свой коллектив и Станислав Хворов. Вместе с Владимиром Скориченко, Игорем Родниковым и пришедшим во втором круге Анатолием Булбиным они составили довольно надежную линию обороны.

Неплохой была (как это казалось вначале) и линия полузащиты. Здесь вместе с опытными Николаем Перевозчиковым и Владимиром Маркиным выступал молодой Владимир Корингин. В нападении расчет делался на давно уже оправдавший себя грозный тандем двух мастеров, двух центральных нападающих Бориса Брыкина и Анатолия Федулова. Кроме того, на флангах попеременно выступали Владимир Ложков и Владимир Акузин, а также Геннадий Каменев. Кроме них, в нападении могли выступить Владимир Черкашин и воспитанник футбольной школы Борис Драчев.

Таким образом, сразу же после начала сезона все складывалось как будто удачно. А самые горячие поклонники команды даже позволяли себе делать пренебрежительные отзывы о будущих соперниках. Однако «Темп» споткнулся там, где этого никто не ожидал: на своем поле он умудрился проиграть одному из аутсайдеров (имеется в виду положение команд перед седьмым туром) — «Кузбассу».

Было ли это неожиданностью? Для болельщиков — да. Для руководства команды — навряд ли. В первые игры перед старшим тренером В. С. Фомичевым стояло несколько задач, и одна из самых главных — заставить ребят поверить в свои силы. Думается, что ему это удалось сделать. Но нельзя сказать, что победы давались «Темпу» легко. Вспомним хотя бы нелегкий поединок с томским «Торпедо». Победа была одержана с минимальным счетом — 1:0 ценой больших усилий. А матч с «Энергетиком»? Да, барнаульцы выиграли его с убедительным счетом 3:0. Но сколько крови попортили защитникам и вратарю хозяев поля рослые душанбинские нападающие?! И как нелегко было пробиться нашим форвардам к их воротам!

Все это, естественно, и накладывало свой отпечаток на спортсменов. Кроме того, нельзя забывать и о другом факторе — внутренней готовности футболистов к игре. Руководство команды, определяя состав на очередной матч, обязательно учитывает эту, образно говоря, известную неизвестность. Не случайно, например, сейчас большинство лучших команд мира имеют специального врача-психолога (вспомним, сколько насмешек вначале вызвало это новшество бразильцев, и как потом те, кто недоверчиво усмехался раньше, в спешном порядке стали делать то же самое).

Но руководству «Темпа» по уже известным причинам трудно было найти равноценную замену игрокам основного состава. Да, и начальник команды В. И. Гальченко, и старший тренер В. С. Фомичев понимали, что спад наступит, стоит лишь спортсменам расслабиться, потерять бдительность. Понимали они, что это может случиться и в матче с «Кузбассом» и, кажется, приняли все меры для того, чтобы команда отнеслась к поединку со всей серьезностью. Увы, случилось обратное. Барнаульцы не смогли переложить себя, не смогли собраться с силами в трудную минуту и потерпели поражение. Поражение горькое, но поучительное и для команды, и для ее поклонников.

Что такое спорт? Не углубляясь в давно уже известные его определения, остановлюсь на одном — на вечном поиске, без которого нет настоящего спорта.

смена, настоящего тренера. Тот, кто останавливается на уже найденном и достигнутом, неизбежно терпит поражение в самом ближайшем будущем. Примеров, подтверждающих это, можно привести сколько угодно.

Вспомним 1958 год, чемпионат мира в Швеции. Тогда сборная Бразилии оказалась на голову выше всех, дав миру новую футбольную систему — 1+4+2+4, вместо применяемой всеми «дубль-ве». И главное — у бразильцев были блестящие исполнители нововведения — Джилма и Нильтон Сантосы, Беллини, Зито, Орландо и Диди, Гарринча, Вава, Пеле и Загало. Восемь лет они бессменно царствовали на футбольном Олимпе. И лишь восьмой чемпионат мира позволил сделать переоценку ценностей — золотую богиню завоевала родина футбола — Англия. Успех футболистов «туманного Альбиона» был далеко не случаен. Они, как и бразильцы, также сумели создать свое «секретное оружие» — новую систему 1+4+3+3. И не только создать, но и подобрать для нее отличных исполнителей, главным из которых был, безусловно, полузащитник Бобби Чарльтон.

Завоевав звание чемпиона мира, англичане еще раз доказали, что нельзя слепо копировать любую систему, что главное — творческое отношение к ней, умение в каждое новшество вносить свои коррективы.

Таким образом, вывод напрашивается сам: неважно, по какой системе играет команда. Главное — чтобы у нее были исполнители, чтобы система не являлась догмой, а была тем творчеством на зеленом поле стадиона, за которое так любят футбол миллионы его поклонников.

Помню, как после поединка «Кузбасс» — «Темп», который проходил в Кемерово, где барнаульцы взяли реванш (2:0) за поражение в первом круге, ко мне подошел один из местных любителей футбола и сказал:

— Не пойму, по какой системе играли ваши ребята. То ли 1+4+3+3, то ли 1+4+4+2... В общем, вам повезло, что имеете таких центральных нападающих, как Брыкин и Федулов. Иначе бы вам не выиграть...

Так ли это на самом деле? Да, основная ударная сила «Темпа» заключе-

на именно в этом грозном тандеме. Не случайно поэтому и игра барнаульцев строится с учетом индивидуальных качеств центрфорвардов, на том расчете, что в конце концов кто-то из них пробьется к воротам соперника. И не случайно в поединках на выезде главная задача для команды — надежно закрыть подступы к своим воротам, овладеть центром поля и уже потом создать возможности центральным нападающим для непосредственной угрозы воротам соперников.

Но такая тактика — только на выезде, и чаще всего она приносила свои плоды, потому что расчет делался на индивидуальные особенности каждого игрока. А это диктовало и свою тактику.

Иное дело дома или в матче с соперником, которого хорошо знаешь. Вспомним, например, поединок с «Уралмашем», особенно второй тайм. Против свердловчан темповцы в своих стенах играли широко, атаковали всей мощью. Другое дело, как это получалось.

Вот отсюда и возникает вторая проблема нашей команды (да и не только «Темпа») — поиск исполнителей. Легко ли найти, например, хорошего крайнего нападающего? А даже если и есть такой, то сколько времени потребуется ему, чтобы войти в коллектив, сыгратся с партнерами, научиться, так сказать, понимать товарищей буквально с одного взгляда! Вот поэтому дело создания классной команды — это результат многолетней работы, результат кропотливых поисков и потерь. Да, да, потеря, потому что нельзя делать выводы о игре того или иного спортсмена по результатам двух-трех матчей. Не случайно, например, бывает так, что способный спортсмен переходит из одной команды в другую, но не находит себя в новом коллективе и постепенно сходит на вторые роли (вспомните Стадника из «Пахтатора», Маношина из московского «Торпедо» и т. д.).

Мне пришлось близко познакомиться с барнаульским «Темпом» четыре года назад и с тех пор быть в курсе всех

его тревожений и планов. И вот перед тем, как писать этот своеобразный обзор, я занялся любопытным подсчетом (данные беру только за эти четыре года).

Так вот, за это время в команде проходили, что называется, пробу 10 вратарей, около 20 защитников, больше 20 нападающих и только 8 полузащитников. Не пугайтесь этих цифр. Все дело в том, что многие из футболистов попеременно выступали в самых различных амплуа (Александр Сидоров, например, играл и в нападении, и в полузащите, и в защите. То же самое можно сказать о Владимире Скориченко, Игоре Яблонском).

Таким образом, тренеры команды ведут неустанный поиск лучшего варианта.

Однако, самое любопытное в другом. Меньше всего кандидатов побывало в одном из самых главных звеньев команды, в ее мозговом центре — полузащите. Из них лишь три человека (Перевозчиков, Маркин, Корингин) играют в сегодняшнем «Темпе». Это тоже — далеко не случайность. Можно найти хорошего форварда, неплохого защитника, но подобрать настоящего диспетчера — проблема весьма сложная. Вот почему в современном футболе большинство тренеров считают задачу успешного выступления своей команды почти решенной, если у них, как говорят специалисты, есть центр поля — полузащита.

В «Темпе» эта проблема была в какой-то мере решена с приходом Маркина. Однако необходимые перестройки в процессе чемпионата значительно ухудшали этот важный узел нашей команды, а равноценной замены ветеранам не оказалось. И лишь во втором круге, с приходом Николая Высоцкого, тренерам «Темпа» почти удалось решить эту проблему. Но здесь в действие вступил другой фактор — элемент известной устойчивости игроков основного состава к концу сезона, а также травмы, которые на долгое время выводили из строя ведущих спортсменов.

МОЖНО ЛИ ДЕЛАТЬ ПРОГНОЗЫ?

Прогнозы в спорте — дело весьма легкое и неблагодарное. Обычно их легко делают люди, мало разбирающиеся

в существе вопроса. А если какие-то предположения высказывает специалист, то с большими оговорками и ссылками

на всякого рода «если». Характерный пример тому — все тот же недавний чемпионат мира. Перед его началом крупнейшие знатоки футбола высказывали предположения, что в четверку сильнейших обязательно войдут Англия, Бразилия, СССР, Италия (или Венгрия). Что же получилось на самом деле? Прогноз оправдался лишь относительно Англии, ставшей чемпионом мира, и СССР. А Бразилия и Италия даже не вошли в четвертьфинала, куда попали сборные Португалии и ФРГ, которые в расчет не принимались. А ведь прогнозы делали крупнейшие специалисты.

Однако это ни в коей мере не отвергает возможности предсказывать относительные результаты, основываясь на реальной расстановке сил, на знании соперников и возможностей своей команды.

В связи с этим мне вспоминается первый матч минувшего сезона. Накануне поединка в Фергане мы сидели в номере у В. С. Фомичева и вели относительно нейтральные беседы. Было поздно, но спать не хотелось: как-никак, все же первый матч на высшем уровне. И если уж нам, журналистам, было не до сна, то о старшем тренере «Темпа» и говорить нечего. И вот тогда, хотя я и знал, что на такой вопрос Фомичев может просто не ответить, я все же спросил:

— Василий Сергеевич, и все-таки на какое место может рассчитывать «Темп» в конце первого круга?

Василий Сергеевич усмехнулся, немного подумал и ответил:

— Какое место займет — сказать не могу. Рассчитываем, конечно, не ниже десятого. А вот сколько очков наберем — могу ответить: примерно 18. Это, конечно, при условии, что все будет хорошо. И учитывая элемент неизвестности.

Прогноз В. С. Фомичева оказался почти точным. «Темп» после первого круга набрал 19 очков и занимал 7 место.

На чем же основывался расчет старшего тренера? Прежде всего на том, что 10 команд из 18 — новички в классе «А», что 6 из них — старые соперники, и что для остальных 11 коллективов барнаульцев (как для нас наши соперники) — противник неизвестный. Да и из 17 матчей первого круга девять барнаульцы проводили дома. Правда, в этих девяти поединках наши земляки сумели взять 13 очков, но наверстали

потерянное в поединках с «Политотделом» и «Востоком» (где победили), и «Уралмашем» и «Нефтяником» (где сыграли вничью).

Однако первые успехи вскружили голову большинству поклонников команды. Я уже упоминал о том, что некоторые из них после первых шести туров сделали далеко идущие выводы. А когда наступило отрезвление, то большинство из тех, кто смело замахивался даже на призовое место, стали требовать самых резких мер: пора, мол, призвать руководство команды к порядку, надо их раскритиковать в газете за зазнайство и т. д.

Все это произошло, прежде всего, потому, что подобные болельщики не учили реальных возможностей «Темпа», не постарались трезво оценить первые успехи. Стоило им внимательно присмотреться к игрокам «Темпа» даже в тех матчах, где наши земляки выигрывали, как они бы поняли: барнаульцам еще предстоит многому учиться, прежде чем на равных играть с классными командами. Мало сказать «да». Для того, чтобы подтвердить это «да», нужно еще много работать, учиться и, конечно, искать. И то, что «Темп» в процессе всего сезона не опускался в турнирной таблице ниже 10 места, а зачастую выходил в лидирующую группу, можно с полным правом оценить как успех.

Во время чемпионата, особенно к его финишу, в действие вступает такой неизбежный фактор, как выход из строя ведущих спортсменов. Что поделаешь, футбол — игра атлетическая, а если учесть, что к концу сезона каждое очко ценится на вес золота, то станет понятно, какого накала порой достигает борьба:

К сожалению, «Темп» не оказался счастливым исключением в этом отношении. Уже в начале сезона тяжелую травму получил Анатолий Федулов, сумевший войти в строй лишь к концу первого круга. Несколькими играми позже по той же причине пропустил Владимир Акузин. Но настоящим бедствием оказался второй круг. Уже в самом начале надолго вышел из строя Владимир Ложков. Его отсутствие плачевно отразилось на действиях линии нападения. Затем, также надолго, были травмированы Андрей Кучинский, Владимир Маркин, Игорь Родников. По нескольким играм пропустили Леонид Сибиряков, Геннадий Каменев,

Владимир Корингин. Этот печальный список можно было бы продолжить. Но, думается, все ясно и так. Руководству команды в процессе игры приходится срочно перестраивать наигранные звенья, искать выхода из трудного положения. Не случайно поэтому у наших земляков чередовались взлеты и падения, успехи и неудачи.

И еще одно, что, пожалуй, отразилось на игре команды. В минувшем сезоне Федерация футбола СССР приняла решение о том, что во второй группе (третья подгруппа) класса «А» не будет дубля. С одной стороны такое решение облегчило работу тренеров команд-новичков: одной заботой стало меньше. Однако в новом сезоне таких послаблений не будет. И вот тогда (если уже не сейчас) тренерам «Темпа» нужно будет заново создать дубль. А ведь, кроме всего прочего, нужно думать и о резервах для основного состава.

Любому болельщику очень хочется, чтобы его команда одерживала блестящие победы. Не являются в этом отношении исключением и поклонники «Темпа». Но, делая свои прогнозы, нужно рассчитывать прежде всего на реальные возможности команды. И не метать в ее адрес громы и молнии тогда, когда она проигрывает. Часто бывает так, что

один проигрыш учит гораздо большему, чем несколько выигрышей на пределе своих возможностей. А ведь «Темп» в минувшем сезоне учился большому футболу. Вот об этом-то и нельзя забывать, оценивая результаты выступления команды в 1966 году.

Итак, сезон закончен. Барнаульский «Темп», впервые выступая в классе «А», занял десятое место. Среди дебютантов это — один из лучших результатов. Наши земляки сумели в упорной борьбе доказать, что они по праву получили путевку в высшую лигу.

Успех команды далеко не случаен. Вся ее предыдущая история — это время становления коллектива, время накопления тех возможностей, которые позволили «Темпу» занять достойное место в классе «А». И думается, что немалая заслуга в этом старшего тренера В. С. Фомичева. Однако сегодня, оценивая результаты игр наших земляков в высшей лиге, нельзя забывать о другом: время учебы кончилось. В новом сезоне поклонники команды вправе ожидать от нее более зрелой и творческой игры, более высоких результатов.

Для этого есть все возможности.

ПРАВДИВЫЕ РЫБАЦКИЕ ИСТОРИИ

1. Как один генерал двух рыбаков прокормил

Мы с Кешкой торопимся на автобус. У нас хорошее настроение. Еще бы: впереди субботний вечер, воскресенье и заранее отработанный понедельник. Мы можем провести на реке двое полных суток! Бедные язи, несчастные щуки, жалкие окуни, трепещите!

Подходим к автобусной остановке, смотрим: в очереди генерал. Рост невысокого, коренаст, крепок, хотя из-под соломенной шляпы торчат седые прядки волос. На нем потертый китель без погонов, кирзовые сапоги и выцветшие неопределенного цвета брюки с широкими красноватыми лампасами. За спиной туго набитый рюкзак, в левой руке — зачехленные удилишки. Из чехла грозно, как автоматные стволы, торчат черные концы скрепительных металлических трубок.

Видать, человек скромный. Мы это поняли потому, что стоял он последним в длинной очереди. А ведь мог бы и не обращать внимания ни на какую очередь. И никто бы слова не сказал.

Мы тихо и почтительно остановились за его широким, во всю спину, рюкзаком. Генерал обернулся, пошевелил седыми бровями, дружески улыбнулся:

— Вот и еще рыбаки.

— Так точно! — ответил Кешка, вскинув связку удилишек на плечо.

— Сразу видать военного человека, — заметил генерал, довольно

крякнув.

— Старший сержант Иннокентий Брыкин, — отрекомендовался Кешка.

Меня передернуло. Он же ефрейтор. Вот хвастунишка! На два ранга свое звание повысил. Да шут с ним, пусть порисуетса перед генералом.

— Павел Иванович, — подал нам руку генерал.

— А вы как... в отставке? — спросил Кешка.

— В отставке.

— А какой род войск?

— Пенсионный, парень, пенсионный, — улыбнулся генерал. — А вообще-то — инфантерия.

— Пехота, значит, — поморщился Кешка. — А вот я ракетчиком был.

— Что поделатать? — развел руками генерал. — Другое время — другие песни.

— Вы на каком фронте победу обеспечивали? — не унимался Кешка.

Ну, это уж слишком! Исподтишка толкаю не в меру разошедшегося друга кулаком в бок: не приставай, мол, к человеку.

— На втором Белорусском, — охотно сообщил генерал.

— Под началом Рокоссовского, стало быть?

Генерал не ответил. У меня уши покраснели. Ну, Кешка! Может, это самый что ни на есть военный секрет!

Подошел автобус, и мы поехали. Слава богу, хоть это избавило генерала от дальнейших Кешкиных домогательств. Надо же до такой степени распустить язык!

Избавило, да ненадолго. Генерал вышел вместе с нами.

— А трудно все-таки, наверное, войска в бой водить, — немедленно заговорил Кешка Брыкин, как только мы оказались на тротуаре. — Двойная ответственность: и врага разбей, и свои силы сохрани. Голова нужна.

— Голова, — согласился генерал. — Без головы нельзя войсками командовать.

— А бывает... — заикнулся Кешка.

Но тут я уже не стерпел, решительно перебил его и повернул разговор на рыболовную тему. И сразу выяснилось, что Павел Иванович не успел обзавестись своей лодкой, что он ходит пешком на Кривую протоку... Кешка запротестовал:

— Что вы, что вы!.. Хоть вы и пехота, привыкли к таким маршам, но сегодня с нами. У нас моторка. Махнем на Федуловские пески. И никаких гвоздей!.. Нет, нет, не возражайте, пожалуйста! Много не обещаю, но три-четыре язя — ваши. Это наш постоянный минимум.

И опять в лицо мне ударило жаром. За долгие годы нашей совместной рыбалки мы с Кешкой, может быть, раза два ловили по три язя. А он — минимум!

Чтобы не краснеть больше за Кешку, я, как только добрались до Федуловских песков, оставил его на берегу с генералом, отъехал на лодке с полкилометра вверх по течению и стал на якорь, забросив две удочки.

Солнце повисло над высоким и крутым левым берегом Оби. Еще хватит времени, чтобы поймать на уху, набрать дров и подготовиться к ночлегу.

Легко сказать «поймать на уху»! Рыба в тот вечер наотрез отказа-

лась понимать меня. Посидел до сумерек, а в котелке плескалось не больше десятка ельчиков. Вот тебе, Кешка, и гарантированные язи!

Подъезжаю к становищу и слышу властный голос Кешки:

— Встать!

Генерал, сидевший у костра, вскочил и вытянулся по стойке смирно.

— Вымотать закидушку!

Четким строевым шагом подошел генерал к воде и вытянул лесу. На песке завозилась крупная сорожка.

— Наживить и забросить! — распорядился Кешка.

Выдернув лодку на берег, я отозвал Кешку в кусты:

— Ты что делаешь?

— Командую, — невозмутимо ответил он. — Так условились с ним. Генерал стал ефрейтором, ефрейтор — генералом. Обязан же ты, Мишка, понять меня. Не каждому в жизни выпадает случай командовать генералом. Тщеславие, брат, — человеческая слабость. С этим нужно считаться, Мишенька.

— Вы о чем там? — покосился на нас генерал. — Смотрите, до ухи только не касайтесь. Уха — мое дело! Ставьте палатку.

Оказывается, пока я высиживал в лодке свой щеделушный улов, а Кешка путался со спиннингом, Павел Иванович успел вытянуть на закидушки язя и несколько сорожек.

Уха получилась у него заурядная. Но зато пирог... Слушайте, это чудо! Язь и сорожки, начиненные специями, тщательно обернутые листьями хрена, испеченные под костром, мягкие, сочные, парные — это что-то необыкновенное. Деликатес! Щедрейший дар небес! Нет, этого словами не передать. К сожалению, не всякий язык может вполне точно выразить то, что он осязает.

После такого божественного ужина мы прилежно проспали утреннюю зорьку. И не только зорьку. Мы с Кешкой, полагая, что находимся в местах необитаемых, оставили хлеб, колбасу и прочее съедобное на плаще у костра, накрыв газетой и придавив газету ветками тальника. И вот, выбравшись из палатки, мы не обнаружили ни хлеба, ни колбасы, ни прочего съедобного. Котелок с остатками ухи опрокинут и вылизан. На песке четко отпечатаны коровьи и собачьи следы.

Переглянулись мы с Кешкой, крикнули, поскребли затылки. Что делать? Впереди еще день, еще ночь и еще день.

— Ничего, ребята, не горюйте! — утешал нас генерал. Он-то вчера вечером не поленился упаковать свои продукты в рюкзак. — У меня полбуханки хлеба, да каша пшенной чашка, да квасник. Правда, кашу и квасник я прихватил для прикормки рыбы, но при нужде и сами съедим.

В полдень мы съели кашу, лишив чебаков и язей дополнительного пайка, повечеряли рыбачьим пирогом, позавтракали ломтиками хлеба с чайком, пообедали квасником. Жевали и нахвалялись: экое чудное создание городской кулинарии!

— Калорийная штука, — говорил Кешка.

— И калорийная, и витаминная, — соглашался Павел Иванович.

Вот так и пропитались за генеральский счет.

На обратном пути Кешка снова начал расспрашивать, чем генерал командовал — дивизией, бригадой или, может, целой армией.

— А ничем, — загадочно ответил Павел Иванович.

— Генерал — и ничем! — поразились мы.

— Кто генерал?

— Как кто? Вы же сами говорили, что на Втором Белорусском победу обеспечивали! Да и красные лампасы...

Павел Иванович расхохотался. Потом сказал:

— Обеспечивал победу — это точно. Всю войну поваром служил. Попробуй-ка не покорми солдат да заставь на голодный желудок воевать. А лампасы... Это тесть мой казаком был. Шибко берег казачью справу. Так и умер не доносивши...

Кешка побледнел и ссутулился.

Тщеславный Кешка был сражен начисто.

Попались!

В прошлом году мы с Кешкой отдыхали на Бии. Забрались в горы, купили лодку у местного рыбака и стали спускаться по течению. В популярных селах запасались продуктами, останавливались где на день, где на два-три у заводей и плесов, коптили рыбу, обедались ягодами, купались и, подставив тела солнцу, читали книги. И радовались жизни. Прорва солнца, чистейшего воздуха, освежающей воды, подножного корма — чего еще надо человеку, если он в очередном отпуске, предоставленном по коллективному договору профсоюза с администрацией.

Внешность наша постепенно менялась. Загорели до окалины, обзавелись прическами каменного века и в своей помятой и грязной одежде, пропахшие рыбой, ходили на бездомных бродяг. Жители прибрежных деревень, успевшие привыкнуть ко всяким путешественникам и скитальцам, все-таки поглядывали на нас довольно косо, недоверчиво.

Эх, люди! Должны же вы понимать, что не всегда можно таскать с собой утюги, ножницы и прочий скарб!

Мы запланировали в Бийске сходить по очереди в парикмахерскую, снять с себя лишнюю растительность и со спокойной совестью плыть дальше, до Барнаула. На свою беду, не доплыв до Бийска, остановились у большого села. Сходили в магазин за папиросами и солью, на обратном пути купили у сельчан яиц, картошки, огурцов, луку и, переплыв на другой берег, заночевали в палатке.

Утром, только собрались в путь-дорогу, нам кричат:

— Эй, бедолаги, подождите!

Подгребаются к нам на лодке милиционер в полной форме и парень в штатских трусиках.

— Ваши документы? — протягивает руку милиционер.

Вот этого мы боялись! Дело в том, что дома во время сборов в суете и спешке оба, как по уговору, забыли о документах. Переоделись в до-

рожную одежду, а паспорта и удостоверения личности оставили в костюмах.

— Стало быть, документов нет? Ну, ну, — равнодушно, тоном привыкшего к подобным случаям человека произнес милиционер. — Тогда извиняйте нас, принуждены произвести обыск.

В чем дело? Неужели нас, честнейших удильщиков, за браконьеров приняли? Или того хуже — за воров? Да, мы без документов. Да, продубевшие на солнце до цвета сосновых стволов, в помятой и драной одежде похожи на бродяг. Но разве это достаточный повод подозревать нас в каких-то грехах против закона? Правда, случалось — попадала на наши крючки и блесны запретная рыба, но мы же съедали ее без свидетелей. И тем не менее, придавленные неожиданностью, мы не роптали, пока милиционер и парень в штатских трусиках перетряхивали наши пожитки, а затем обшаривали прибрежные кусты.

— Улики не обнаружены, — сообщил наконец милиционер. — Тем не менее мы присуждены задержать вас до выявления личностей и обстоятельств дела. Плывите за нами!

На левом берегу привязали нашу лодку к паузку, а нам вежливо сказали:

— Следуйте!

В сельском Совете милиционер записал некоторые наши анкетные данные, ушел и долго не появлялся. Мы сидели на крыльце, курили и ждали. На Кешку, — как, видимо, и на меня, — жалко было смотреть: глаза потухли, челюсть отвисла и, кажется, мясистый нос потяжелел и потянул голову книзу.

Вернулся милиционер, раскрасневшийся, потный. Отдуваясь, присел рядом с нами, расстегнул все пуговицы глухого кителя.

— Вы все-таки нам скажите, что случилось, — обратился к нему Кешка.

— Ничего особенного, — махнул рукой милиционер. — С паузка пропал ящик водки. В магазин привезли из города. Не успели вчера сдать, ротозей... А про вас местные сказали: вида, мол, подозрительного люди. Оно и правда, бездокументные... Как вот быть теперь? Арестовать — улики нет, отпустить — а вдруг... Так что уж потерпите... Уф, жарко! Все хлеба, однако, погорят.

Вон как! Ящик водки исчез. Хорошо, что мы вчера воздержались, не купили. Бутылка — это уже улика.

Сидим, курим, гадаем, какая участь ждет нас.

И дождались. Тот самый парень, который утром был в трусиках, а теперь в брюках и тенниске, привел сразу троих нарушителей закона. Каждому лет по одиннадцать-двенадцать.

— Вот они, ворышки.

Ящик водки?! Эти?! У нас от удивления брови лезут под разросшиеся волосы.

Милиционер долго смотрит на мальчишек. А они делают вид, будто ничего плохого не сотворили. Кто пятки чешет, кто снимает с носа белые лохмотки сгоревшей на солнце кожи.

— Зачем вам водка? — спрашивает милиционер.

— Ни за чем, — отвечает белобрысый парнишка с узкими глазенками.

— Почему же стащили?

— А чтобы меньше пили, — говорит белобрысый, явно довольный своей находчивостью.

— Смотри-ка, борцы с алкоголизмом! — по-свойски подмигивает нам милиционер и, построжев, снова обращается к ребятам: — Не крутите! Меня все равно не проведете. Выкладывайте мотив!

— Правду говорить?.. Мы водку в Бю вылили, а пустые бутылки сдали в ларек и конфет купили.

Немая сцена. Милиционер скребет в затылке. А мы с Кешкой с трудом гасим в себе приступ неуместного смеха.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Георгий ЕГОРОВ. Гибель комиссара	3
Геннадий ВОЛОДИН. <i>Стихи</i>	52
Николай ФЕДОСЕЕВ. Два рассказа.	56
Станислав ВТОРУШИН. <i>Стихи</i>	65
НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ	
В. КИРЯСОВ. Кадычиха	68
Георгий КОНДАКОВ. <i>Стихи</i>	74
ЛЮДИ НАШИХ ДНЕЙ	
З. АЛЕКСАНДРОВА. Хорошее настроение	78
НАШИ ДЕТИ	
Н. ПАВЛОВ. На конкурс «Мурзилки». <i>Рассказ</i>	84
Василий НЕЧУНАЕВ. <i>Стихи</i>	96
ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕГО КРАЯ	
Н. КАМБАЛОВ. Выдающийся исследователь Алтая	98
ЧИТАТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, КНИГИ	
Евгений РАППОПОРТ. Один из экипажа «Бригантины»	104
СПОРТ	
Вяч. СОКОЛОВ. Если сказано «А»...	114
С УЛЫБКОЙ	
А. ТРЕСКОВ. Правдивые рыбацкие истории	121

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Баздырев, Н. Дворцов, И. Казанцев, Л. Квин (редактор),
И. Пантюхов, В. Сидоров, М. Юдалевич.

Оформление художника **В. Раменского**
На вклейках и на обложке фото **Ш. Гуровича**

Художественный редактор **В. Раменский**

Технический редактор **М. Сафонова**

Корректор **С. Карпова**

Сдано в набор 31. X. 1966 г. Подписано к печати 20. XII. 1966 г.

Формат $70 \times 90^{1/16}$ —8=9,36 усл. п. л. 9,13 уч.-изд. л.

АГ 09209. Заказ 2499. Тираж 5000 экз. Цена 40 коп.

Алтайское книжное издательство. Барнаул, пр. Ленина, 76.

Типография № 1 Управления по печати. Барнаул, Л. Толстого, 29.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru